

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

П О В Ъ С Т И

И

Р А З С К А З Ы

ПЕТРА СУМАРОКОВА.

Ч А С Т Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Я .

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по отпечатаваніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ.
Москва, Февраля 19 дня 1837 года.

Ценсоръ *Д. Перевощиковъ.*

СИРОТКА.

ПОВѢСТЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ МНѢ ДОКТОРОМЪ.

СИРОТКА.

ВИЗИТЪ ПЕРВЫЙ.

МОНАСТЫРЬ.

Этому будетъ лѣтъ двадцать пять, когда, въ одно прекрасное весеннее утро, меня позвали въ ***й монастырь, по-смотреть больную сестру. За мной пришла, также, одна изъ сестеръ монастырскихъ. Разспрашивая ее о признакахъ болѣзни мой, для которой была нужна моя помощь, я не находилъ ихъ

опасными; но меня удивляло одно: что опть нея опказались многіе докпора, лъчившіе се прежде меня. Эпо обсто- яшельство и жаркія, убъдительныя просьбы, пришедшей сеспры, заставили меня пдти съ ней въ ту же минушу.

Ничего пьпть для меня поразишель- нѣе, какъ видъ тихой, монастырской обиптели, споящей посреди шумнаго, многлюднаго города. Когда я вошелъ въ монастырскую ограду, когда суеп- ная, пестрая, разнообразная картина жизни, кипѣвшей на улицахъ, вдругъ скрылась опть меня за чепырма спѣ- нами и я ужь не видалъ ничего больше, кромъ эшихъ мрачныхъ, молчаливыхъ спѣнь, да вверху синяго неба, разки- нувшагося надъ ними шапромъ и какъ бы спаяннаго съ ихъ краями, я взгля- нулъ на мою проводницу и невольно по- думалъ: «эши чепыре спѣны, засло- няющія опть здѣшнихъ жилищъ все, кромъ неба, не еспь ли превосходный

символъ цѣлой ихъ жизни?—Только шуда, въ эту синюю даль, можешъ свободно спрѣмиться взоръ ихъ, огражденный опъ всего на земль, полько шуда должны бытъ успремлены всѣ ихъ помыслы, всѣ желанія, всѣ надежды!...» Въ пуспынѣ эпи спѣны не сдѣлали бы на меня такога впечатлѣнія: шамъ я видѣлъ бы въ нихъ полько защиту опъ звѣрей и хищниковъ — простую ограду и ничего больше; здѣсь онѣ выражали передо мной весь спрашный обѣщъ монашества, всю великость жертвы людей заживо опрекшихся опъ радости міра. Погруженный въ эпи мысли, я вошелъ въ келью больной сеспры.

Это была женщина, по видимому, лѣтъ двадцати двухъ, съ чрезвычайно блѣднымъ, но все еще прекраснымъ лицомъ; съ полупопухшимъ, но все еще свѣплымъ взоромъ. Въ ея черныхъ большихъ глазахъ выражалась глубокая грусть,—

но грусть пихая, смиренная, покорная своему жребію. Во всѣхъ чертахъ ея лица были видны слѣды внупреннаго спраданія, — но спраданія прикрыпаго какой-то невыразимой, ангельской улыбкой, копорой больная какъ будто хопѣла сказать: «я не жалуюсь, я умѣю переносить то, что назначено мнѣ судьбой.» При первомъ взглядѣ моемъ на мою паціентку, при первомъ ея привѣспвіи, копорымъ она меня вспрѣшила, я заключилъ, что она должна быть происхожденія не низкаго, или, что она по крайней мѣрѣ всегда жила въ хорошемъ кругу.

— Вопѣ докторъ, сеспра Маріамна, копораго намъ совѣспывали призвашь къ вамъ, сказала моя проводница. Быть можешъ, при помощи Божіей, онъ успѣешъ воспановить ваше здоровье, лучше другихъ.

Сеспра Маріамна поблагодарила меня съ грустной и вмѣспѣ немножко на-

смѣшливой улыбкой; а на проводницу мою бросила взоръ дружескаго упрека. Казалось, она хотѣла дать намъ почувствовать, что оба мы напрасно безпокоились. Не смотря однакожь на эту улыбку и на эпокъ взоръ, смыслъ которыхъ я угадывалъ, я съмъ пропивъ больной и началъ мои наблюденія.

Она сидѣла у окна своей маленькой и, какъ мнѣ казалось, слишкомъ сырой для нея комнапы. Пульсъ ея былъ слабъ, но скоръ; ея шѣло было сильно изнурено и разслаблено. По этимъ первымъ симптомамъ, я нашель, что у нея медленная лихорадка, близкая къ лихорадкѣ чахоточной. Однакожь дыханіе ея было свободно, и, сколько я могъ замѣшшь, легкія еще не были поражены шѣмъ страшнымъ, разрушительнымъ недугомъ, опъ котораго все наше искусство бѣжипъ со стыдомъ, признавая свою слабоспъ и невѣжесство. Окно комнапы было опворено. Теплый, упои-

пельный майскій воздухъ вѣялъ въ лице больной и навѣвалъ на нее запахъ только что разпустившейся березы, стоящей въ маленькомъ полисадничкѣ. Я замѣшилъ, что больная вдыхаетъ въ себя этотъ воздухъ съ какой-то опрадой, что при каждомъ новомъ дуновеніи этого вѣтерка грудь ея поднимается свободнѣе, пульсъ спавшійся полнѣе, вся жизненная дѣятельность вспыхиваетъ на мигну въ прежней силѣ. Мнѣ казалось, что этотъ роскошный воздухъ, не раздражая ея дыхательныхъ органовъ (что непременно должно бы случиться, если бы они были въ болѣзненномъ состояніи), раздражаетъ только ея нервы и сильнѣе волнуетъ кровь; что эта прелесть весны живѣе напоминаетъ молодой опшельницѣ всю грусть ея жизни. Долго и приспально я смотрѣлъ на нее, не выпуская изъ моей руки ея руку, какъ бы желая показать ей, что я слѣжу только за однимъ ея пульсомъ, — и мнѣ

невольно приходило въ голову то, что, гораздо ужь послѣ, выразилъ такъ хорошо одинъ изъ нашихъ поэтовъ:

Или не радуясь возврапу
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую упрасу,
 Внимая новыи шумъ лѣсовъ;
 Или, съ природой оживленной
 Сближаемъ думою смущенной
 Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
 Которымъ возрожденья нѣтъ?
 Быть можетъ въ мысли намъ приходитъ
 Средь поэпическаго сна
 Иная, прежняя весна,
 И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
 Мечпой о дальней споронъ,
 О чудной ночи, о лунѣ. . . .

Да, все это думалъ я, глядя на мою больную, и не зналъ: опъ того ли она груспитъ, что опчаявается въ своемъ выздоровлеии, или опъ того больна она, что эта самая груспь, оправивъ ея жизнь, довела ее наконецъ до такого изнеможенія. До сихъ поръ я видѣлъ только, что пульсъ ея бьется около 90

разъ въ минушу, чпо въ крови ея жаръ, чпо желудокъ ея слабъ и распроенъ— словомъ я видѣлъ полько, чпо у нея лихорадка, но эпо всё равно, чпо я не видалъ и не зналъ ни чего. Мнѣ надобно было опкрыть, гдѣ корень ея болѣзни: въ душѣ или шѣлѣ; безъ шого я могъ дѣйспвовашь полько какъ слѣпецъ и невѣжда.

— Положеніе ваше совсѣмъ не шакъ опасно, какъ вы, можешь бышь, думаете — сказалъ я наконецъ.

«Всѣ докпора говоряшь мнѣ по же, опвѣчала больная; однакожь никпо изъ нихъ не помогъ мнѣ. Болѣзнь моя опшается все въ одномъ и помъ же положеніи.» Она сказала эпо съ шакимъ равнодушіемъ, съ шакимъ спокойспвіемъ, кошорые меня ужаснули.

— Можешь бышь эпо опъ шого, замѣшилъ я, чпо вы не въ шочности вы-

полняете предписанія медиковъ и пренебрегаете ими. Пренебрегаетъ средствами къ выздоровленію, сударыня, значить по же, что пренебрегаетъ самой жизнью....

Больная попупила взоръ, какъ будто боясь, чтобы я не проникъ въ ея душу.

«Я очень хорошо знаю мои обязанности къ жизни и къ Тому, Кто даровалъ мнѣ ее, отвѣчала она. Я дѣлаю всё, что мнѣ велятъ, но виновата ли я, если ни что не приносить мнѣ пользы?... Я буду слушаться и васъ, докторъ, прибавила опшельница, взглянувъ на меня ласково и съ усмѣшкой.

— Этого для меня недоспапочно, сударыня; прежде всего я желалъ бы знать *причину* вашей болѣзни....

«Причины нашихъ болѣзней часпо бывають скрыты опъ насъ самихъ и

ИЗВѢСТНЫ ПОЛЬКО одному Богу, сказала монахиня. Моя болѣзнь подкралась ко мнѣ такъ тихо, и такъ незамѣтно овладѣла мной, что я право не въ состояніи вамъ опредѣлить ни почной ея причины, ни даже того времени, съ котораго именно началась она.»

Я не совсѣмъ вѣрилъ молодой сестрѣ. Слушая ее, я думалъ о ея молодости, объ эпой пѣсной, мрачной кельѣ, въ которой погребена она, — я думалъ о томъ, что могло заставить ее опказаться опъ всѣхъ прелестей міра въ такія молодыя лѣта? Неужели одно пламенное желаніе снискать благость Божью, которая почно такъ же доступна для доброй жены, для доброй матери, какъ и для одинокой опшельницы?

— Послушайте, сказалъ я: съ чело-
вѣкомъ, пришедшимъ врачевать ваше
тѣло, надобно быть почно такъ же
опкровенной, какъ и съ врачомъ души.

Я не смѣю требовать опѣ васъ полной довѣренности при первомъ свиданіи съ вами; но я долженъ однакожь сказать, что безъ этой довѣренности я не могу обѣщать вамъ скорого и совершеннаго выздоровленія.

«Это ни къ чему не послужитъ! воскликнула больная съ какимъ-то ужасомъ.... Да и какой опкровенности хопите вы опѣ меня? прибавила она твердо, и какъ бы одумавшись. Вы смопрѣли пульсъ мой, вы знаете, что я чувствую слабость, что у меня нѣтъ сна, аппетита; что часто у меня болятъ голова, что часто она горитъ какъ въ огнѣ — чегожь вамъ больше, чтобъ угадать какое лѣкарство прописать мнѣ? Что же касается до того, съ котораго времени началась болѣзнь моя, повпорю вамъ опять, что я сама не знаю этого хорошенько. Можеть быть я была ужь больна еще прежде, чѣмъ всупила сюда, но тогда я не за-

мѣчала этого потому, что не была такъ слаба.»

Она говорила скоро, опривисто и какъ бы спараясь заглушивъ какое-то непріятное чувство, пробудившееся въ ней. Я видѣлъ, что намекъ мой на состояніе ея души слишкомъ сильно попрясь ее и встревожилъ. Послѣ этого дальнѣйшія разспросы съ моей стороны были бы нескромностью, и потому, обративъ разговоръ опять на одни физическіе припадки ея болѣзни, я прописалъ ей кое-какія средства и разкланялся. Сестра, приходившая за мной, проводила меня до конца коридора.

— Что вы скажете намъ, докторъ, о нашей больной? спросила она.

«Я думаю то же, что ужъ вамъ говорили и другіе доктора прежде меня: п. е. что я такъ же долженъ буду опъ нея опказаться.»

— Ныпъ, ради Бога, не оставляйте ее, докторъ! Наспояпельница наша и мы всѣ будемъ просить васъ объ эпомъ. Мы всѣ хотимъ, чтобы сестра Маріамна лечилась. Господи, для чего я не богата! Я первая опдала бы вамъ за ея жизнь всё на свѣпъ.

«Вы очень любите сестру Маріамну? спросилъ я оспановившись и вдругъ ухвась за мысль, промелькнувшую въ моей головѣ.

— Какъ родную сестру — опвѣчала монахиня, копорая, повидимому, была еще моложе больной, и копорая, произнося эти слова, пошпила взоръ, какъ бы совѣспясь, что и самое чувство дружбы могло найдти себѣ мѣсто подлѣ Религін, въ ея юномъ, полномъ жизни и огня сердцѣ.

«Въ такомъ случаѣ пособиите же мнѣ подашь ей помощь.»

— Пособить вамъ!... Чѣмъ же?

«Ужъ конечно не обѣщаніями наградъ, копорья мнѣ пенужны. Но можетъ бытъ вы въ состояніи обьяснить мнѣ то, чего не хотѣла обьяснить сама больная. Сколько я могъ замѣтить, она слишкомъ равнодушна къ жизни, и даже, мнѣ кажется, пренебрегаетъ ей.»

— Это правда, сказала монахиня, вздохнувъ.

«По этому-то мнѣ и надобно знать, что такое шягопитъ ея душу. Мнѣ надобно знать прежній образъ жизни ея, всѣ обспояпельства, копорья заспавили ея вступитъ въ монастырь. Можетъ бытъ, воспитанная въ нѣгѣ и роскоши, она поминся, какъ въ могилѣ, въ маленькой, душной кельѣ своей; можетъ бытъ ея шягопитъ самый обѣтъ ея, произнесенный въ минупу опчальнїя?...»

— Боже великій! что вы говорите! сказала монахиня съ ужасомъ. — Правда, сестра Маріамна испытала много несчастій въ жизни; правда, что для нея не осталось ни чего на земль,—но свящый обѣтъ, данный ей Богу, ни сколько не тяготилъ ее. Напроротивъ онъ составлялъ всё ея утѣшеніе,—мысль о другомъ, лучшемъ мѣрѣ составляетъ всё ея блаженство.

Я продолжалъ навѣщать больную и употреблялъ все способы, какіе только были въ рукахъ у меня, къ возстановленію ея здоровья; но мои лѣкарства худо помогали ей. Каждый разъ молодая монахиня, сколько любившая сестру свою, спрашивала меня о ея положеніи, и каждый разъ слышала отъ меня одинъ и тотъ же отвѣтъ: «дайте мнѣ способы засавить ее снова полюбить жизнь, дайте способы изгладить изъ ея сердца оспалки какихъ-то грустныхъ воспоминаній, копорья все еще гнѣздятся въ

немъ—и тогда я, можетъ спасться, помогу ей.» Эти слова и участіе, которое я принималъ въ больной, заставили наконецъ молодую сестру быть со мной опкровеннѣе.

— Да проспишь мнѣ Господь нескромность мою, сказала она однажды, и да не вѣнишь онъ мнѣ ее въ прегрѣшеніе. Совѣсть спала бы упрекать меня, еслибы послѣ словъ вашихъ, послѣ всѣхъ попеченій о бѣдной нашей больной сестрѣ, я скрыла отъ васъ что нибудь до нея касающееся. Возмите эти бумаги, докторъ, прочтите ихъ со вниманіемъ и потомъ подумайте, что еще можете вы сдѣлать для нея. Она сама писала это въ годъ своего искуса, — и эта исповѣдь сердца, казалось, облегчала ее спраданія, придавала ей больше пвердости переносить ихъ. Теперь она запрещаетъ себѣ малѣйшее изліяніе сердца, считаешь преступленіемъ всякую мысль о прошед-

шемъ, и мнѣ кажется, эша-шо спро-
госпъ къ самой себѣ заспавляепть ее
еще больше спрадзпть...

Я взялъ свипки бумагъ, поданныхъ
мнѣ монахиней. Эпо были спраницы и
лоскупки, писанные, по видимому, въ
разныя времена, иногда непвердымъ,
дрожацимъ почеркомъ, какъ будпо, мѣ-
спами, рука содрогалась опть словъ,
копорья начерпывала. Вопть чпо про-
чель я въ эпихъ бумагахъ, возврапив-
шисъ домой:

«Еспъ сущеспва брошенныя на про-
изволь судьбы съ самой первой минушы
ихъ рожденія, оспавленные даже шой, ко-
порая носила ихъ подъ своимъ сердцемъ.
Они незнаюпть кпо они, для нихъ нѣптъ
ни наслѣдспва, ни имени.... Я знала мою
машъ, но шѣмъ груспнѣе было мнѣ по-
перяпть ее, когда я ужъ начала свыкапть-

ся съ ея ласками; я помню, что первые мои годы пропекли въ изобиліи и богатствѣ, но это темное воспоминаніе сохранилось во мнѣ для того только, чтобы послѣ сдѣлавъ для меня еще несноснѣе мою бѣдность.... Теперь я такъ же не знаю кто я... Мнѣ такъ же не оспалось опъ людей, давшихъ мнѣ жизнь, ни имени ихъ, ни богатства.

Я была лѣтъ чепырехъ, когда я лишилась моей матери. Не могу поминуть ее хорошо; но помню однакожь послѣдній день, въ который я ее видѣла, — грустные впечатлѣнія этого дня оспались во мнѣ неизгладимы на цѣлую жизнь. Помню какъ плакала я о томъ, что «маменька» не вспаешъ съ постели; какъ увели меня опъ нея, не пускали меня къ ней, говорили, что она нездорова.... Наконецъ мнѣ сказали, что она уѣхала, и — одѣли меня въ черное платье....

Пока у меня была мать, я жила съ ней въ какомъ-шо сельскомъ домѣ, но

не знаю гдѣ. По временамъ къ намъ приѣзжалъ человекъ, котораго называли моимъ опцомъ. Онъ ласкалъ меня, бралъ къ себѣ на колѣни, привозилъ мнѣ всегда множество бездѣлокъ, привлекашелейныхъ для ребенка. Завидѣвъ его еще издали, я бѣжала къ нему на встрѣчу; но между шѣмъ не могла безъ какой-то боязни смотрѣть на его смуглое суровое лице. Всё это сильно дѣйствовало на мое воображеніе, и такъ же сохранилось въ моей памяти, хотя слабо, не ясно, какъ смутный сонъ.

Переспавъ видѣть маю, я перестала видѣть и этого человека; но куда дѣвался онъ, за чѣмъ оставилъ меня, я не знаю. Всѣ остальные подробности первыхъ лѣтъ моихъ оспались для меня темны. Знаю только, что наконецъ я была отдана на руки женщины совершенно мнѣ незнакомой. Она увезла меня далеко отъ мѣста, которое я считаю моею родиной, и поселилась со мной въ

одномъ губернскомъ городѣ южной Россіи. Тамъ началось для меня новое существованіе, больше ужь ясное, больше памятное мнѣ, и какъ будто вовсе разорванное съ прежнимъ. Вокругъ меня не было никого изъ тѣхъ людей, копорыхъ я прежде знала, никого, кто бы могъ мнѣ напомнить, сказать что нибудь о прошедшемъ.

Сначала женщина, заступившая мнѣ мѣсто мапери, обращалась со мною довольно ласково и даже старалась угождать мнѣ. Мы жили съ ней въ отдѣльной чиспой комнапѣ. Она учила меня, занималась мной и не заставляла ни въ чемъ терпѣшь недостатка. Но черезъ нѣсколько времени обращеніе ея переменилось; я начала слышать отъ нея безпрестанныя жалобы и упреки въ томъ, что за меня ей не плапашъ, что она не обязана учить меня и ходить за мной даромъ. Я могла отвѣчать на эти упреки однимъ слезами, но слезы нисколь-

ко не помогали мнѣ, не улучшивали моей участи. Моя новая мать, или лучше скажешь моя гувернандка, грозила, что она броситъ меня—и въ самомъ дѣлѣ кончилось тѣмъ, что, подождавъ еще нѣсколько мѣсяцевъ обѣщанной платы, и не получивъ ее, она уѣхала.

Я оспалась одна у хозяевъ дома, въ кошоромъ мы жили. Эти добрые люди не знали, что имъ со мной дѣлать, и пакъ же говорили, что имъ не присылаютъ денегъ, которыя обѣщали за меня платитъ; что судя по послѣднему письму ихъ родственника, приславшаго меня къ нимъ вмѣстѣ съ моей гувернандкой, отъ меня опстунился весь мѣръ, что больше имъ ничего неизвѣстно ни о томъ—кто я, ни о томъ—отъ кого я завишу. Все это говорили при мнѣ; люди совершенно чужіе, постаронніе должны были обо мнѣ заботитъся, отъ нихъ зависѣла моя участь. Я не могла еще достигать въполнѣ моего ужаснаго поло-

женія, но между тѣмъ каждый разъ эти толки о моей судьбѣ наводили на меня какой-то страхъ: я чувствовала свою беззащитность и одиночество, не видала подлѣ себя ни одного существа, къ которому бы я могла прибѣгнуть въ минуту шоски, опѣ котораго бы могла ожидать помощи и участія. Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала моя гувернантка, меня, казалось, въ самомъ дѣлѣ все бросили и забыли. У моей хозяйки были свои дѣти; часто сердце мое разрывалось на части, когда я видѣла, какъ ласкается ихъ мать; ихъ каждая печаль была раздѣлена съ ней, каждая слеза оперта ея рукой. Моя жизнь спановилась все хуже; чаще другихъ дѣтей я грустила и задумывалась, но моя грусть замирала на моемъ сердцѣ, мои слезы высыхали незамѣченныя никѣмъ....

Прошло два года послѣ смерти моей матери, и въ послѣдній изъ нихъ я испытала всю шоску сиротства, всю го-

речь чужаго хлѣба. Люди, которые сперва взяли меня къ себѣ за деньги, а потомъ должны были держать изъ соспраданія, съ каждымъ днемъ больше начинали псягопиться мной. Не получая обо мнѣ никакихъ удовлетворительныхъ свѣденій, ни того, что было имъ обѣщано, они хопѣли наконецъ опдашь меня въ сиротскій домъ; но судьба гошоваила мнѣ другую участь.

Въ домъ, гдѣ жила я, часпо оспанавливались поспояльцы и проѣзжающіе. Однажды, когда у насъ оспановилась знашная, проѣзжая дама, я выбѣжала на опкрышую галлерею дома поспотрѣшь ея экипажи. Тамъ споялъ мальчикъ лѣтъ восьми, привлекашелейной наружности и прекрасно одѣшый. Замѣшивъ, что я издали спотрю на него, онъ подошелъ ко мнѣ. Его ласковшй взоръ и голосъ меня ободрили. Черезъ нѣскольго минушь мы познакомились и ужъ вмѣспѣ бѣгали по терасѣ.

— Пойдемъ къ маменькѣ, сказалъ онъ наконецъ; она подаритъ тебѣ что нибудь.

Я не хотѣла идти, но онъ почти насильно ввелъ меня въ комнату приѣзжей дамы.

Обласкавъ меня сначала, какъ дитя поцѣловившееся ея сыну, нѣжно ею любимому, Княгиня С... приняла самое живое участіе въ судьбѣ моей, когда узнала, что у меня нѣтъ никого родныхъ. — Бѣдняжка, сказала она, тебѣ вѣрно нужна какая нибудь помощь?...

Желая узнать, что можетъ она для меня сдѣлать, Княгиня послала за моею хозяйкой. Между тѣмъ она продолжала меня спрашивать о томъ, кто я — и мои темныя, несудовлепворительныя отвѣты все больше и больше возбуждали ея любопытство и участіе.

Хозяйка моя повторила почти все то же, что я уже рассказывала. Ни она сама, ни даже моя гувернандка, приехавшая вместе со мной и потом меня оставившая, ничего не знали о моем происхождении. Из писем родственника хозяйки, приславшего меня к ней, можно было только понять, что поэт, от кого я завишу, уехал куда-то в далекий путь; что он неизвестно когда возвратится, и по видимому совсем забыл обо мне. Этот родственник не объяснял ничего больше, и смыслился на то, что такое объяснение не принесло бы ни какой пользы ни мне, ни семье, у кого я живу.

Мои собственные показанія были еще темнее. По ним догадывались, что я жила, вместе с моей матерью, на какой-то даче не далеко от Москвы, — но кто был человек, который к нам ездил, кто была мать моя — я не умела сказать. Может быть, даже

и пѣ немногія подробности, копорыя знаю я о первыхъ дняхъ моего дѣтства, изгладились бы наконецъ совершенно изъ моеѣ памяти, еслибъ Княгиня не заставляла меня и послѣ довольно часно повпорять ихъ, желая хоть сколько нибудь прояснить мракъ, окружающій мое происхожденіе. Но пайна его оспалась по прежнему пайной. На мнѣ былъ золотой креспикъ, медальономъ, съ годомъ, съ числомъ и съ надписью: *М. Д. Г. N.* вѣроятно надѣшый на меня при рожденіи. И шеперь эшопъ креспъ на мнѣ. Я сочла по немъ 25 года; а смыслъ лишеръ его все еще мной не разгаданъ. Только въ первой изъ нихъ я вижу начальную букву моего имени — синонима гореспи и спраданій!...

Во все время, пока Княгиня говорила со мной и съ хозяйкой, ея маленькій сынъ не опходилъ опъ меня. — Маменька, сказалъ онъ, мнѣ жаль эшу дѣвочку:

возмемше ее съ собой. — Мальчикъ говорилъ только то, что Княгиня ужь думала сдѣлать. Собственное сердце склонило ее къ добру еще прежде словъ ея сына. Увѣрившись, что я почто оставлена безъ всякой помощи и призора, что она сдѣлаетъ мнѣ истинное благодѣяніе, если возмемъ меня къ себѣ, Княгиня въ самомъ дѣлѣ рѣшилась на это. Хозяйка моя ни сколько не прощивилась ея намѣренію; но я, не смотря на всѣ ласки Княгини, все еще боялась съ ней ѣхать и оставить людей, хотя и холодныхъ ко мнѣ, но къ копорымъ я ужь успѣла привыкнутьъ. Какъ будто сердце мое чувствовало, что я слишкомъ дорого должна буду заплашить за минувшыя опрады и счастья, такъ внезапно посылаемая мнѣ судьбой. Наконецъ однакожь меня уговорили. На случай, еслибъ меня вздумали искасть, Княгиня оставила свой адресъ. Меня одѣли въ лучшее платье, какое еще было у меня; посадили въ богатую ка-

решу Княгини, — и съ тѣхъ поръ я сдѣлалась ея любимицей. Говорю *любимицей* попому, что назвавъ себя ея *воспитанницей*, я не выразила бы вполне ни того рѣзкаго переворота, который вдругъ перенесъ меня изъ прежней грустной жизни моей въ новую, опрадную жизнь, ни тѣхъ благодѣній, которыми осыпала меня Княгиня, во все время, пока я жила у нея.»

=

Княгиня С... была женщина знатнаго происхожденія, жена богача и вельможи. Ни богатство, ни знатность не опкупили однакожь ее отъ болѣзни и горя. Здоровье ея было распроено, спокойствіе помрачено глубокой печалью. Проводивъ мужа своего за границу, куда онъ отправился по дѣламъ дипломатическимъ, Княгиня рѣшилась переселиться

въ свое помѣстьѣ, лежащее въ южной полосѣ Россіи, какъ для того, что Пешбургскій климатъ былъ слишкомъ вреденъ для нея, такъ и потому еще, что деревенскій образъ жизни больше соотвѣтствовалъ наспоющему разположенію ея души, чѣмъ образъ жизни сполочной, давно ужъ ей наскучившій. Въ пиши деревни, въ копорую въ это самое время она ѣхала,—и на пупи, въ копорую вспрѣпилась со мной и взяла меня, — она совершенно посвятила себя воспитанію своего сына. Валеріянъ былъ такъ еще молодъ, что для него пока пребовалось только образованіе приугошовишельное — и Княгиня, казалось, хотѣла вполне воспользоваться тѣмъ недолгимъ временемъ, копорое могъ пробыть онъ вмѣстѣ съ ней. Многому она учила его сама, была безошлучно при тѣхъ урокахъ, копорые бралъ онъ у своего учишеля. Но ни эти безпрестанныя заняція, ни эта горячая любовь къ сыну, ни собспвен-

нья думы и горести не могли заспа-
 вишь Княгиню забышь бѣдную сироп-
 шку, взятую ей изъ состраданія. Я
 училась вмѣстѣ съ сыномъ ея, была
 участницей во всѣхъ удовольствіяхъ,
 копорые ему доставляли, раздѣляла съ
 нимъ и похвалы и награды, если поль-
 ко ихъ заслуживала. Казалось даже,
 что самыя чувства Княгини дѣлились
 по ровну между имъ и мной: такъ пруд-
 но было отличить ея заботливую бла-
 гошворительность отъ любви маше-
 ринской. Истинное чувство добра,—а не
 щеславіе, не минушная прихоть знаш-
 ной дамы, заспавило ее принять меня
 къ себѣ въ домъ; благодѣяніе, ока-
 занное ею мнѣ не помрачалось ни
 чѣмъ: ни пренебреженіемъ, ни дур-
 нымъ обращеніемъ со мной, ни изли-
 шней, спрогой взыскапельностью, какъ
 это часшо бываетъ въ подобныхъ
 случаяхъ. Въ одномъ можешъ бышь
 Княгиня была виновата передо мной
 —если только это можно поспавишь въ

вину ей, а не мнѣ:—въ томъ, что ужь слишкомъ много любила меня, и тѣмъ самымъ заставила слишкомъ много мечтать о себѣ дѣвочку безъ имени и богатства....

Въ первые годы пребыванія моего у Княгини, я ни сколько не думала объ этихъ двухъ вещахъ. Непоспигая тогда всей важности, какую имѣюшь онѣ въ глазахъ многихъ людей и особенно въ глазахъ цѣлаго общества, я даже дивилась для чего Княгиня такъ много заботилась о томъ, что бы узнать кто я, такъ часто спрашиваетъ меня о прежней моей жизни, желая, какъ ужь я сказала, проникнуть въ тайну моего рожденія? Счастливая любовью моей благодѣтельницы и дружбой поварища моихъ игръ и уроковъ, довольная наспоющимъ моимъ положеніемъ, я не умѣла еще размышлять о моемъ будущемъ положеніи въ свѣтѣ, гдѣ богатства

во и имя цѣняпся выше личныхъ достоинствъ, гдѣ, почти всегда, злобно мстятъ пѣмъ, копорые осмѣливаются переступать за кругъ, очерченный для каждаго его золопомъ и шишуломъ. Покамѣсптъ, полько Княгиня и сынъ ея соспавляли для меня цѣлый мѣръ. Въ нихъ нашла я мое семейство, всё близкое всё драгоценное мнѣ. Они оживили теплымъ чувствомъ прїязни осиротѣвшее мое сердце, они любили меня: одна какъ дочь, другой — какъ сестру, — и когда я видѣла, когда я чувствовала эту любовь, какая жъ была мнѣ надобность въ помъ, кого именно они во мнѣ любятъ?... Такъ провела я пять лѣтъ въ домъ Княгини. Во всё продолженіе этого времени, самого счастливаго въ моемъ дѣтствѣ, я гораздо больше боялась всѣхъ свѣденій о себѣ, чѣмъ желала получить ихъ. Не знаю, какой бы ужасъ навелъ на меня и какой бы поской разперзалъ мое сердце шопъ, кто пришелъ бы меня опияшь у моей доброй благодѣтельницы, разлу-

чипь меня съ ней и съ Валеріаномъ!... Я чувствовала, что, кромѣ мапери моей, мнѣ ни кто не въ силахъ замѣнить эгихъ двухъ существъ, разспаться съ копорыми было также спрашно мнѣ, какъ разспаться съ жизнью.... Между шѣмъ разлука съ однимъ изъ нихъ была для меня неизбежна; она приближалась, и мысль о ней превожила меня несравненно больше мысли о моей будущности.

Валеріанъ былъ записанъ въ Пажескій корпусъ. Наступало время его опредѣленія; Княгиня сама собиралась везти его въ Петербургъ. Она не знала, позволитъ ли ей здоровье на долго оспаться тамъ; покрайней мѣрѣ она хотѣла проводить его и пробить съ нимъ хотя до шѣхъ поръ, пока онъ привыкнетъ къ своему новому образу жизни. Обстоятельства заспавили ее однакожь опказаться и опъ этого намѣренія. Она получила, по этому случаю, опъ своего

мужа письмо, изъ котораго я включаю нѣсколько спрокъ въ мои записки, пошому что онѣ могушь пояснить, нѣкоторымъ образомъ, и ходъ семейныхъ Княгининныхъ дѣлъ, имѣвшихъ пѣсную связь съ моею собственною участью, и вмѣстѣ выразитъ характеръ Князя С... впоследствии сдѣлавшагося для меня лицомъ очень значительнымъ.

«Вы намѣрены, Княгиня, писалъ онѣ къ ней, сами ѣхать въ Петербургъ съ Валеріаномъ, и можешь бышь прожить тамъ нѣсколько времени; — но я не совѣшовалъ бы вамъ этого дѣлать. Вы ужь испытали, какъ Петербургскій климатъ вреденъ для васъ, и, мнѣ кажется, неблаго разумно было бы съ вашей стороны подвергать свое здоровье явной опасности. Признаюсь вамъ даже, что я не желаю этого и по другой причинѣ: мнѣ не хочется, чтобы сынъ мой заслужилъ названіе *маменькинаго сына*, а это должно будетъ случиться немнѣ-

нуемо, если вы захотите непременно провожать его, станете брать къ себѣ по воскресеньямъ, станете нѣжить и баловать въ то время, когда онъ долженъ свыкаться съ прудностями службы и съ своими обязанностями. Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ доводовъ, съ которыми вы имѣете полное право не согласиться, можете быть по различію вашего образа мыслей съ моимъ, я долженъ представить вамъ еще одно обстоятельство, служащее самымъ главнымъ препятствіемъ къ выполненію вашего предположенія. Санъ мой, и слѣдственно образъ жизни ему соответственный, заставляють меня противъ воли входить въ издержки огромныя. Чтобы не унижить моего званія въ глазахъ иностранцевъ, привыкшихъ считать богатство и роскошь необходимою принадлежностью всѣхъ Русскихъ вельможъ, я долженъ всеми способами усиливать мои доходы, и для этого даже нахожусь вынужденнымъ опадать въ

наймы Пешербургскій домъ мой. Подумайте, что приѣхавъ сюда, вы должны будете жить въ наемной квартирѣ, и можете спашься, жить очень ограничено. Такая жизнь будетъ слишкомъ безпокойна для васъ и, по моему, не совсѣмъ и прилична для такой особы, какъ вы. Легко можете выдти глупые толки на счетъ дѣлъ нашихъ, а я увѣренъ, что вы не захотите скомпрометировать такимъ образомъ и себя и меня въ глазахъ цѣлой столицы. Оставьте, пожалуйста, вовсе поѣздку вашу; она не принесетъ вамъ ни какой пользы, а можетъ только расстроитъ васъ во всѣхъ отношеніяхъ. Отправте Валеріана съ его училемъ, на котораго смѣло можно положиться. Я самъ скоро буду въ Пешербургъ; но я столько дорожу вашимъ здоровьемъ, что не хочу жертвовать имъ для удовольствія васъ видѣть. Гораздо лучше будетъ мнѣ самому заѣхать къ вамъ, до обратнаго моего отправленія за границу, и я постараюсь

выполнишь эпо, если только время и дѣла мнѣ позволятъ....»

Княгиня была не совсѣмъ счастлива, или лучше сказать, была очень несчастлива своимъ супружествомъ. Человѣкъ холодный въ душѣ, слишкомъ вольный въ своемъ образѣ мыслей и правилахъ, Князь С... никогда не могъ сослѣдовать благополучія такой женщины, какова была жена его. Не смотря на всю любовь ея къ нему, онъ всегда плашилъ ея за эту любовь равнодушіемъ. Воспитанный въ правилахъ XVIII вѣка, онъ слишкомъ мало чтилъ обязанности семейныя, пренебрегалъ ими, искалъ безпрестанно новыхъ удовольствій, новой пищи своимъ чувствамъ. Время, различіе склонностей и характеровъ охладило его еще больше къ несчастной супругѣ, и когда наконецъ ему представился случай ѣхать за границу, онъ воспользовался имъ какъ средствомъ, которое давало ему возможность, безъ всякой непріятной исторіи,

безъ соблазна другимъ, безъ нареканія самому себѣ, освободись опъ узъ, давно его птягопившихъ. Легко было найши предлогъ, по которому Княгиня не могла за нимъ слѣдовать,—пѣмъ легче еще, что она сама не желала эпого, сама искала только опдыха и спокойствія. Супруги распались безъ развода, безъ шума, но распались съ пѣмъ, чтобы не соединяшья никогда. По эпому-то въ письмѣ Князя, кромѣ всегдашней его холодноспи, кромѣ насмѣшекъ надъ нѣжными чувспвами мапери, проглядывала еще боязнь, что бы при наспоящемъ положеніи дѣль его, какъ семейныхъ, такъ и денежныхъ, оспавленная имъ жена не показалаь опяшь въ общеспвѣ людей знакомыхъ ему, и пуще всего въ шакое время, когда онъ самъ будепъ тамъ же. Еще до полученія Княгиней эпого письма, маперинская любовь боролась въ сердць ея съ мыслью о всѣхъ шрудностяхъ дальнаго пуши, который думала она предприняшь, о всѣхъ безо-

койствахъ и издержкахъ, копорья повлеклобы за собой это пупешествіе. Деревня, въ копорой жила она, принадлежала собственно ей. Близость одного изъ богатѣйшихъ городовъ южнаго края, и именно: близость Одессы, доставляла ей возможность имѣть тамъ всѣ пособия, нужныя для ея разспроеннаго здоровья. Этопъ прекрасный, благословенный климатъ юга, эта тишина деревни, этопъ скромный, уединенный образъ жизни, при копоромъ ей было очень доставочно доходовъ собственныхъ, — всё это соопвѣпствовало какъ нельзя лучше ея здоровью, разположенію духа, обстоятельствомъ; и всѣмъ этимъ она гопова была однакожь пожертвовашь на время своему сыну. Можешь бышь самое письмо Князя, не смопря на всѣ его насмѣшки и убѣжденія, не заставило бы ее опказашься опъ желанія проводить Валеріяна, и пѣмъ самымъ опсрочивъ хоть на сколько нибудь разлуку съ нимъ; но ее оспановилъ въ этопъ слу-

чаѣ упадокъ дѣлъ ея мужа, о которыхъ онъ самъ писалъ съ невыгодной споронны. Зная его разпочительность, она давно ужъ боялась эпого и не могла ожидать ничего лучшаго и впередъ; зная эгоизмъ его, она не надѣялась, чшобы онъ много спалъ удѣлять на содержаніе своего сына въ то время, когда оно ему понадобится. Сообразивъ всѣ эти обстоятельство, добрая, попечительная мать рѣшилась, по необходимости, отказать себѣ въ одномъ изъ лучшихъ желаній своихъ, рѣшилась даже не видашь Валеріана во все время пребыванія его въ Корпусѣ. Она хотѣла лучше сохранить свое здоровье и свои собственные небольшіе избытки для его же будущей пользы, чѣмъ распроишь и то и другое безвременно, слѣдуя одному только влеченію своего сердца.

Такимъ образомъ разлука моя съ Валеріаномъ наступила скорей, чѣмъ я ожидала. До сихъ поръ помню я, какъ

грустно мнѣ было, когда Княгиня сказала намъ, что онъ долженъ ѣхать одинъ. Мнѣ очень не хотѣлось расстаться съ мыслью о поѣздкѣ въ Петербургъ, которая прельщала меня какъ двенадцати лѣтнюю дѣвочку; не хотѣлось еще больше расстаться такъ скоро съ поварищемъ моихъ игръ и уроковъ, и, мнѣ кажется, никогда еще до тѣхъ поръ такъ горько не плакала я, какъ въ день его отъѣзда. Я привыкла къ нему, любила его. Я помнила въ немъ того добраго, прекраснаго мальчика, которъй, при первой встрѣчѣ со мной въ чужомъ домѣ, приласкалъ меня всѣми оставленною, привелъ къ своей матери, просилъ ее за меня.... Когда онъ уѣхалъ, въ сердцѣ моемъ осталась какая-то пуспопа, какая-то глубокая грусть, кою долго не могли разсѣять во мнѣ ни мои занятія, ни самое легкомысліе, свойственное моему возрасту. Чувства мои какъ будто шли впередъ моихъ лѣтъ.... »

Проводивъ своего сына, Княгиня продолжала заниматься мной по прежнему и можетъ быть еще съ бѣльшимъ вниманіемъ, попому что теперь вся ея заботливостъ падала на меня одну. Уроки, копорые она давала мнѣ, служили ей разсѣяніемъ; польза, извлекаемая мной изъ нихъ, соспавляла ея наслажденіе. Для нея оставалась еще въ жизни одна опрада: дѣлать добро.—и каждое новое мое познаніе, каждый новѣй успѣхъ мой приносили ей такое же чистое, святое удовольствіе, какъ милоспыня, копорую раздавала она бѣднымъ. Любя много Княгиню, умѣя ужъ понимать, если еще не вполне цѣнить, все то, что она для меня дѣлала, я, повидимому, должна бы была счислять себя счастливой больше чѣмъ прежде, въ то время, когда со мной не кому было дѣлать ея попеченій и ласкъ; но напропивъ, эта безраздѣльность заспавляла меня только грустнть и задумываться. Мнѣ казалось, что я была бы гораздо довольнѣе, еслибъ

мнѣ дали опять какую нибудь подругу, какого нибудь поварища одинакихъ лѣтъ со мной, одинакихъ чувствъ, одинакихъ склонностей, довольнѣе даже и тогда, еслибъ я снова должна была дѣлиться любовью Княгини, снова должна была уступить большую часть этой любви другой или другому. Часто, во время одинокихъ уроковъ моихъ, и еще чаще во время одинокихъ прогулокъ, я мечтала объ этой подругѣ или поварищѣ—и всякой разъ, когда воображеніе мое создавало для меня призракъ существа, съ которымъ бы я желала быть неразлучной, эпошъ призракъ носилъ на себѣ образъ Валеріана....

Помню, съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ жаднымъ вниманіемъ вслушивалась я всегда въ рѣчи Княгини, когда только она начинала говорить о немъ. Помню какъ неперпѣливо ждала я его писемъ, какъ бывала довольна и счастлива, когда мы получали ихъ, какъ серд-

це мое препенало опъ радости при одномъ взглядъ на его почеркъ! Съ пѣхъ поръ, какъ я распалась съ Валеріаномъ, моя привязанность къ нему, слишкомъ рано заброшенная въ мое сердце привычкой нѣсколькихъ лѣтъ и собственной его ко мнѣ дружбой, вмѣстѣ со всемъ, чѣмъ бы слабились и изглаживались опъ времени и разлуки, все больше и больше усиливалась во мнѣ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ. Самый образъ жизни моей, которая опъ времени до времени разнообразилась только поѣздками въ Одессу и попомъ шла опять одиноко и тихо, самыя отношенія мои къ Княгинѣ способствовали развитію этого чувства въ моемъ сердцѣ. Какъ могла я оставаться равнодушной къ тому, кого такъ много любила моя добрая благодѣтельница, моя впорая мать? Какъ могла не дорожить я тѣмъ, кто съ самой былъ такъ дорогъ?... Если я принимала живое участіе въ чувствахъ Княгини къ ея сыну, раздѣ-

ляла съ ней ея маперинскія опасенія; ея ожиданія и надежды — мнѣ казалось, что я увлекаюсь только долгомъ и признательностью; если я скучала безъ Валеріана — мнѣ казалось, что я скучаю только моимъ одиночествомъ. Еще прежде, чѣмъ свѣпъ какой нибудь мысли озарилъ меня, дума о товарищѣ дѣпскихъ лѣпъ моихъ слишкомъ глубоко укоренилась въ моей душѣ, мечты о немъ слишкомъ пѣсно слились съ моимъ существованіемъ.

Годы проходили и все та же дума и все тѣ же мечты занимали меня по прежнему. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ понятія мои и способности развертывались вмѣстѣ съ лѣпами, Книгиня употребляла всѣ средства, какія только могла, для усовершенствованія моего воспитанія. Каждый разъ, когда мы бывали въ Одессѣ и проживали тамъ по нѣскольку времени, она брала для меня учителей музыки, танца, панцевъ.

Я любила чипашь, — она доставляла мнѣ способы удовлеспворяпшь эпой склонности, и сама вывозила меня въ шеапръ, замѣшивъ, что я пакъ же люблю его, какъ и книги. Но и шеапръ, и книги, и музыка, вмѣспо того, чпобъ развлечь, разсѣяпшь меня, сдѣлали воображеніе мое еще больше мечпашельнымъ, заспавили его еще съ бѳльшей силой спремипсья къ шому, копорого я привыкла любить съ самыхъ раннихъ лѣпшь. Наслаждалась ли я какимъ нибудь удовольспвіемъ — эпо удовольспвіе казалось не полно мнѣ, пошому что оно не было раздѣлено съ Валеріаномъ. Пріобрешала ли я новый, пріапный таланпъ, новое познаніе — я восхищалась больше всего шой мыслью, что со временемъ, быпшь можешъ, услышу его одобреніе... У каждого изъ насъ еспъ какое нибудь любимое желаніе, какая нибудь любимая надежда, копорая манипшь насъ къ себѣ, блещешъ, какъ дуга завѣща, въ нашемъ будущемъ.... И шеперь, когда у меня нѣпшь больше на-

деждь на земль, эпошь привѣшный свѣшь ожиданія не совсѣмъ еще померкъ для меня: я спремлюсь къ нему въ другой мѣръ — шуда, за могилу.... Тогда онъ озаряль передо мной день свиданія моего съ Валеріаномъ. Мнѣ казалось, что въ эпошь день исполняшся всѣ мои желанія, совершашся надежды цѣлой жизни моей. И между тѣмъ еслибъ кто вздумалъ спросишь у меня, для чего я хочу видѣшь Валеріана, для чего шакъ неперпѣливо жду дня, въ который увижу его, я сказала бы шолько: «Эшо будешъ день радости для моей благодѣшельницы, день радости для всѣхъ насъ.» И сказавъ эшо, я сказала бы все, не ушавая ничего за душой. Я ждала эпого дня безошчешно, сама не зная для чего; ждала его, какъ дѣши ждушъ праздника: не размышляя о шомъ, что ошпанешся имъ, послѣ, опъ ихъ ожиданія и что будешъ съ ними опашъ, когда пройдешь эпошь день....»

«Мнѣ было 17 лѣтъ, когда Валеріана выпустили изъ корпуса. То, чего я ждала такъ неперпѣливо, такъ долго, наконецъ исполнилось: онъ оппросился въ оппускъ и приѣхалъ къ намъ. Минута свиданія съ нимъ въ самомъ дѣлѣ была для меня минутой блаженства невыразимаго; — но одной только минутой — не больше.

Пока я была розно съ Валеріаномъ, мнѣ казалось, что я встрѣчу его опять съ тѣми же опкрытыми, дѣтскими чувствами, съ какими мы разсавались, что все пространство времени, пролетѣвшее между нашей разлукой и нашимъ свиданіемъ, исчезнетъ для насъ при этой встрѣчѣ. Я такъ много хотѣла пересказать ему, такъ о многомъ собиралась его разспрашивать; но когда я увидѣла его, я не находила ни словъ, ни предмета для разговора съ нимъ. И какъ въ самомъ дѣлѣ могла я теперь высказать, передать ему всѣ мои чув-

спва, всѣ впечатлѣнія, всѣ завѣшныя думы мои, все то, что радовало, огорчало, занимало меня въ продолженіе его отсутствія? Это не былъ ужь пошль маленькій Валеріянъ, съ копорымъ прежде наши общія занятія, наши игры, наши дѣтскія лѣта сближали насъ: это былъ молодой Князь С., человекъ превышающій меня и званіемъ и соспояніемъ, и при томъ человекъ совершенно чужой, посторонній мнѣ — не братъ мой, не женихъ мой... Каждый разъ, когда я начинала говорить съ нимъ, какое-то чудное, незнакомое мнѣ до тѣхъ поръ смущеніе сковывало мой языкъ, отдаляло меня отъ него, заспавляло меня робостью его и чуждаюсь. Голосъ приличія бралъ во мнѣ верхъ надъ чувствами сердца, нашептывалъ мнѣ, что прежняя дѣтская опкровенность моя съ Валеріаномъ была бы теперь неумыслена. Такое принужденіе было для меня невыносимо мучительно, спановилось мучительнѣе съ каждымъ днемъ.

Княгиня позволяла мнѣ называѣть себя маменькой. До тѣхъ поръ, пока мы жили съ ней однѣ, это слово казалось мнѣ не пустымъ только звукомъ, потому что я въ самомъ дѣлѣ привыкла пользоваѣться почти всѣми правами настоящей ея дочери; но присутствіе молодаго Князя горестно разочаровало меня и какъ бы вдругъ открыло мнѣ глаза: я не могла назваѣть его брапомъ, не смѣла приласкаѣться къ нему какъ сеспра. А какъ бы дорого была гопова заплапшь я за возможность хошъ одной шакой ласки, за то, чпобы хошъ одинъ разъ въ жизни назваѣть его эшимъ сладкимъ именемъ!... Какъ-то грустнѣе сдѣлалось опяшь для меня сиротство мое, какъ-то спрашнѣе спало казашъся мое опчужденіе опъ всего міра. Цѣлые вечера, цѣлыя ночи проплакивала я о томъ, чпю судьба не связала меня ни какими узами родства съ семействомъ Княгини. Это были пайныя слезы любви; но можешъ спашъся долго еще была

бы непонятна мнѣ наспоющая причина эгихъ слезъ, можешъ спашься искра безумной спраспи, шавшаяся въ сердце моемъ, угасла бы наконецъ сама собой, если бы сладкій, обольспительный голось взаимности не дохнулъ на нее, не засшавилъ ее вспыхнушь огнемъ и испепелишь это сердце!...

Дней черезъ десять по приѣздѣ къ намъ Валеріана, Княгиня почувспвовала себя не очень здоровой, и на цѣлый день оспалась въ своей комнашъ. Когда я сошла къ обѣду, споль былъ накрышь шолько на два прибора: для меня и для Князя. Это обспоятельство, ничшожное само по себѣ, произвело на меня чудное, неизъяснимое впечатлѣніе. Опъ шого шолько, что я занимала мѣспо хозяйки, а Валеріанъ сидѣлъ пропивъ меня, я была совершенно сшасшлива и довольна. Мнѣ казалось, во время эшого обѣда, что я въ самомъ дѣлѣ наконецъ сеспра, жена его. Не знаю что думалъ,

что чувствовалъ Валеріанъ въ эту минуту; но онъ былъ такъ же молчаливъ и разсѣянъ какъ я; онъ такъ же желалъ и старался продлить нашъ тихій, одинокій обѣдъ, который вдругъ какъ будто сблизилъ насъ снова. Столъ кончился, а мы все еще не думали разсѣиваться—и, я сама не знаю какъ, очутились въ саду, рука въ руку.

Въ первый разъ онъ заговорилъ со мной о прошедшемъ, о нашемъ дѣйствѣ, о нашихъ играхъ, о нашихъ урокахъ. Каждая аллея въ этомъ саду, каждая скамья, каждое дерево, напоминали ему что нибудь изъ былаго. Сердце мое задрожало; мнѣ казалось, что устами Валеріана высказываются собственные чувства, собственные любимыя думы мои. Въ каждомъ словѣ его мнѣ слышался отголосокъ моей души.

— Марія, сказалъ онъ наконецъ, когда мы оба, какъ будто по какому-то

шайному согласію, остановились вдругъ въ аллеѣ, копорую прежде любили больше другихъ, у скамьи, на копорой прежде сидѣли чаще другихъ, — Марія, вы слушаете меня молча и не отвѣчаете мнѣ!... Скажите, неужели эти мѣспа никогда не напоминали вамъ меня, неужели они никогда не напоминали вамъ того, о чемъ сейчасъ говорилъ я?...

Этотъ вопросъ вывелъ меня изъ шой пихой, сладоспной задумчивоспи, въ копорую была я погружена нѣсколько минутъ. Онъ заставилъ меня вздрогнуть, пронзилъ какъ иглой мое сердце: мнѣ было больно, что Валеріанъ могъ, хоть на одинъ мигъ, счестъ меня существомъ холоднымъ, способнымъ забыть его.

— О нѣпъ, я слишкомъ хорошо помню все, о чемъ вы говорите, отвѣчала я съ живоспью; помню, можетъ быть, лучше чѣмъ вы....

Онъ грустно и недовѣрчиво глядѣлъ на меня. Онъ говорилъ, что не смотря на его продолжительное опсуществіе, вся прежняя дружба его, вся прежняя любовь ко мнѣ сохранилась въ его сердцѣ, что онъ желалъ видѣть меня такъ же неперпѣливо, какъ желалъ видѣть мамъ. Потомъ онъ жаловался, что приѣздъ его нисколько меня не обрадовалъ, что онъ не ожидалъ, не думалъ найпи во мнѣ такой перемѣны.

Боже великій! неужели эша гореспь, кошорая такъ ясно выражалась въ его взорѣ, была гореспь припворная? Неужели эшѣ жалобы, кошорыя приносилъ онъ на меня мнѣ же самой, вырывались не прямо изъ души его?... Не знаю — покрайней мѣрѣ онъ были прогапельны какъ испина. — У меня навернулись слезы: я не знала что сказаць ему, не умѣла и не смѣла объясниць шого чувства, кошорое удерживало меня ошѣ него въ опдаленіи. Только эши слезы

и нѣсколько несвязныхъ словъ о нашемъ неравенствѣ, о томъ, что я не сестра его, а бѣдная воспитанница его матери, — были отвѣтомъ моимъ; но этихъ немногихъ словъ, но моихъ слезъ было слишкомъ доспапочно для того, что бы дасть понять Валеріану, какъ дорого стоить мнѣ мое принужденіе. Взоръ его прояснился, его грустные жалобы перемѣнились въ пылкую рѣчь любви.

— Марія, подруга моя, сестра моя, сказалъ онъ крѣпко прижавъ меня къ сердцу, неужели ты думаешь, что я для того только сдѣлался изъ ребенка человекомъ, чтобы гордиться моимъ званіемъ, неужели думаешь, что я могу гордиться передъ тобой тѣми ничтожными преимуществами, которыя даетъ оно мнѣ? Если ты по прежнему любишь меня какъ брата, отъ чего же тебѣ не быть моей сестрой? Если ты любишь меня больше чѣмъ брата, отъ че-

го тебѣ не бышь невѣстой моей?... Не пугайся того, что говорю я тебѣ, не смотри на меня съ эпитомъ изумленіемъ. Неужели ты не вѣришь, что тотъ, которій былъ такъ призванъ къ тебѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, любитъ тебя еще больше теперь? Да, моя Марія, съ тѣхъ поръ, какъ мы распались съ тобой, мысль о тебѣ никогда не оставяла меня, и чѣмъ больше развивались мои понятія, тѣмъ чаще начиналъ я мечтать, что ты, подруга моего дѣтства, можешь быть сдѣлаешься когда нибудь подругой моею на цѣлую жизнь. Это была любимая мечта моя въ послѣдніе годы нашей разлуки; и теперь, когда я увидѣлъ тебя опять, я еще больше увѣрился, что твоя любовь необходима для меня, какъ воздухъ, которымъ дышу я.... Не прерывай меня, Марія, не возражай мнѣ. Не говори мнѣ, ради самаго Бога, что я сынъ вельможи, а ты бѣдная сирота: я люблю тебя, ты до-спойна моею любви во всѣхъ отноше-

ніяхъ — эпого довольно для равенства. Моя мать слишкомъ много любишь обоихъ насъ, чпобы пропивишься нашему счастью. Она сама испытала много горестей, она знаетъ, что истинное благополучіе челоуѣка состоиптъ не въ пи-тулахъ и блескѣ, — и не захочешъ разрушать нашего для нуспыхъ предразсудковъ. Можешъ бышь намъ вспрѣ-пяшся препяшспвія со спороны опца моего, но неужто любовь должна бояшь-ся препяшспвій? Неужто у меня не до-спанешъ силы и воли преодольшь ихъ?... И когда онъ увидишь, что воля моя непоколебима, онъ долженъ будешъ усту-пипъ мнѣ по необходимости. Онъ можешъ располагашъ мной во всѣхъ дру-гихъ опношеніяхъ, но не въ эпомъ. Нѣшъ, Марія, не говори мнѣ ни чего по-добнаго, не дѣлай, умоляю тебя, ника-кихъ возраженій. Скажи только, что пы меня любишь — только одно эпо сло-во хучу я слышашъ опъ тебя — и ни-чего больше....

Такъ говорилъ Валеріянъ, — и никогда не забуду я ни одного изъ эпихъ словъ, копорые очаровывали меня, лились прямо въ мою душу, и наконецъ разгадали мнѣ же самой тайну моего сердца: полько пущъ спало поняпно мнѣ, какой любовью люблю я Валеріана. Сначала рѣчи его въ самомъ дѣлѣ превожили, испугали меня; но я не въ силахъ была пропивиться моей спраспи, моему собсшвенному блаженству. Настоящее счастье мое было слишкомъ велико для того, чпобы спрашивсья чего нибудь въ будущемъ: я предалась ему вполне, со всѣмъ упоеніемъ первой любви, со всей безпечноспью молодоспи....»

=

«Это было въ прекрасный, роскошный день южнаго лѣта. Прелесть времени еще больше усугубляла мое блаженство. Когда я распалась съ Валеріаномъ, мнѣ казалось, чшо вся природа порже-

спвуеть вмѣстѣ со мной. Передъ каждымъ деревомъ, передъ каждымъ кустомъ цвѣповъ я останавливалась въ какомъ-то упоеніи, какъ бы желая передать имъ, раздѣлишь съ ними чувство, переполнявшее мою грудь. Я пвердила безпрестанно самой себѣ, что я люблю и любима, что и я наконецъ не одинокое, не чуждое всему существо въ природѣ. Жизнь обновилась для меня, каждая новая минута жизни казалась мнѣ новымъ наслажденіемъ.

Одна только мысль возмущала по временамъ мое счастье: именно та, что любовь моя оставалась тайной для моей благодѣтельницы. Я говорила объ этомъ Веллеріану, хотѣла даже сама открыть ей все; но онъ каждый разъ пропивился моему желанію, каждый разъ доказывалъ мнѣ, что такая преждевременная откровенность могла только возмутить спокойствіе его матери.

— Я увѣренъ, что собственно для себя ей не будетъ непріятна любовь наша, говорилъ онъ; но можетъ быть за насъ спанетъ она спрашиться пѣхъ же самыхъ препяпствій, копорыхъ я не хопѣлъ и скрывать опъ шебя, Марія; — можетъ быть спанетъ спрашиться ихъ больше, чѣмъ сами мы. А почему намъ не надѣяпсья, что эпи предполагаемыя препяпствія совсѣмъ не такъ велики, какъ мы воображаемъ, почему намъ знапсь, что скажетъ опець мой, когда увидишь шебя? ... За чѣмъ же шревожишь слабое, боязливое сердце матери карпиной новыхъ семейспвенныхъ непріятноспей, копорыхъ можспть быпсь никогда не случишсь? Придепть время, мы опкроемъ ей всё; а до пѣхъ поръ положишь на меня вполне, Марія, до пѣхъ поръ не оправляй моего блаженспва никакимъ безпокойспвомъ, никакой груспной думой. Мы любимъ другъ друга, мы можемъ любить — развѣ эптого для насъ не довольно? ...

У него было слишкомъ много средствъ которые имѣли надо мной какую-то власть неограниченную. Одного его ласковаго слова было доспапочно, чпобы убѣдипь меня; одинъ свѣпльпй, исполненный любви взоръ его, одинъ увлекапелъный звукъ голоса успокоивали меня совершенно. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, чпо онъ судипь здраво и основательно, чпо одно нѣжное вниманіе къ мапери заспавляешъ его шаипь опъ нея любовь нашу, — и мало по малу совѣсть перестала укоряпть меня въ помъ, чпо одинъ изъ важнѣйшихъ поступковъ — или можетъ быпъ и проступковъ моихъ, скрыпть опъ Княгини. Я привыкла даже думать наконецъ, чпо любовь моя къ ея сыну нисколько не дѣлаешъ меня виновной передъ ней, чпо если эта любовь и должна будешъ навлечъ на кого нибудъ несчастъе, по скорѣй навлечешъ его на меня, чѣмъ на Валеріана,—больше всѣхъ на меня одну;— а о себѣ я мало заботилась. Я голова

была на всѣ спраданія для эпой любви, гопова была перенесѣ все, кромѣ холодноспи и измѣны.... Но тогда спрашная мысль объ эпомъ была еще незнакома со мной, никогда не приходила мнѣ въ голову!...

Сама Княгиня какъ будто бы одобряла въ душѣ нашу тайную взаимную привязанность. Не смотря на то, что настоящія чувства наши были скрыты отъ нея, она не могла не замѣтить, что мы проводимъ вмѣстѣ почти цѣлыя дни, что между нами нѣтъ больше того холоднаго принужденія, которое, въ продолженіи нѣкотораго времени, отдаляло насъ другъ отъ друга; но однажды она не показывала намъ и малѣйшаго не удовольствія, не дѣлала никогда ни какихъ замѣчаній, по крайней мѣрѣ собственно мнѣ. Напротивъ наша веселость, наше внутреннее счастье, казалось, оживляли и ее. Видя насъ довольными, разговорчивыми, она сама спа-

новилась веселѣе и разговорчивѣе. Это еще больше успокоивало меня, еще больше увѣряло въ томъ, что Валеріянъ не ошибался въ образъ мыслей и чувствъ своей мапери.

Одинъ разъ, когда мы сидѣли вмѣстѣ, Княгиня какъ-то склонила рѣчь на супружество. Упомянувъ о пѣхъ гореспяхъ, копорыя довелось перенестъ ей въ собспвенной жизни, она прибавила обратившись къ Валеріяну: «Такъ какъ это самый опасный, самый скользкій шагъ въ жизни, то я, право, желала бы, чпобы ты,—кромѣ всѣхъ обязанностей, копорыя лежатъ на тебѣ, какъ на гражданинѣ, только что начавшемъ служить, — для своего же собспвеннаго счастья, вступилъ въ семейную жизнь не прежде, какъ въ лѣпахъ уже нѣсколько зрѣлыхъ. Тогда ты лучше увидишь, чего надобно искашь тебѣ, скорый предпочтешь внупренія достоинства наружному блеску, простому великолѣ-

пію и, если нужно, бѣдность богатству. Не забудь однакожь, что равенство есть также одно изъ необходимыхъ условий супружескаго благополучія, особливо равенство воспитанія. Какъ далеко можно опустити опъ него въ отношеніи къ богатству, къ происхожденію — это можетъ показати тебѣ со временемъ только познаніе свѣта и свой собственный образъ мыслей...» — Можетъ быть Княгиня считала и меня и своего сына слишкомъ благоразумными, для того, чтобъ предвидѣть какую нибудь опасность для насъ въ нашемъ дружескомъ обращеніи; можетъ быть мы казались ей не больше какъ дѣтьми, не способными еще къ чувствованію глубокимъ и продолжительнымъ, и по этому самыя слова ея были только общее мѣсто изъ всегдашнихъ разсужденій о супружествѣ; — но какъ бы то нибыло, только я перешолковала это въ разговоръ — такъ же какъ перешолковывала и другіе поступки Княгини — въ мою

пользу, перевела его такъ, какъ подсказывало мнѣ сердце. Это было вечеромъ. Когда я пришла въ мою комнату, грудь моя волновалась опть радости. Долго не могла я заснуть въ эту ночь: мнѣ казалось, что Княгиня именно желаетъ заставить своего сына предпочесть дѣвушку воспитанную вмѣстѣ съ нимъ — покрайней мѣрѣ воспитанную ей самой — всѣмъ другимъ, больше богатымъ и знатнымъ.

....Помню я еще много счастливыхъ минутокъ, счастливыхъ часовъ въ моей жизни, проведенныхъ — то вмѣстѣ съ пѣмъ, кого я любила, — то въ оправданныхъ мечтахъ о немъ! Помню я и послѣдній вечеръ, когда онъ прощался со мной.... Это былъ темный осенній вечеръ, грустный какъ разлука и упоительный какъ сама любовь.... Помню я.... Но зачѣмъ вспоминать теперь эти увѣренія, эти увлекающія рѣчи любви, которыя сулили мнѣ такъ много въ

будущемъ?... Всѣ надежды мои, всѣ ожиданія улепѣли опѣ меня какъ осеній листъ, развѣянный въпрямъ; воспоминаніе не возврашншь мнѣ ихъ: оно оправляетъ полько новой шоской мое сердце....

=

Три мѣсяца, проведенные у насъ Валеріаномъ, пролетѣли для меня какъ сладкій сонъ одной ночи. Я опяшь разспалась съ нимъ, но разспалась еще больше помимая эпой новой разлукой. Только одна опрада была мнѣ шеперь: думашь, что и онъ шакъ же любншь меня, что и онъ дѣлншь со мной шу же шоску; — и въ самомъ дѣлѣ, сначала онъ помннль насъ, часшо писаль къ намъ и нашель даже средство написашь прямо ко мнѣ.

Черезъ мѣсяць послѣ своего опѣзда, онъ прислаль мнѣ рабочій ящнчекъ.

Эта бездѣлка сама по себѣ была мнѣ пріятна, какъ подарокъ его, какъ новое доказательство его памяти и вниманія. Чшобы предашься въ полной свободѣ удовольствію, доставленному мнѣ эшимъ подаркомъ, я убѣжала въ мою комнату: какова же была моя радость и изумленіе, когда, между прочими вещами, я нашла въ немъ письмо, въ копоромъ Валеріанъ жаловался, что холодныя, кропенькія приписки ко мнѣ, въ письмахъ его машери, только пуще рвутъ его сердце, и въ копоромъ вся любовь его выражалась еще пламеннѣе, чѣмъ въ словахъ!... Нѣсколько разъ я получала опъ него письма такимъ же образомъ, скрышыя по въ книгахъ, по въ ношахъ, по въ свершкѣ рисунковъ, копорые присылалъ онъ мнѣ: каждое изъ эпихъ писемъ дышало все той же любовью, все тѣмъ же желаніемъ видѣть меня опянь. Я читала и перечитывала ихъ тысячу разъ, никогда не расставалась съ ними, знала ихъ на-

изусть—и опять чипала.... Эша шайная переписка была маленькая хипроспъ прошивъ Княгини; но мнѣ никогда не приходило и въ голову сердиться на Валеріяна за то, что онъ доснавлялъ мнѣ сполько удовольствія....

Прошелъ годъ, и въ немъ спала замѣтна какая-то чудная перемѣна. Его письма къ мапери сдѣлались короче и холоднѣе, книги и нопы присылались мнѣ всё рѣже и рѣже; онъ вѣчно опговаривался службой, занятіями, недосугомъ. Княгиню эшо огорчало; но я все еще была слишкомъ увѣрена въ его любви; я знала, что ему въ самомъ дѣлѣ не возможно часно писатъ ко мнѣ, попому что для эшого слишкомъ много надобно было новыхъ нопъ и книгъ. Въ слѣдующую зиму онъ долженъ былъ, по свосему обѣщанію, опять пріѣхать къ намъ въ оппускъ. Я ждала эшого времени и была спокойна.

Когда оно приблизилось, когда эта желанная зима наступила, онъ извѣспилъ Княгиню, что ему невозможно получить отпуска. Онъ писалъ объ этомъ и ко мнѣ, жалѣлъ, что не увидишь меня, но, казалось, жалѣлъ ужь не шакъ, какъ спалъ бы жалѣлъ прежде.... Тоска, какъ червь, начала глодать мое сердце, и однакожь я хопѣла бороться съ этой шоской всѣми силами души моей. Мысль, что Валеріанъ не шакъ ужь любилъ меня, готова была овладѣть мной всякую минушу, но я опшпалкивала, заглушала ее, потому что она была для меня слишкомъ спрашна. Я оправдывала его рѣдкія, корошенькія письма всѣмъ, что шолько можетъ придумать любовь въ упѣшеніе себѣ; я выдумывала за него шакія опговорки, какихъ можетъ спастся онъ не придумалъ бы и самъ. И когда мнѣ удавалось чѣмъ нибудь оправдать его въ собственнѣхъ глазахъ моихъ, я радовалась, какъ ребенокъ, готова была плакать опъ ра-

доспи. Да и за чѣмъ спала бы я разувѣряшь, разочаровываешь себя? Я чувствовала, что не могу перестать его любить ни въ какомъ случаѣ и хотѣла лучше обманывать себя до послѣдней минушы, чѣмъ видѣть мою любовь нераздѣленной, презрѣнной.... Иногда я прибѣгала къ самому жалкому, къ самому послѣднему утѣшенію: я думала, что если занятія по службѣ, тяжкія заботы, сопряженныя съ ней, наконецъ даже самое разсѣяніе большаго снѣпа— и могли на время отвлечь отъ меня Валеріана, сдѣлаешь его меньше спрашнымъ и внимательнымъ, то по крайней мѣрѣ при свиданіи со мной всѣ прежнія чувства его ко мнѣ должны будутъ вспыхнуть опять съ новой силой. Я гогова была забыла, простила ему все, всякую минувшую въпреносицу, всю эту холодность. Одна потеря любви его навсегда, казалась мнѣ ужаснѣе смерти: за ней у меня ничего не было въ будущемъ.

Часто я повторяла сама себя только эти слова: «За что же он мог перестать любить меня, если я его все так же люблю? Я знаю, я видела, что он любит меня; а разве можно, полюбив один раз, перестать любить?...» Судя по себе, я в самом деле не могла и не умела повлиять этому.

Для меня было еще затруднительнее, чем для Валерияна, часто писать к нему. Иногда я не имела никакой возможности отправить письмо тайно от Княгини, иногда не имела духу обманывать ее слишком нагло. Мало по малу переписка наша совсем прекратилась. Тем неперемливым же желала я его видеть, тем неперемливым же ждала его каждый год; но каждый год его удерживало по или другое, — ожидания мои не сбывались. И в этих напрасных ожиданиях, в этой непрерывной борьбе любви с поскою,

надежды съ сокрушеніемъ прошло для меня все время до прїѣзда изъ-за границы спараго Князя С.

Въ послѣднюю зиму Валеріянъ опзывался, что онъ ждегъ съ часу на часъ опца своего въ Петербургъ, и по эпому не можегъ выгхачъ опшуда. Къ концу зимы, мы узнали, что Князь С. въ самомъ дѣлѣ прїѣхалъ. Сколько думъ, сколько разныхъ чувствъ взволновала во мнѣ эпа вѣспъ. Я видѣла, что учаспъ моя должна скоро рѣшигься, что минупа испытанія Валеріановой любви ко мнѣ наспупила.»

=

«Весной Княгиня получила опгъ своего мужа письмо. Услышавъ обь эпомъ, сгарая неперивнїемъ узнать что опъ пишепъ, я прїбѣжала къ ней и вскрикнула опгъ ужаса, замѣшивъ, что она блѣдна и въ слезахъ.

— Князь и Валеріянъ здоровы, сказала Княгиня, знавшая какое участіе принимаю я во всемъ, чпо къ ней близко. — Они оба теперь въ Москвѣ, и вызываютъ меня къ себѣ... Сынъ мой намъренъ женишься, прибавила она.

Кровь оспановилась во мнѣ, сердце оледенѣло. Безмолвно успремивъ взоръ на Княгиню, я не знала чего мнѣ ждашь бѣды или счастья.

— Князь предлагаетъ мнѣ оспановишься въ его подмосковной, и увѣряетъ меня, чпо тамъ мнѣ будетъ почно такъ же покойно, какъ здѣсь, продолжала она.—Онъ такъ ласковъ и веселъ, какъ давно не бывалъ. Вѣроятно этому причиной скорая свадьба Валеріана, который женился согласно съ его желаніемъ....

— Съ его желаніемъ? повпорила я, не помня чпо говорю, не понимая еще, чпо все это значить.

— Да. Отець выбралъ ему въ невѣ-
спы дочь одного изъ старинныхъ дру-
зей своихъ, Графиню N.

Я чувствовала, что у меня темнѣетъ
въ глазахъ, что ноги мои подгибаются;
но у меня доспало еще силъ на одинъ
вопросъ:

— Князь Валеріянъ самъ увѣдомляетъ
васъ о своемъ намѣреніи?

— Цѣпъ. Ты знаешь, что съ нѣко-
порыхъ поръ онъ сдѣлался неохотникъ
писать, замѣтила Княгиня съ недо-
вольствіемъ. Отець извиняетъ его шѣмъ,
что послалъ его въ подмосковную, гдѣ
нужно сдѣлать кое какія распоряженія
къ моему пріѣзду, и откуда онъ не
успѣлъ возвратиться къ почтѣ. Прини-
мая въ этомъ случаѣ всю вину на себя,
Князь проситъ за него самъ моего со-
гласія, и прибавляетъ, что Валеріянъ,
какъ послушный сынъ, безъ этого не
смѣетъ и не рѣшается приступать ни

къ чему окончательному. Напрасно: онъ могъ бышь всегда увѣренъ, что я не спану пропивившись его волю; дай Богъ только, что бы онъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Марія, прибавила она разпрогавшись, помолись вмѣстѣ со мной о его счасшь....

Я не могла больше переламывать себя: слезы хлынули у меня изъ глазъ, рыданія захватили мнѣ духъ....

Когда однакожь я оставила Княгиню и выплакала весь первый порывъ моей горести, мысль, что Валеріанъ самъ не говоритъ ни слова о своей свадьбѣ и что онъ ни на что не хочетъ рѣшаться до пріѣзда своей матери, начала мало по малу меня успокаивать. Я подумала, что можетъ бышь, эта предполагаемая свадьба основана только на желаніи спараго Князя, нисколько не раздѣляемомъ Валеріаномъ; мнѣ пришло даже въ голову, что можетъ бышь онъ

для того только и допустилъ отца своего вызвать насъ, чптобы кончить все скорѣе и рѣшительнѣе, чптобы однимъ разомъ объявить ему непоколебимую свою волю, словомъ — я опять начала надѣяться. Самая близость рѣшительной минуты придавала мнѣ новыя силы. Дѣятельно приготавливалась я къ опъѣзду, даже спаралась сколько возможно ускорить его. «Ты спѣшишь пакъ, какъ будто бы сбиралась на свою собственную свадьбу,» сказала мнѣ однажды Княгиня шупя. Впрочемъ она и сама не хотѣла перятъ времени. Черезъ недѣлю мы были въ дорогъ.

Каждый шагъ, каждая минута быстро приближали меня къ спрашной развязкѣ; но бодрость не оставляла меня и шупя. Часто заводила я съ Княгиней рѣчь о женидбѣ Валеріана. Зная, что невѣста его — или лучше сказать та, копорую, по моему предположенію, выбралъ ему въ невѣсты отецъ—дѣвушка

богатою и знапною фамилію, я желала знаць какъ приняла бы Княгиня шу-же вѣспь, еслибъ выборъ сына ея палъ на другую, бѣдную, ничтожную по своему происхожденію. Сужденія ея на эпопъ счепъ были согласны съ моимъ ожида-ніемъ: она говорила, что ни въ какомъ случаѣ не спала бы пропивипься склонности Валеріана, лишь бы только его склонность не пропивооръчила совершенно здравому разсудку. Эпи слова упѣшали меня хопъ пѣмъ, что по крайней мѣрѣ съ ея спороны мнѣ все еще нечего было бояться препяпспвій. Иногда, напрошивъ, я начинала пошъ же разговоръ со всѣмъ съ другой цѣлью: я говорила Княгинѣ, какъ пріятно ей будетъ увидѣшь будущую свою невѣспку; говорила, что она вѣрно найдеть въ ней всѣ пѣ качества, какія желаетъ найпи; что женидѣба ея сына доставиптъ ей новыя радости въ жизни, — однимъ словомъ, я нарочно спаралась переносипься мысленно къ шому

времени, когда другая, а не я, будетъ женою Валеріана, хопѣла заранѣ свыкнушья съ эпою спрашноу мыслю.... Я сама рвала себѣ сердце и не испускала ни одного вопля. Но спокойствіе, которое сохраняла я въ эпои минушы, было спрашно мнѣ самой, веселоспѣ, которую я показывала, была веселоспѣ какая-шо судорожная. И когда мы наконецъ приблизились къ цѣли нашего пупешествія, когда я завидѣла мѣсто, гдѣ должна была совершиться моя судьба, — мои слезы, безпреспанно удерживаемыя, и мой судорожный смѣхъ, безпреспанно вырывающійся опѣ усилія удержашь ихъ, привели въ ужасъ Княгиню. Казалось, она поняла наконецъ наспоящее соспоянїе души моею. Ея взоръ часпо оспанавливался на мнѣ; но въ эпомъ взоръ выражалось больше груспи, чѣмъ негодованія, больше жалоспи, чѣмъ укора. Кшо знаешъ: можешъ бышь, слишкомъ много меня любившая, слишкомъ сильно привыкнув-

шая ко мнѣ, Княгиня въ самомъ дѣлѣ желала назвасть меня своею дочерью?... Можетъ бысть она сама сожалѣла о томъ, что это шайное желаніе ея не исполнилось?...

Въ подмосковной, куда пріѣхали мы, никого еще не было. Цѣлый день и цѣлая ночь прошли для меня въ спрашномъ, мучительномъ ожиданіи. Назавтра все счастье мое, всѣ мои надежды должны были — или воскреснуть снова, или погибнуть навсегда! Посланный былъ отправленъ въ Москву, съ извѣстіемъ о нашемъ пріѣздѣ; мы ждали Валеріана, но, вмѣсто его, къ намъ явился самъ старый Князь: Валеріанъ опять опсрочивалъ свиданіе съ нами, какъ будто съ намѣреніемъ, — и, судя по запискѣ его, присланной къ мапери, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Такой поступокъ казался мнѣ чуднымъ и загадочнымъ; но эта-то самая загадочность, вмѣсто того, что бы испугать

и вспревожишь меня, пролила новую каплю оправды въ мое слабое, довърчивое сердце. Я думала, что безъ особенной, важной причины, онъ непременно бы поспѣшилъ къ намъ, вмѣстѣ съ опцомъ своимъ, если не для меня, то по крайней мѣрѣ для своей мапери; думала, что онъ для того только опдалилъ это свиданіе на нѣсколько дней, чшобы не измѣнишь себя прежде времени: что прежде всего онъ хочеть узнать какое впечатлѣніе произведу я на его опца, хочеть узнать, чшò скажетъ онъ обо мнѣ, — и попомъ ужь, сообразясь съ его мнѣніемъ, върнѣе расположишь планъ своихъ дѣйспвій. Ободряя себя этими мыслями, и съ шѣмъ вмѣспгъ препенца опъ спраха не понравившись чѣловѣку, опъ копораго пакъ многое зависѣло для меня, вышла я къ Князю.

Это былъ высокій худощавый спарикъ, съ выразительными чертами лица,

съ фізіогноміей спрогою и проницательной. Его бѣлые волосы, его важная осанка и двѣ звѣзды на груди придавали ему особенную величавость. Но когда онъ начиналъ говорить — и суровая фізіогномія его и эта важность вельможы смягчались самой пріятной любовью, самой тонкой придворной вѣжливостью. Долговременная привычка къ этой вѣжливости, такъ же какъ и къ самому спрогому эпикешу, была замѣтна и въ обращеніи его и въ костюмѣ. На немъ былъ богачій кафтанъ; и когда я вошла въ госпиную, онъ бесѣдовалъ съ Княгиней такъ ласково, какъ будто она была не жена его, нѣкогда имъ оставленная, а совсѣмъ посторонняя дама, кою онъ спарался оказать свое особенное уваженіе.

Княгиня предсказала меня ему.

— Ахъ, да, сказалъ онъ, глядя на меня съ такимъ удовольствіемъ, кою

меня ободрило,—я такъ много слышалъ о вашей воспитанницѣ, что самъ хотѣлъ просить васъ познакомиться меня съ ней. И клянусь вамъ, Княгиня, всѣ ваши похвалы, которыя вы иногда писали о ней, слишкомъ недоспапочны въ сравненіи съ тѣмъ, что я теперь вижу....

Князь опререкомендовался мнѣ, разклялся, просилъ бытъ увѣренной въ его расположеніи точно такъ же, какъ и въ расположеніи Княгини—и я не вѣрила наконецъ: пошъ ли это человекъ, котораго я столько боялась.

— Право, Княгиня, продолжалъ онъ, когда я успѣла сказать съ нимъ нѣсколько словъ, только у васъ однѣхъ могушъ бытъ такія прелестныя воспитанницы: по крайней мѣрѣ я не видывалъ до сихъ поръ ни одной подобной. Здѣсь какъ будто возродились вновь всѣ ваши собственныя манеры, вся ваша

прежняя пріятность и увлекаемость. Ну если послѣ перваго знакомства съ вашей Маріей, я останусь къ ней равнодушень, вы не будете имѣть ни какого права сердиться на меня: это будетъ невольная дань ея собсвенной очаровательности и съ пѣмъ вмѣстѣ дань воспоминанію о вашей молодости.

Бросая, такимъ образомъ, комплиментами вдругъ и въ меня и въ жену свою, Князь былъ чрезвычайно разговорчивъ и веселъ. Онъ шутилъ—и говорилъ о дѣлахъ; рассказывалъ самыя забавныя вещи — и рассуждалъ о важнѣйшихъ событіяхъ того времени. Его умъ, его любовь и снисходительность плѣнили, очаровали меня. Мнѣ казалось, что въ немъ нѣтъ ни сколько той надменной аристократической гордости, которая представлялась мнѣ всегда спрашнымъ призракомъ, встающимъ между мной и его сыномъ. Оживленное, согрѣтое веселостью и ласкою Князя, сердце мое начинало оп-

дыханіе опть своихъ спраданій, и опдохнуло еще больше, когда я узнала наконецъ, что невѣстна Валеріяна еще слишкомъ молоденькая дѣвочка, что онъ не зналъ, не видалъ ее до пріѣзда своего въ Москву. Какъ же могла повѣришь я, что онъ ее любитъ, что онъ рѣшился предпочесть ее мнѣ послѣ какого нибудь двухъ мѣсячнаго знакомства? Все это казалось мнѣ совершенно невозможнымъ и несбыточнымъ. Успокоенная съ этой стороны, увѣренная больше чѣмъ когда нибудь въ томъ, чему такъ желала я вѣришь, я спаралась всѣми силами пріобрести благосклонность Князя, и, повидимому, успѣвала въ этомъ какъ не лзя лучше. Въ продолженіи двухъ дней, проведенныхъ имъ у насъ, онъ оказывалъ мнѣ самое лестное вниманіе, и чѣмъ больше узнавалъ меня, тѣмъ обращеніе его со мной становилось дружественнѣе. Каждый разъ, когда онъ обращался ко мнѣ, на лицѣ его выражалось какое-то нѣжное, опеческое уча-

спіе — по крайней мѣрѣ мнѣ казалось такъ. Онъ разспрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ, разсуждалъ со мной, — но все-го чаще хвалилъ меня и ласкалъ. Я видѣла, что дѣйствительно подала ему о себѣ самое выгодное мнѣніе; довольная собой, я ужь осмѣливалась думать, что послѣ моего знакомства съ Княземъ для меня исчезла половина всѣхъ препятствій, угрожавшихъ до сихъ поръ моему счастью... но я жестоко ошиблась.

Вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда, когда Князь уже успѣлъ короче познакомиться со мной и присвоилъ себѣ, какъ по лѣшамъ своимъ, такъ и по званію мужа Княгини, право и понѣ самага искренняго, обязательнаго покровительства, — онъ вдругъ склонилъ рѣчь на меня:

— Знаете ли, Княгиня, сказалъ онъ, что я безпреспанно думаю о судьбѣ вашей Маріи, и очень желаю бытъ ей

полезнымъ съ своей стороны. Вы ее восплали: хопите ли, я спану приспособивать и сыщу жениха?

Княгиня посмопръла на него съ удивленіемъ. Я поблѣднѣла, какъ мертвецъ.

— Когожь, напримѣръ? спросила она пономъ нѣсколько недовольнымъ, какъ бы угадывая заранѣе, что эшошь разговоръ не можешъ бытъ для меня пріятенъ.

— Человѣка очень хорошаго. Со мной выѣхалъ изъ Парижа одинъ молодой Французъ, который сначала вспунилъ ко мнѣ въ должность моего перваго камердинера, но котораго, опличныя способности, заставили меня шеперь сдѣлать моимъ домашнимъ секретаремъ.

— Князь, сказала Княгиня взглянувъ на меня, пощадите ее.

— Но развѣ я говорю что нибудь для нея оскорбительное; возразилъ онъ.

Напрошивъ я хочу ей сдѣлать добро, и вы сами вѣрно согласитесь со мной, когда дадите мнѣ кончить. Если я сказалъ что *monsieur Hardi* былъ первымъ моимъ камердинеромъ, это не значить еще, что бы онъ когда нибудь чистилъ мои сапоги: вамъ извѣстно на какой ногъ держу я людей, находящихся при мнѣ въ этой должностнн,—не говоря ужь о моихъ секретаряхъ. Вы знаете, что они имѣютъ свое особое отдѣленіе въ моемъ домѣ, свой споль, свой экипажъ—словомъ, что они живутъ лучше многихъ нашихъ дворянъ, и навѣрное всегда бываютъ умнѣе большей части изъ нихъ, попому что я не люблю дураковъ. Кроме того человекъ, о которомъ говорю я, честный Французъ. Предки его были Маркизы; но революція уничтожила всѣ права и привилегіи, и имъ не посчастливилось возвратитъ своихъ. Виноватъ ли же въ этомъ бѣдный молодой человекъ, который впрочемъ, по личнымъ своимъ достоинствамъ, ни чуть не хуже своего

дѣдушки Маркиза, оказавшаго чудеса храбрости въ республиканской арміи, и опъ того получившаго названіе, которое носилъ теперь его попомокъ? Вопъ вамъ вся родословная эпого чловѣка. Теперь скажите мнѣ, (извините мою опкровенность, Марія: гдѣ дѣло идепъ о вашей пользѣ, шамъ надобно опкинуть прочъ всѣ церемоніи), скажите мнѣ, какую партію надѣпесъ вы сыскапъ для нея съ своей стороны, и кто, по вашему мнѣнію, рѣшитсѣ взять дѣвушку безъ имени и состоянія?

— Какъ знапъ что будетъ впередъ, сказала Княгиня какъ бы спараясь упъ-шипъ меня; и кто можетъ поручипъся, прибавила она со всѣмъ своимъ добро-сердечіемъ, что произхожденіе Маріи хуже нашего съ вами.

— Не спорю. Но кто жъ это знаетъ и кто будетъ знапъ, когда у нея нѣпъ даже самага бѣднаго наслѣдственнаго

имени. Нѣсколько сотъ тысячъ денегъ конечно могли бы поправить эпопѣ недоспапокъ; да гдѣ же ихъ взять? Не спорю и пропивъ того, что личныя ея качества могутъ привлечь къ себѣ взоръ чловѣка высшаго круга; но если такой чловѣкъ рѣшится подать ей руку — это будетъ ужь спрасъ, случай, который выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей и который слишкомъ невѣренъ. Да и будетъ ли она счастлива въ такомъ кругу, гдѣ можетъ спастся сама спанетъ спыдиться своего произхожденія? Нѣтъ, Княгиня, если вы питали въ ней когда нибудь подобныя надежды, вы дѣлали худо, потому что дорога въ эпопѣ избранный кругъ для нея слишкомъ трудна и недоступна. Скорѣй къ ней присвапается какой нибудь чиновникъ, какой нибудь бѣдный, незначашій офицерикъ — люди, которые право нисколько не лучше *mr. Hardi*, и которые, можетъ быть, придутъ къ нему же въ прихожую, добываясь моею пропек-

ціи и какого нибудь мѣстечка. Кспапи: если вы немножко чесполюбивы, моя милая, прабавиль онъ опянь обращаясь ко мнѣ, я могу дасть вашему мужу славное мѣсто и выхлопошань ему чинъ. А вы, согласившись на мое предложеніе, получите опъ меня десять тысячъ въ приданое: пусть только оно доспанется человѣку извѣстному мнѣ, а не какому нибудь сорванцу съ мшурными эполемами, копорый заплашишь имъ свои карпочные долгишки....

Князь продолжалъ еще говорить, Княгиня продолжала дѣлать ему возраженія,—но я ужь не слыхала ничего больше. При самомъ началѣ эпого разговора я вспыхнула опъ негодованія. Я хотѣла опвѣчать Князю съ швердосшью, съ чувспвомъ себспвеннаго доспоинспва, даже, можетъ бышь, съ нѣкопорой дерзосшью обиженнаго самолюбія; но мало по малу я одумалась. Въ самомъ дѣлѣ, не безразсудно ли было бы съ моей спо-

роны оскорбляясь пѣмъ, что онъ сморъль съ настоящей почки зрѣнія на мое положеніе въ свѣтѣ, что безъ всякаго намѣренія обидѣшь меня, онъ только показалъ мнѣ прямо и откровенно какое мѣсто въ обществѣ назначила мнѣ сама судьба? Я по неволѣ должна была убѣдиться въ справедливости его словъ—и какой же отвѣтъ, какое возраженіе могла я сдѣлать на эти горькія испины мужу моему благодѣтельницы, человеку, котораго больше, чѣмъ кто другой, имѣлъ право говорить мнѣ ихъ? Чувствуя свое уничтоженіе и не смѣя даже роптать на него; безмолвная, какъ преслушница уличенная въ вину и не находящая словъ къ оправданію, вышла я изъ гостиной; прибѣжала въ свою далекую, уединенную комнату и въ отчаяніи бросилась на постель, какъ бы желая скрыться отъ цѣлаго міра и отъ самой себя. Слова Князя безпрестанно отзвучивались у меня въ ушахъ: «её можешь выбрать только

такой человекъ, который нисколько не лучше mr. Hardi.... Для своего собственного счастья она не должна простирашь своихъ видовъ далѣе.» И я слышала эти слова въ самую ту мину, когда мнѣ казалось возможнымъ больше, чѣмъ когда нибудь, быть женой его сына!... Я готова была проклинать день моего рожденія... даже шѣхъ, которые дали мнѣ жизнь!...

Вдругъ въ головѣ моей сверкнула мысль: что если хитрый спарикъ узналъ какъ нибудь о любви ко мнѣ Валеріана, что если онъ завелъ эпопѣ разговоръ съ намѣреніемъ, хотѣлъ только предупредить меня имъ, чтобы я не осмѣливалась поднимать взоровъ моихъ на сына вельможи?... О пусть это было бы шакъ: я безъ ропота покорилась бы моей участи; и пусть бы тогда весь свѣтъ возсналъ на меня — я бы съ радостью спала спрдашь за любовь мою, за того, кого я любила.

Разперзанное, уязвленное сердце мое рвалось къ нему еще сильнѣе. Только опъ него самаго, и ни опъ кого больше, хопѣла я слышать послѣднее слово на жизнь или смерть....

И я дождалась его, я его увидѣла наконецъ,—но.... Господи, какое спрашное, какое мучительное для меня свиданіе было это!... Все то, о чемъ одна мысль приводила меня въ содроганіе — сбилось со мной: онъ не любилъ меня больше! Онъ вспрѣхнулся со мной холодно, какъ незнакомецъ; онъ смотрѣлъ на меня какимъ-то ледянымъ взоромъ; онъ какъ будто вовсе забылъ о прошедшемъ.... Не прежде какъ черезъ нѣсколько дней рѣшился онъ прѣхать къ намъ; только нѣсколько часовъ посвятилъ своей мапери, послѣ такой продолжительной разлуки, и изъ нихъ не удѣлилъ мнѣ ни одной минуты. Мое присутствіе, казалось, пугало его: онъ боялся начать говорить со мной,

убѣгалъ моихъ взоровъ, старалъ опъ нешерпнїя скорѣй оспавишь насъ и лешъль обратно къ той, копорая заняла въ сердце его мое мѣсто. Я видѣла, что для меня все погибло, и не знаю какая сверхъестественная сила поддерживала еще мое существованіе, не давала мнѣ пасть подъ эшимъ ударомъ. Это было соспоянїе какое-то лихорадочное, какое-то оцъпененїе всѣхъ чувствъ, — что-то похожее на жаръ горячки, помогающій больному бороться съ его спраданїями....»

=

« Валерїанъ прїѣзжалъ съ шѣмъ полько, чпобы вызвать Княгиню въ Москву, гдѣ хотѣли скорѣе все кончить. Я могла оспаться въ деревнѣ, сказавшись больной, но я сама не хотѣла этого. Княгиня замѣчала мое разспроїство и слишкомъ сильно превожимась имъ. По

ея снисходительности, по ея удвоеннымъ ласкамъ ко мнѣ, можно было подумать даже, что она въ этомъ случаѣ обвиняетъ больше себя чѣмъ меня, что она внутренно терзается вмѣстѣ со мной. Все это замѣчала я въ свою очередь и чувствовала наконецъ, что я становлюсь въ домъ моей благодѣтельницы существомъ совершенно лишнимъ, что присудствие мое будетъ только въ тягость ей, что оно можетъ опдалить отъ нея сына, можетъ нарушить остальное ея семейное счастье. Для ея спокойствія, для спокойствія Валеріана и, если не для спокойствія собственнаго, котораго я не могла возвратить ни гдѣ, то по крайней мѣрѣ для уменьшенія моихъ спраданій, рѣшилась я разстаться съ Княгиней навсегда. Съ этой мыслью поѣхала я съ ней въ Москву.

Домъ, который занималъ Валеріанъ, былъ совсѣмъ готовъ къ свадьбѣ. Со-

гласія Княгини ждали только изъ приличія: въ немъ были увѣрены, и всѣ приготовления сдѣлали заранѣе. Лихорадка была меня, когда я увидѣла эти комнаты, такъ пышно наряженныя для принятія ихъ будущей общапельницы, эпошъ брачный черпогъ, гдѣ дышала роскошь и нѣга. Казалось, самая спраспная любовь, самая нѣжная внимательность разспилала эти ковры, разкидывала эти диваны, собирала все, что только могло служить для самыхъ упопченныхъ удобспвъ, для самыхъ малѣйшихъ припошей жизни. Не для меня было все это — и однакожь какое-то спранное, непреодолимое чувство заспавляло меня смотрѣшь и пересмапривать каждую вещь.... Испыпавъ всѣ муки любви, я какъ будто хотѣла испыпавъ всѣ муки ревности. Я хотѣла даже скорѣй увидѣшь мою соперницу, и съ неперпнѣемъ ожидала слѣдующаго дня, въ копорѣй она должна была прѣхавъ съ визитомъ къ Княгинѣ.

Дѣвочка лѣтъ шестнадцати, довольно развязная, свѣтская, бойкая, съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ, какъ у куклы или модной картинки — и ничего больше: никакой души, никакой особенной красоты, никакого особеннаго выраженія... Для нея однакожь была я забыша! Все вниманіе, вся душа Валеріана была увлечена ей въ ту минушу, когда я увидѣла ихъ вмѣстѣ въ первый разъ. Онъ даже не замѣтилъ какъ вошла я, и попомъ вдругъ мое появленіе окаменило его; каждый взглядъ мой, который прежде ловилъ онъ съ такой жадностью, казалось, былъ спрашенъ ему, какъ взглядъ васлилка. Лице самой Княгини, разговаривавшей въ это время съ маперью Анастасіи (шакъ звали невесту Валеріана) помрачилось, когда она меня замѣтила, — но, навѣрное, я спрадала больше всѣхъ, заплашила дороже всѣхъ за мое пагубное любопытство, за то, что осмѣлилась показаться въ эпомъ обществѣ, безъ меня веселомъ и

счастливомъ. Это былъ образчикъ всей будущей жизни моей въ домъ Княгини. Свадьба Валеріана приближалась. Князю С. надобно было ѣхать въ Петербургъ; отецъ Анастасіи, котораго здоровье сильно было разстроено, чувствовалъ маленькое облегченіе отъ своихъ всегдашнихъ болѣзней: обѣ стороны спѣшили все привести къ окончанію въ нѣскольکو дней. Надобно было какъ можно скорѣе исполнить мое намѣреніе.

Разсказать съ Княгиней явно, казалось мнѣ невозможнымъ. Я думала, что она не согласится на эту разлуку, сколько по любви ко мнѣ, сколько и по добротѣ своего сердца. Ужь одно слово о моемъ намѣреніи повлекло бы за собой объясненія слишкомъ тягоспныя для меня и, можетъ быть, тягоспныя для нея самой. Мнѣ хотѣлось избѣгнуть ихъ, хотѣлось лучше оставить ее вдругъ, внезапно. Но куда идти, гдѣ приклонить голову, оставивъ послѣд-

ній, единственный кровъ, принявшій меня изъ состраданія?... Увы! я забывала тогда, что для всѣхъ несчастныхъ есть пристанище тихое и опрадное, что у всѣхъ сырыхъ есть Опець, готовый принять ихъ во всякое время.... Душу мою терзали земныя спраспи и мысль о небесахъ была для нея недоступна!... При томъ-же голова моя была такъ слаба, всѣ способности души такъ разспроены горемъ, что я не могла ничего обдумать хорошенько....

Воспользовавшись однажды опсудспвіемъ Княгини, уѣхавшей на цѣлый день къ своимъ будущимъ роднымъ, я вышла изъ дому съ темной неопредѣленной мыслью сыскашь себѣ приюпъ, гдѣ нибудь, только внѣ этого дома. Долго бродила я по извилистымъ улицамъ огромнаго города, слишкомъ мало знакомаго мнѣ. Я спаралась уйти какъ можно дальше отъ мѣста, гдѣ жила я, отъ вѣчнаго шума, копорый кипѣлъ въ

этой части города, опъ энихъ огромныхъ палапъ, копорья такъ гордо поднимались вокругъ меня и сулили гостепрїимство полько богатымъ и знатнымъ. Я шла на угадъ — и въ самомъ дѣлѣ, очутилась наконецъ въ улицѣ пѣсной, уединенной, глухой, куда спукъ экипажей долеталъ полько издали, гдѣ рѣдко встрѣчался полько какой нибудь пѣшеходъ. Огромныхъ зданій больше небыло: передо мной шянулся рядъ низенькихъ домиковъ, въ копорые, повидимому, самая горькая бѣдность могла еще отворить дверь своими скудными средствами. Я пошла пише, оглядывалась, оспанавливалась передъ каждымъ ворошамъ, гдѣ полько видѣла надпись объ опдачѣ въ наймы, — но все еще не рѣшалась спросить о томъ, чпо было мнѣ надобно. Мой поступокъ начиналъ мнѣ казаться слишкомъ неблагоразумнымъ и необдуманымъ. Мысль переселиться вдругъ къ людямъ совершенно мнѣ неизвѣстнымъ

испугала меня: я боялась попасть въ какой нибудь вертепъ бродягъ и разбойниковъ. Самая ответственность эша, съ которой хотѣла я выполнить мой замысль, представлялась мнѣ чѣмъ-то преступнымъ. Погруженная въ эти мысли, я стояла еще въ нерѣшимости пропивъ одного дома, и ужь готова была ворошиться ни съ чѣмъ, какъ вдругъ ко мнѣ подошла женщина.

— Вамъ что надобно? — спросила она.

Ободренная ея ласковымъ видомъ и голосомъ, я рѣшилась испытать, что будетъ:

— Мнѣ нужна квартира, въ которой бы я могла помѣститься, на время, хоть такъ, одна, какъ видишь....

— Посмотрите, не годится ли эша.

Она ввела меня въ комнатку, очень маленькую, но довольно чистую. Обсѣ-

ну была другая комната, которую занимала она сама, и больше никаких жильцовъ. Мнѣ казалось, что само небо послало мнѣ эту добрую женщину и эпошъ уединенный уголокъ, куда могла укрыться я опъ всего, что перзало мою душу.

— Вамъ на долго ли нужна будешъ кваршера? спросила хозяйка.

— Эпого я не умѣю сказаць. Я учила въ одномъ домѣ дѣшей; шеперь попереяла мѣспо и должна буду прожить здѣсь до пѣхъ поръ, пока пріищу другое.

Хозяйка замѣшила какъ покраснѣла я говоря эту ложь; она улыбнолась, но не шревожила меня больше никакими разспросами. Зато и я не спорила съ ней въ цѣнѣ; шупъ же заплашила впередъ за цѣмый мѣсяць, и мы распались до слѣдующаго упра, очень довольныя одна другой.

Я возвратилась еще до прїезда Княгини, и принялась писать къ ней. Я умоляла ее не сердиться на меня, прости мнѣ мой поступокъ. Дала ей почувствовать, сколько могла, что я необходимо должна была это сдѣлать. Обвиняла во всемъ себя одну: въ слабости, въ неблагодарности противъ нея; просила наконецъ, именемъ самаго Бога, чтобы она не старалась меня опыскивать какъ недоспойную больше ея попеченій и милоспей. Слезы мои падали крупными каплями на это письмо; слѣды ихъ, можетъ быть, говорили ей за меня краснорѣчивѣе всѣхъ моихъ словъ.... Другой запечатанный пакетъ оставила я Валеріану. Въ немъ были его собственныя письма, и я не прибавила къ нимъ ни одного слова о себѣ, ни одного упрека. Возвращая ему, безъ укоризны, безъ жалобы, доказательствомъ прежней любви его ко мнѣ, я чувствовала какую-то опраду, какое-то торжество надъ нимъ: мнѣ казалось, что

Эшошь поступокъ возвыситъ меня въ глазахъ челоуька пренебрегшаго мной, заспавишь его вздохнушь обо мнѣ и, можеть бытъ, хошь на минушу разкаяшься въ своемъ вѣроломствѣ.... Сдѣлавъ все это, приготоуясь такимъ образомъ принесеть себя въ жерпву семейству, меня облагодѣтельствовавшему, я не имѣла духу проспиться въ эшошь вечеръ съ Княгиней въ послѣдній разъ. Боясь измѣнить себя, я не хошла дожидаться ея возвращенія и бросилась не раздѣлая въ постель... На другое утро, когда въ домъ все еще спали, я была ужь на улицѣ. Приврашникъ взглянулъ на меня сонными глазами, и ошперъ. Я взяла съ собой только маленькой узелокъ, съ нѣсколькими платьями, и деньги, подаренныя мнѣ въ разныя времена Княгиней. Ихъ было немного; но я не думала о будущемъ, не разсчитывала на долго ли мнѣ ихъ спанеть.

Хозяйка моя опять улыбулась и лу-

каво покачала головой, когда увидѣла скудный мой багажъ и узнала, что со мной больше ничего нѣтъ, нѣтъ даже постели, самой необходимой принадлежности каждой жилицы, какъ говорила она. Я попросила ее же купить, что было мнѣ нужно, и нисколько не заботилась сама объ удобствахъ моей жизни. Отдавъ себя на произволъ судьбы, не зная что со мной будетъ, я была по крайней мѣрѣ рада только тому, что по крайней мѣрѣ могла наконецъ грустить на свободѣ. Это равнодушіе, ко всему меня окружающему, эта печальная, уединенная жизнь, которую вела я, удивляли мою хозяйку и, повидимому, были не совсѣмъ ей пріятны. Часто намѣкала она мнѣ, какъ будто шутя, что ни за что не пустила бы къ себѣ такую грустную, нелюдимую постоялицу, еслибы только знала это напередъ. Боясь, что бы она въ самомъ дѣлѣ не отказала мнѣ, я по неволѣ должна была иногда слушать ее, говорить съ ней, даже позволять ей нѣ-

копорья короткости. Догадливая женщина, казалось, понимала какого рода была моя печаль. Сожалѣя обо мнѣ, она давала мнѣ эшо чувствовашь; старалась развеселить, разсѣять меня, какъ умѣла; пророчила, что грусть моя скоро пройдетъ; увѣряла наконецъ, что она даже знаетъ средство, копорымъ можно ее прогнать. Я принимала все эшо за шутку, за одно пресподушное участие, и пропускала мимо ушей...»

=

«Черезъ недѣлю была Валеріанова свадьба. Я была въ церкви, когда онъ венчался: мнѣ хотѣлось видѣть его въ послѣдній разъ, хотѣлось узнать съ какими чувствами онъ приступитъ къ обряду. Ни малѣйшій укоръ совѣсти, ни какой пайшій упрекъ самому себѣ, казалось, не возмущалъ его счастья: онъ былъ больше разсѣянъ, чѣмъ углубленъ въ

самаго себя, на лицѣ его выражалась веселость какая-то безпечная. Даже въ ту минуточку, когда онъ произносилъ роковой обѣтъ, ни одинъ вздохъ о прошедшемъ не вырвался изъ груди его, ни одна слеза сожалѣнія не блеснула на его рѣсницѣ.... Холодный прелепъ пробѣжалъ по мнѣ, когда онъ опрѣкся наконецъ опъ меня передъ лицемъ самаго Бога.... Какая надежда таплась до тѣхъ поръ въ душѣ моей, чего я ждала еще — не знаю: я должна была это предвидѣть, и между тѣмъ мнѣ казалось, что въ эту минуточку всѣ мои несчастія обрушились на меня снова.... Я бѣжала опъ церкви съ такимъ ужасомъ, какъ будто по слѣдамъ моимъ текла огненная рѣка. Мысль, что теперь самая любовь моя сдѣлалась для меня преступленіемъ и что я все еще не могу преодолѣть, побѣдить этой любви, была для меня невыносима. Она терзала душу мою смертельной тоской, повергала ее въ то страшное, гибельное отчаяніе, кошо-

рое запрещено чловѣку его Божественнымъ Искупителемъ.... Цѣлую ночь просидѣла я, неподвижная, какъ испуканъ, подъ открытымъ окномъ моей комнаты. Я не могла ни молиться, ни плакать. Я чувствовала только, что мнѣ душно, что голова горитъ у меня.

Часы проходили, я не замѣчала полета времени, не видала, что день давно ужъ насталъ. Наконецъ легкій спукъ въ дверь заставилъ меня опомниться, и я сама испугалась страшныхъ мыслей моихъ. Голосъ живаго существа меня обрадовалъ: я какъ будто чувствовала, что посторонняя помощь и участие для меня необходимы теперь, что одна я не въ силахъ больше бороться съ моимъ униженіемъ.... Ко мнѣ вошла моя хозяйка.

— Господи! сказала она взглянувъ на меня и всплеснувъ руками, долго ли вамъ будетъ крушиться и губить свою молодость! Посмотрише-ка на себя: на что

вы похожи? нынче вы еще хуже всѣхъ дней.... А я было пришла поговорить съ вами кое о чемъ....

Она съла пропивъ меня и долго смотрѣла мнѣ въ глаза какимъ-то вкрадчивымъ, змѣинымъ взоромъ.

— Грѣхъ вамъ убивать себя, моя милая барышня, продолжала она. Прошедшаго не воропитъ, худо ли, хорошо ли было оно. Подумайте лучше, что на свѣтѣ Божьемъ много можно еще сыскать оправды и утѣшенія, особливо вамъ, молодымъ людямъ; поперяешь въ одномъ мѣстѣ, найдешь въ другомъ.... Вотъ нынче же ночью видѣла я во снѣ, будто ты, моя голубушка, вдругъ сдѣлалась богатой и знашной барыней....

Это были первыя слова, которыя наконецъ опозвалъсь въ моемъ сердцѣ: они показались мнѣ насмѣшкой, горькой, хотя и неумышленной, и я поглядѣла на разскащицу съ любопытствомъ.

— И посмотрите: эшто съ сонъ въ руку, прибавила она. Только что я упромъ вышла со двора, а человекъ въ военной ливреѣ и подаешъ мнѣ вопъ эшу записочку. Прочтите-ка ее, и скажите тогда сами, не правду ли я говорила, что мнѣ, можетъ бытъ, удастся прогнать вашу печаль.

Не понимая что это значить, я съ перпѣніемъ схватила письмо, пробѣжала его глазами,—и вся кровь моя бросилась мнѣ въ лице: это было изъясненіе въ любви, писанное почеркомъ совершенно мнѣ незнакомымъ.

— Опъ кого эшо? спросила я.

— Опъ того молоденькаго гусарскаго офицера, который ѣздитъ всякой день мимо нашихъ окошекъ, отвѣчала подашельница, съ видомъ самодовольнымъ и панственнымъ. Нечего больше паншья опъ васъ: онъ самъ просилъ ме-

ня опдаць вамъ эпо письмоцо и попро-
силь опъ васъ опвѣта.

Вмѣсто всякаго опвѣта я разорвала
письмо въ клочки и бросила ихъ въ ли-
це повѣренной.

— О, да какъ же вы горды, моя кра-
савица! сказала она обидѣвшись въ свою
очередь. А чѣмъ гордиться-по? Жила въ
мамзеляхъ Богъ знаетъ гдѣ... знаемъ
мы эпѣхъ мамзелей, копорыхъ выпал-
киваютъ по шеѣ въ одномъ плащницѣ...
Кабы жила въ честномъ мѣспѣ, да
сошла добромъ, не спала бы такъ
плакать да кручиниться, не спала бы
блѣднѣть какъ смерть, когда чуть кино
поспучился въ ворота. Видно, кромѣ
горя-по, знаешь еще что нибудь за со-
бой, голубушка, такъ, право, лучше бы
попише, да позговорчивѣе...

Оскорбленная до глубины души, я ска-
зала, что она въ шуже минушу можеть

идши къ Княгинѣ и освѣдомисья обо мнѣ. Знапная фамилія, копорую назвала я, и мой рѣшительный понъ на нее по-дѣйствововали; она спала опять пиха и ласкова.

— Ну положимъ чпо и такъ, сказала она, а все сердисься не за чпо. Вѣдь я принесла вамъ письмо не опъ какого нибудь бродяги, а опъ человека хорошего, именинаго. Право ни какая барышня и въ большомъ домѣ не обидѣлась бы любовью его. Да и какъ просилъ онъ меня, какъ умолялъ опдашь вамъ эпу записочку!—Каменное бы сердце сжалилось. Видно грустно ему спало по васъ, голубчику. А вы не конише и словечка сказапъ въ опвѣпъ; сами бѣжише опъ счастья, копорое за вами гонишея. Онъ засыплешъ васъ золопомъ, закидаешъ подарками; а шамъ—почему знапъ, чпо случишея.... развѣ мы не видѣвали, чпо начнешя письмомъ да поклономъ въ окно, а конишея свадьбой. Ему некого бояпъ-

ся, не у кого спрашиваюсь: ни опца ни мапери, самъ себѣ господинъ, что задумалъ, то и сдѣлалъ. Онъ же то и говоритъ: мнѣ не нужно ни богатства ни знаши, лишь пришла бы по сердцу. Я его знаю съ малолѣтства и теперь входя къ нему въ домъ. Ужъ не даромъ онъ меня такъ объ васъ спрашивалъ, не даромъ говорилъ, что видалъ много красавицъ, а милый вашего лица не встрѣчалъ. Послушай меня, моя хорошая, не огорчай добраго человѣка прежде времени, и не узнавши, что у него на умѣ....

Сначала я ничего не хотѣла слушать; но она продолжала льстить мнѣ, продолжала выхвалять благородныя качества и честность человѣка, опъ котораго принесла мнѣ письмо, — и мало по малу коварныя рѣчи эпой женщины опущивали мой разумъ, впивались, какъ ядовитыя змыи, въ мое сердце.... Но сильнѣе всѣхъ словъ говорила въ ея

пользу оскорбленная любовь моя и по-ска ревности, подспрекавшая меня заплапшъ Валеріану за измѣну измѣной, опмспшпшъ ему, опдавшпшъ другому. Топшъ, кшо писаль ко мнѣ, былъ въ самомъ дѣлѣ человекъ хорошей фамиліи: «что если я точно нравлюсь ему, и буду умѣшь привязать его такъ, какъ говоряпшъ мнѣ? что если онъ дѣйствпшельно рѣшпшся опдать мнѣ свою руку, дашь свое имя? Не будетъ ли это самымъ лучшимъ укоромъ тому, копорый поступилъ со мной такъ вѣроломно и низко, не будетъ ли это самымъ упѣшпшпсельнымъ торжеспвомъ для меня — и надъ нимъ и надъ его гордымъ опцомъ, прорѣкавшимъ мнѣ слишкомъ жалкую будущность?...» Заронпшпшсь разъ въ мое сердце, эта безумная надежда съ каждой минупой начинала мнѣ казаться больше возможной и сбьппочной, желаніе опмспшпшъ за себя все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало мной. Съ другой спороны я видѣла всю край-

носпь моего положенія; видѣла, что безъ связей и знакомства, мнѣ будетъ слишкомъ прудно сыскапъ какое нибудъ приличное мѣспо, которое могло бы обезпечипъ мое существованіе: одна мысль о томъ, что моя нищета, моя беззащитность можетъ быть заспавяпъ меня, пропивъ воли, опяпъ возвращипсь къ Княгинѣ и просипъ ея помощи, ледънила во мнѣ всю кровь.... Нѣсколько времени я еще отвергала увѣщанія разскащицы, боролась сама съ собой, но наконецъ мое опчаяніе и всѣ эти мучительныя чувства, презрѣнной, опвергнутой любви, которыя жгли и помили душу мою, сдѣлали то, чего, можетъ быть, не въ силахъ было бы сдѣлапъ никакое обольщеніе.... Я рѣшилась видѣпъ человека, о которомъ мнѣ говорили.

Глаза посланницы заблнспали радостью.—Онъ нынче же прѣдетъ, сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскрикнула я, сама испугавшись своей рѣшимости; — я не приму его.

— Такъ какъ же... спало вамъ надо идти къ нему?...

Я опять вспыхнула, опять посмотрѣла на нее съ презрѣніемъ, и гошова была ее прогнать.

— Ну хорошо, хорошо, сказала она, я вижу, что вы слишкомъ совѣспливы, и скажу ему объ этомъ. А ужь, вечеромъ, мы пойдѣмъ на бульваръ; я дамъ ему знаніе; вы встрѣтитесь будио нечаянно, и тамъ познакомитесь съ нимъ. Ужь если и на это вы не согласны, такъ мнѣ нечего и ходить къ нему, нечего и проводить его по пуснякамъ....

Вырвавъ у меня почти насильно согласіе, хозяйка моя въ ту же минуту побѣжала со двора, какъ бы боясь, что-

бы я не ворошила ее и не взяла назадъ моего слова.

Во все время ея опсудспвія я была какъ безумная. Иногда я въ самомъ дѣль готова была бѣжать за ней, оспановить ее. То желала я, чпобы это свиданіе, такъ чудно предложенное мнѣ и такъ безразсудно принятое мной, не соспоялось, чпобы ему помѣшало чпо нибудь;—то сама же начинала бояться его опсрочки: я чувспвовала, чпо завпра я можеть быть не рѣшусь ужь на то, на чпо рѣшалась сегодня— а мнѣ не хотѣлось распаться съ пѣми призраками, копорые начала я создавать для себя въ будущемъ, съ пѣми надеждами, копорыми думала я заглушить поску моего сердца! Я порицала, презирала себя за мой поступокъ, но спрахъ впасть въ прежнее опчаяніе превозмогалъ во мнѣ всё. Въ пѣ минуты, когда рѣшимость моя колебалась сильнѣе, я проклинала посланницу за ея

медленность: я желала, чтобы она скорѣй возвратилась ко мнѣ, чтобы скорѣй успокоила, ободрила меня опять своими словами. Наконецъ она вошла, довольная, торжествующая.

— О, да какъ же сердечко его болить по васъ! сказала она; какъ же онъ обрадовался въспочкъ, которую принесла я ему. Посмотрите что далъ онъ мнѣ за одну эпу въспь (она показала мнѣ нѣсколько золотыхъ монетъ): пожалѣетъ ли онъ, послѣ этого, чегонибудь для васъ самихъ?...

Я опять получила записку, которая заключала въ себѣ новыя увѣренія въ любви, благодарность за мою снисходительность и наконецъ просьбу сдержанъ мое обѣщаніе. Сердце мое замирало опъ страха, когда я читала это письмо. Я умоляла хозяйку мою, чтобы она не оставляла меня ни на минушу:— Повторяй мнѣ безпрестанно то, что я

ужь опть шебя слышала, говорила я; шверди мнѣ, что онъ меня не обманешъ, — иначе у меня не доспанешъ духу идши съ шобой, — и я не сдержу моего слова....

Чѣмъ ближе подходилъ назначенный часъ, тѣмъ сильнѣе раздавался въ душѣ моей голосъ добродѣтели, совѣспи, чеспипи; но мой ослѣпленный разсудокъ былъ не всилахъ внимать ему, мои взволнованныя чувства были не всилахъ ему повиноваться. Я слушала только льспивыя слова, которыми сулили мнѣ вѣрный успѣхъ въ моихъ новыхъ надеждахъ и желаніяхъ, и спараясь увѣришь себя въ справедливоспи этихъ словъ, я не хопѣла думать о томъ, что самымъ первымъ шагомъ моимъ я унижу себя въ глазахъ человѣка, опть котораго я ждала уваженія, что не любя его и не бывъ въ соспояніи никогда любить — я рѣшаюсь припворяться и обманывать, что, можетъ быть,

еще прежде, чѣмъ удастся мнѣ достигнуть цѣли моей, я должна буду принести слишкомъ много жертвъ этой припворной любви.... Я спаралась забыть, заглушить все это, отгоняла прочь каждую мысль, копорая могла еще остановить меня.... Казалось, все святое, все чистое умирало во мнѣ, когда, одѣтая съ изысканнымъ спараніемъ прелестницы, я пошла наконецъ къ мѣспу условленной встрѣчи.

Погруженная въ мои безумные замыслы, увлекаемая презрѣнной проводницей моей, я была ужь недалеко отъ него. Гуляющіе начинали разъѣзжаться. Мимо меня мелькали, въ вечернемъ сумракѣ, богатые экипажи, дорогія перья и шляпы дамъ, песпрые, красивые наряды разсыпающейся толпы щеголихъ и щеголей. Весь эпошъ блескъ богатства и роскоши, все это шумное, соблазнительное выраженіе жизни веселой, спремящейся къ однимъ наслаж-

деніямъ, закружили еще больше мою голову, подспрекнули во мнѣ еще сильнѣе суешное желаніе спать, за какую бы цѣну ни было, вровень съ этими людьми, копорымъ были даны всѣ способы щеславиться другъ передъ другомъ своимъ именемъ, нарядами, золопомъ.... И мнѣ оставалось сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, чшобы спунить на спезю самага позорнаго лицемѣрія — бытъ можетъ, порока.... Ангель-хранипель мой былъ гошовъ улепѣшь опъ меня, какъ вдругъ надъ головой моей раздался ударъ колокола.... громовый звукъ его заспавилъ меня содрогнуться.... Я невольнo остановилась, осмопрълась кругомъ: передо мной были разпворенныя врапа женской обипели, на колокольнѣ ея начинался благовѣспъ ко всенощной....

Нѣсколько минушь стояла я, безмолвная, неподвижная, какъ будпо поспепенно пробуждаясь опъ страшнаго

сна, долго меня пиягопившаго. Я прислушивалась къ звуку благовѣспа, смопръла на толпы богомольцевъ, спекавшихся на его призывъ — и наконецъ слезы умиленія, раскаянія, благодарности, покапились изъ глазъ моихъ. Эпошь благовѣспъ, эти распворенныя врапа обиптели, эпа надпись на нихъ: *« Приидите ко мпъ всъ тpуждающіеся и обремененные, и азъ упокою вы »*, мимо копорой мы такъ часпо проходимъ съ равнодушіемъ и копорая такъ много говорипъ каждому несчастливцу, — всё казалось мнѣ голосомъ Бога Живаго, призывающаго меня къ Себѣ въ часъ моей гибели, все напомнило мнѣ Его милосердіе.... Я вошла въ храмъ, и мысль, что я могу приблизиться къ святынь еще незапятнанная порокомъ, что тайный препенъ грѣшницы еще не гонипъ меня прочь опъ нея, наполнила душу мою небесной опрадой. Въ эпу поржеспвенную минушу я произнесла обѣщъ не выходяипъ больше изъ спѣнь мона-

спырскихъ, поняла наконецъ гдѣ и въ Комъ я должна искать утѣшенія. Во все продолженіе всенощной я молилась разпроспершая на помостѣ храма, и мои шепелья молишвы, казалось, были услышаны: Господь Богъ не опринулъ меня опъ лица Своего; святая обитель не отказала мнѣ въ приспанищѣ...»

Записки больной сеспры заключались добродушнымъ сознаніемъ и самымъ горькимъ раскаяніемъ въ помъ, чпо она слишкомъ живо еще увлекается земными воспоминаніями. Въ послѣдствіи религія придала душѣ ея больше пвердоспи и спокойствія; но ея нервы были слишкомъ сильно потрясены и разспроены, ея мысли, какъ ужь я даль замъшипъ, поспоянно грусны и мрачны. Я хопѣлъ однакожь испытать послѣднее средство помочь ей. Когда я

узналъ первоначальную причину ея болѣзни, мнѣ казалось, что ей могутъ еще принести нѣкоторую пользу, нисколько впрочемъ не мѣшая религіознымъ чувствамъ ея, чистый воздухъ, умеренное движеніе и, опять времени до времени, перемежна мѣспъ. Я предписалъ ей небольшія путешествія.

ВИЗИТЪ ВТОРОЙ.

ТЮРЬМА.

Въ Іюль мѣсяцъ, того же года, меня позвали, къ одному арестанту. Это былъ молодой человѣкъ хорошей фамиліи, но копорый, не смотря на то, содержался за важное уголовное преступленіе.

У него была жестокая горячка. Въ безпамятствѣ, онъ не понималъ и не чувствовалъ ни чего, что вокругъ

него производилъ; но онъ безпрестанно пвердилъ о своемъ преступленіи и терзался муками совѣсти. Положеніе его было ужасно и опчаянно. Черезъ нѣсколь-ко дней однакожь его крѣпкое сложеніе, съ помощію моихъ маленькихъ пособій, побороло болѣзнь. Онъ опомнился.

— Это вы, докторъ, возвращили мнѣ жизнь? — сказалъ онъ, когда совершенно пришелъ въ себя и узналъ наконецъ, что я пекся о немъ довольно заботливо; — за чѣмъ вы сдѣлали это?...

— Я сдѣлалъ мой долгъ, отвѣчалъ я сухо и даже съ маленькимъ неудовольствіемъ за такой упрекъ.

— Да, сказалъ больной, помолчавъ съ минутою и глубоко вздохнувъ, я въ самомъ дѣлѣ обязанъ вамъ благодарностью за то, что у васъ dospало духу помогать извергу, копорый... копорый... Вѣдь вы вѣрно слышали мою испорцію?...

Я сдѣлалъ ушвердительный знакъ....

Исторія эта дѣйствительно была ужасна. Больной казался мнѣ еще слишкомъ слабъ, и я поспѣшилъ прекратить разговоръ, которъй могъ опять взволновать его кровь.

Онъ оправлялся медленно. Я продолжалъ постоянно навѣщать его и иногда просиживалъ съ нимъ полчаса лишнихъ, стараясь разсѣять его мрачныя мысли и тоску одиночества. Онъ живо чувствовалъ это. Мое вниманіе глубоко его притягло и приобрело мнѣ наконецъ его полную довѣренность.

— О, какъ я радъ, сказалъ онъ однажды, какъ благодаренъ судьбѣ за то, что въ эти страшныя минуты она послала мнѣ васъ, а не другаго.... Есть такого сорта люди, которые, можеть статься, не захотѣли бы говорить со мной и, подавая помощь моему шѣлу, по обязанности медика, въ самое то же

время убивали бы духъ мой унизительнымъ презрѣнiемъ.... Никпо не знаешъ, докпоръ, всѣхъ подробносней несчастнаго происшествiя, случившагося со мной. Выслушайте меня, и попомъ скажите: такъ ли я виноватъ, какъ кажусь въ глазахъ вашихъ, въ глазахъ цѣлаго свѣта и — даже въ моихъ собственныхъ.... Да, вы должны выслушать меня изъ соспраданiя, и если вы хошъ сколько нибудь пожалѣете обо мнѣ, — мнѣ будетъ легче....

У меня оставался часъ свободнаго времени; мнѣ самому было любопытно узнать то, что хотѣлъ онъ рассказывать; я далъ ему волю говорить, и онъ началъ:

— Не знаю самъ что я такое: злодѣй, или только человекъ легкомысленный и неумѣющій владѣть собой; низкій обманщикъ, или только въпренникъ — нековарный и неумышленный?...

Всѣ эти качества, различныя въ своихъ началахъ, такъ близко сходящіяся иногда въ своихъ послѣдствіяхъ, что часто заставляють меня дѣлать эпошъ вопросъ самому себѣ.

По крайней мѣрѣ въ то время, когда я вступилъ на поприще жизни, сердце мое не знало порочныхъ склонностей и пѣмъ еще меньше было способно къ черному, умышенному злу. Напротивъ, идея истиннаго счастья представлялась мнѣ тогда не иначе, какъ идеей добра и любви, и я свято чтилъ даже такія вещи, которыя въ свѣтѣ и въ общественной привыкли считать ни во что. У насъ всѣ, въ одинъ голосъ, будущъ голповы называють подлецомъ человека, который, проигравъ 50 р. на честное слово, не пришлетъ ихъ въ назначенный срокъ, и ни кто не подумаетъ дать это имя тому, кто обманетъ женщину, выигравъ ея сердце и честь. Я думалъ иначе. Мнѣ казалось, что сердце

женщины никогда не должно быть пус-
 сшой игрушкой для насъ, чпо кляпву,
 данную ей, мы должны такъ же свято
 хранишь, какъ и всякую другую кляп-
 ву.... Я любилъ, докпоръ, дѣвушку бѣд-
 ную, ничпожную — и никакъ не думалъ
 ее обманывать; я хотѣлъ лучше нару-
 шить всѣ, такъ называемыя, свѣпскія
 приличія, чѣмъ спокойствіе сущесва
 любящаго меня, довѣрившаго мнѣ свое
 счастье; гошовъ былъ скорѣе разорвать
 связь съ цѣлымъ міромъ, чѣмъ съ ней....
 Да, клянусь вамъ, я былъ честенъ; но я
 былъ молодъ; — а чпобы въ двадцать лѣтъ
 сохранить свой самоспопательный образъ
 мыслей — надобно или жить въ пуспы-
 нѣ, или имѣшь слишкомъ крѣпкую го-
 лову для шого, чпобы она одна не за-
 кружилась въ чаду, въ кошоромъ кру-
 жашся головы всѣхъ.

Моя служба, мое званіе, по неволь
 увлекали меня въ общесво, въ самый
 высшій, аристократическій его кругъ.

Сначала любовь моя, наполнявшая все мое сердце, была для меня самымъ вѣрнымъ щипомъ пропивъ всѣхъ оболъщений, какія только могли представиться моей молодости въ раззолоченныхъ го-спинныхъ столицахъ, въ толпѣ первыхъ ея красавицъ. Я смотрѣлъ на всё и на всѣхъ какъ на призраки, мелькающіе мимо меня и не оставляющіе во мнѣ никакого впечатлѣнія. Я бывалъ на балахъ, на вечерахъ, на гуляньяхъ только какъ хладнокровный зритель, а не какъ дѣйствующее лицо. Но мало по малу попокъ суешной жизни, на которую я смотрѣлъ всякой день, началъ увлекашь и меня своимъ стремленіемъ. Я получилъ довольно хорошее образованіе; имѣлъ кое-какіе таланты, спанъ всегда ловко замянутый, наружность не безобразную — все это, вмѣстѣ съ моимъ гвардейскимъ мундиромъ и знашнымъ происхожденіемъ, казалось, ждало только собственной воли моей, чобы пріобресшь мнѣ успѣхъ въ свѣтѣ. Само-

любие, суешность и мои съ небольшимъ двадцать лѣтъ подспрекнули меня приобресить эпопю успѣхъ. Первые опыты мои въ свѣтской любезности были пакъ удачны, чю превзошли всякое ожиданіе. Меня полюбили, на меня обрашили вниманіе и мужчины и дамы. За то и я не жалѣлъ оспраго пуспословія въ гостинныхъ и ногъ моихъ на паркетъ. Бывъ нѣсколько времени принужденнымъ посѣтителемъ баловъ, я нечувствителью самъ началъ играць роль одного изъ первыхъ и самыхъ модныхъ бальныхъ героевъ. Я привыкъ наконецъ къ эпой роли, я втянулся въ нее — и, вмѣстѣ съ перемѣной образа жизни, перемѣнился и мои занятія. Вмѣсто умнаго, полезнаго чтенія, копорымъ любилъ заниматься я прежде, я все свободное время, оспаяющеся мнѣ опъ службы и баловъ, началъ посвящать изученію новыхъ па и новыхъ фигуръ для кадрили, или, сноя передъ зеркаломъ, заботился о шой шонкой, изящной щеголеватости

моего наряда, которую искусная рука столичного франца умѣетъ придасть даже однообразной военной формѣ.... Коротче и однимъ словомъ, я не замѣнилъ самъ какъ сдѣлался совершенно свѣтскимъ, т. е. совершенно пуспымъ человекомъ.

Но между тѣмъ какъ мой мундиръ, всегда сшитый и надѣтый съ опличнымъ искусствомъ, мои па, и можетъ статься мое лице, обращали на меня взоры столичныхъ невѣстъ и даже замужнихъ искапельницъ приключеній, изъ которыхъ многія любили вальсировать со мной и слушать мои каламбуры, я, по прежнему, смотрѣлъ и на тѣхъ и на другихъ съ стоическимъ равнодушіемъ. Я все еще любилъ одну, хотя она была и далеко отъ меня; я жилъ мечтами, надеждами, ожиданіями, хотѣлъ свѣтской разсѣянностью убить только шеску разлуки съ ней. Къ несчастью эта разлука была довольно продолжи-

шельна. Товарищи, которые пользовались моею полной доверенностью, часто подшучивали надъ моею романической любовью, надъ моею рыцарскою вѣрностью. Другіе, которые не знали ничего, смѣялись надъ шѣмъ, что меня ни одна женщина не хотѣла награждать своею благосклонностью за всѣ мои подвиги въ мазуркахъ и капильонахъ: они божились, что я, имѣя отличную способность кружиться самъ по паркету, не имѣю никакой способности кружить головы другихъ.... И между шѣмъ, какъ я слышалъ всѣ эти насмѣшки, вокругъ меня полпился цѣлый рой красавицъ; и между шѣмъ балыные разговоры часто увлекали меня въ разговоры слишкомъ живые — иногда, невольно, почти въ спрашные; и часто я видѣлъ, оканчивая такой разговоръ, что опъ меня собственно зависипъ побѣда надъ сердцемъ, или лучше сказать надъ прихотью, какой нибудь самой блестящей звѣзды моднаго небосклона. Испушеніе

было сильно, я не устоялъ прошивъ него. Я самъ чувствовалъ потребность оживить мою пуспую жизнь чѣмъ нибудь больше занимательнымъ однихъ прыжковъ, чувствовалъ потребность привязать эти прыжки къ какой нибудь цѣли, которая могла бы одушевлять для меня и балы и танцы и бальные разговоры, ужь наскучившіе мнѣ наконецъ своимъ однообразіемъ. Это было желаніе не новой, сильной, пылкой любви; но желаніе побѣдъ суешныхъ, желаніе создать себѣ минушный кумиръ, къ ногамъ котораго я могъ бы повергать всѣ бальные профен мои, всѣ успѣхи дня и вечера.... И я началъ создавать себѣ такіе кумиры. Увлеченный примѣромъ всего меня окружающаго, совершенно попонувшій въ роскошной атмосферѣ танцевальныхъ залъ, напипанной газомъ мимолетной, прихотливой любви, — я такъ же началъ играть ей, какъ другіе, такъ же сдѣлалъ изъ нея вседневное препровожденіе вре-

мени, занятіе опть скуки, которое могъ я бросать и опяшь начинать по своему произволу. Не предаваясь никакой глубокой, постоянной страсти, избѣгая всѣхъ связей, которыя должны были бы кончиться чѣмъ нибудь рѣшительнымъ, я вступалъ только въ связи легкія, выбиралъ только такихъ женщинъ, которыхъ можно было легко побѣдить, и съ которыми еще легче можно было раздѣлаться. Въ два года я успѣлъ прославить имя мое въ льпописяхъ волокитства и въпренности, успѣлъ сдѣлаться изъ свѣпскаго человека свѣпскимъ развратникомъ, — и меня однакожь не презиралъ ни кто, потому что всѣ инприги мои велись въ хорошемъ кругу, съ особами, какъ говорится у насъ, *благородными*. Вы знаете, что такія инприги принимаются въ свѣпѣ снисходительнѣе всякихъ другихъ, и даже дѣлаютъ, какую-то спиранную, честь тому, кто умѣетъ искусно вести ихъ и искусно опть нихъ опдѣ-

ываешься. По этому-то, можешь быть, я не презиралъ и самъ себя. Я думалъ, что въ поступкахъ моихъ нѣтъ ничего предосудительнаго, что они даже нисколько не отрицаютъ добрыхъ качествъ моихъ, — но я ошибался: чувства мои постепенно припухли, сердце съ каждымъ днемъ больше черствѣло и поршилось, всѣ благородные порывы его гасли въ чувственности....

Въ это время возвратился изъ за-границы отецъ мой, котораго я не видалъ почти съ самаго младенчества. Онъ предложилъ мнѣ въ невѣсты дочь одного изъ своихъ старинныхъ пріятелей. Союзъ этотъ былъ предположенъ давно обоими свѣриками; но прежде объ этомъ не зналъ никто, такъ же какъ и я самъ.

У меня ужъ была, какъ я вамъ сказалъ, невѣста, избранная моимъ сердцемъ, обрученная со мной любовью, на-

чавшейся съ самага дѣтства. За два, за три года назадъ, я не побоялся бы сказать объ эпозъ прямо отцу моему, и ничто въ мѣрѣ, говорю я, не заставило бы меня тогда измѣнить моимъ клятвамъ. Теперь я самъ смотрѣлъ на любовь мою ужь не съ той почки. Другія, хоть не сильныя, но безпрестанно новыя, безпрестанно мѣняющіяся, впечатлѣнія охладили въ моемъ сердцѣ жаръ первой спраспи. Перемена въ образѣ мыслей моихъ и въ самыхъ правилахъ заставляла меня видѣть въ ней одно ребячество. Несмыслясь порочныхъ связей моихъ, я спыдился эпозъ прежней, чистой любви, потому только, что она могла показаться слишкомъ упонченной и поэпической....

Я мало зналъ отца моего; но сколько я могъ судить о немъ, по рассказамъ моей матери, и сколько успѣлъ постигнуть его въ последнее непродолжительное время, которое я провелъ съ

нимъ, — я видѣлъ, что это человекъ холодный, насмѣшливый, чрезвычайно настойчивый въ своихъ предпріятіяхъ и честолюбивый до крайности. Долговременное пребываніе въ Парижѣ, еще при роскошномъ дворѣ Маріи Ангуанезы, при которомъ онъ провелъ свою молодость, придало ему и правила и характеръ вельможи времени Лудовика XV, сдѣлало его самымъ ревностнымъ поклонникомъ философіи прошедшаго вѣка. Но не смотря на то, что онъ былъ отчаянный вольнодумецъ въ своихъ сужденіяхъ, онъ чинилъ собственныя права и власшь какъ феодальный баронъ. Опъ союза, который предлагалъ онъ мнѣ, онъ предвидѣлъ много выгодъ для обоихъ насъ. Прежде всего онъ думалъ обезпечить имъ мое состояніе и доставить мнѣ средства жить независимо опъ него, не умножая его собственныя огромныхъ расходовъ моими требованіями. Родство съ одной изъ лучшихъ фамилій, если не могло ужъ льстить его самолюбію, то по крайней мѣрѣ удовлетворяло ему

вполнѣ. Наконецъ, все это вмѣспѣ, усиливая наши связи и способы, доставляло мнѣ больше возможности и удобствъ переменить мою военную службу на придворную, что также было однимъ изъ давнишнихъ желаній отца моего. Такимъ образомъ мое сопротивленіе въ этомъ случаѣ должно было раздражить его слишкомъ сильно, потому что оно разрушило бы все его планы и предначертанія; а причина этого сопротивленія еще больше увеличила бы гнѣвъ его и съ тѣмъ вмѣспѣ могла навлечь на меня тысячу самыхъ ѣдкихъ сарказмовъ, тысячу насмѣшекъ самыхъ язвительныхъ, потому что Марія — такъ звали дѣвушку, для которой я долженъ бы былъ пожертвовать рукою одной изъ богатѣйшихъ невѣспѣ — была только бѣдная сирота, воспитанная моей матерью....

При этихъ словахъ, при этомъ имени, я говорю былъ прерванъ больнаго невольнымъ восклицаніемъ: не смотря на

то, что въ рукописи монахини всѣ фамилии были означены только буквами, я не сомнѣвался больше, что несчастный, говорившій со мной, есть именно тотъ самый Князь Валеріанъ С., который игралъ такую важную роль въ ея испорченіи. Я скрылъ однакожь отъ него мое невольное движеніе, и онъ продолжалъ:

— Повѣрите ли вы, докипоръ, что мысль выказать себя смѣшнымъ въ глазахъ отца моего, или даже въ глазахъ кого бы то ни было, спрашила меня больше его гнѣва, побуждала сильнѣе всѣхъ разсчетовъ корысти опречья отъ Маріи. У меня, можетъ спасться, достало бы еще твердости пропившись самому жестокому принужденію, какое только отецъ можетъ сдѣлать своему сыну; но не доставало ея на то, чтобы пренебречь мнѣніемъ общественнымъ, которому я привыкъ вѣрить наконецъ больше убѣжденій собственнаго сердца. Во глубинѣ его раздавался еще повременамъ

голосъ прежней любви и пайнаго вну-
тренняго укора въ томъ, что я увлекъ
Марію моими обѣщаніями, моими клятва-
ми; вселилъ въ нее мечпы, копорыя безъ
того никогда бы, можетъ спаться, не
закрались въ ея голову, и копорыя, не
сбывшись попомъ, могли разрушить спо-
койствіе всей ея жизни; но я не слу-
шалъ этого голоса... Сначала я думалъ,
что, не давая еще никакого рѣшительна-
го отвѣта опцу 'моему, съ моей споро-
ны не будетъ большимъ преступленіемъ
взглянуть на дѣвушку, копорую мнѣ
назначали въ невѣсты и копорую до
тѣхъ поръ я не видалъ никогда. А по-
помъ, когда я увидѣлъ ее, я ужь не
могъ ни о чемъ думать—по крайней мѣ-
рѣ на всё то время, пока былъ ея же-
нихомъ.

Графиня Анаспасія очаровала меня съ
перваго взгляда. Я нашелъ въ ней имен-
но ту свѣтскую любезность, къ копо-
рой привыкъ въ послѣднее время; ту

бойкосць въ обращеніи, которую въ свѣпѣ часпо принимаюпѣ за умѣ; пѣ паланты, которые придаюпѣ еще больше прелеспи каждой дѣвушкѣ. Она бѣгло разыгрывала на фортепьяно самыя шрудныя ноты, пѣла легко и пріятно аріи Россини и Чимарозо, умѣла заняпѣ разговоромъ кого вы хотише, — и при всемъ этомъ ей не было еще семнадцати лѣтъ. Правда, что для воспитанія ея ничего не щадили, правда и то, что воспитываясь дома, она имѣла возмoжностъ рано свыкнупѣся съ обществомъ; но пѣмъ не меньше она показала мнѣ совершенствомъ всего, что только зналъ я до пѣхъ поръ подѣ именемъ женщины.

Лице Анаспасин было также увлекательно, какъ ея обращеніе и любезностъ, и всего больше поражало меня въ немъ то, что когда я вглядывался въ нее при спальнѣе, я находилъ въ ней какое-шо сходство съ Маріей. Можетъ спашься это былъ одинъ обманъ воображенія,

одно сходство молодости, потому что когда я распался съ Маріей, слишкомъ за три года назадъ, она была именно въ такихъ же лѣтахъ;—но, какъ бы то ни было, мнѣ по крайней мѣрѣ казалось такъ, и казалось съ тѣмъ вмѣстѣ, что Анастасія соединяетъ въ себѣ всё, что только могло удовлетворить потребности души моей. Напоминая мнѣ иногда предметъ первой любви моей, она сильнѣе дѣйствовала на заспынувшія мои чувства, чѣмъ могла бы дѣйствовать на нихъ всякая другая дѣвушка; ея характеръ живой и веселой больше соответствовалъ наклонностямъ моимъ склонностямъ, чѣмъ глубокой, чувствительный характеръ Маріи; ея красота, ея богатство, ея значимость льстили моему самолюбию, давали мнѣ поводъ гордиться моимъ выборомъ передъ моими знакомыми, передъ моими товарищами, передъ бывшими соперниками на балльныхъ турнирахъ. . . И я могъ сдѣлаться обладателемъ такого сокровища, не подвергаясь ни гнѣву отца моего, ни

насмѣшкамъ свѣта, безъ всѣхъ препяш-спвій, безъ всякаго принужденія, не только со стороны моей, но и со стороны Анаспасіи, попому что и она, по видимому, сполько же спаралась нравиться мнѣ, сколько и я ей... Вы знаете людей и свѣтъ: скажите же, ради Бога, кто не назвалъ бы меня сумасшедшимъ, если бы я въ самомъ дѣлѣ рѣшился пожертвовать этимъ блестящимъ союзомъ давнишней полузабытой любви, увѣреніямъ — правда, высказаннымъ опъ чистаго сердца, но высказаннымъ не больше какъ въ двадцать лѣтъ, бѣдной, ничтожной семнадцати лѣтней дѣвочки?...

Вы знаете также, какъ мастерски мы умѣемъ оправдываться передъ самими собой въ тѣхъ поступкахъ, копорые сходны съ нашими желаніями. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ Анаспасію, я все больше и больше увѣрялъ себя въ томъ, что въ продолженіи прехъ лѣтней разлуки нашей, Марія непременно должна

измѣнившись почто также, какъ я; что сдѣлавшись спарье, и слѣдовательно благоразумнѣе; она вѣрно сама смѣется надъ шѣмъ, что казалось ей дѣльнымъ въ семнадцатъ лѣтъ. Это предположеніе казалось мнѣ шѣмъ болѣе основательнымъ, что опучивъ сердце мое ошъ всѣхъ глубокихъ и продолжительныхъ чувствъ, я считалъ ихъ невозможными и въ другихъ — особенно въ женщинѣ. Въ послѣднее время я видѣлъ такъ много женщинъ въпренныхъ.... Я мѣрилъ Марію на пошъ же масштабъ, и думалъ, что съ моей стороны было бы даже глупостью напоминать ей прошедшее.

Однакожь, когда я далъ слово Анастасіи и долженъ былъ писать къ моей матери, чтобы испросить ея согласія и вызвать ее на мою свадьбу, у меня не поднялась рука писать это письмо, и когда наконецъ моя мать приѣхала, а вмѣстѣ съ ней приѣхала и Марія, я не имѣлъ духу первый ихъ встрѣпить.

Низкая, постыдная робость нечистой совѣсти лишала меня удовольствія скорѣе увидѣшь мать, кошую я много любилъ, и заставляла меня хипришь, припворяться. Опець мой поѣхалъ одинъ въ подмосковную, гдѣ онъ оспановились, и я неперѣливо ждалъ его возвращенія: я надѣялся изъ словъ его соспавишь хопь-какое нибудь понятіе о шомъ, какъ Марія приняла вѣспь о моей женишьбѣ, и по эшому пригоповишься къ неизбѣжному свиданію съ ней.

Когда онъ возвращился, онъ въ самомъ дѣлѣ много говорилъ о ней, попому чпо Марія чрезвычайно ему понравилась. Но онъ только хвалилъ ее, только сожалѣлъ о шомъ, чпо судьба поступила прошивъ нея слишкомъ несправедливо, лишивъ ее всѣхъ средствъ заняшь такое мѣспо въ общеспвѣ, какого она была бы доспойна; и каждая похвала, кошую онъ дѣлалъ ей, опзывалась въ ухахъ моихъ, будшо голось собспвеннаго

внушренняго укора ; каждое сожалѣніе объ участи Маріи казалось мнѣ грознымъ обвиненіемъ прошивъ меня самого. Во все продолженіе этого разговора я перезался, какъ тайный пресупникъ, при которомъ нечаянно начали рѣчь о его пресупленіи. Не узнавъ того, что было мнѣ надобно, я узналъ наконецъ отъ отца, что, желая сдѣлать добро, онъ даетъ Маріи приданое и хочетъ выдать ее за своего секретаря и любимца. Я содрогнулся. Этотъ женихъ, избранный имъ для воспитанницы моей матери, былъ изъ числа тѣхъ пварей, которыхъ для своего покровителя гоппы жертвовали всѣмъ, или лучше скажутъ, которыхъ за деньги и милосердіе своего покровителя гоппы продали ему и себя, и честь свою, и самую душу.... Я понялъ, какое низкое чувство и какое намѣреніе побуждало моего отца къ такому добру: сердце мое облилось кровью за бѣдную дѣвушку. Но, признаюсь ли вамъ: мнѣ спало легче за самого себя,

попому что теперь я могъ найти прекрасное оправданіе передъ Маріей. Я говновъ былъ увѣрялъ ее, что изспрашивалъ у отца моего согласія на бракъ нашъ, но что всѣ мои просьбы и убѣжденія были имъ опвергнуты; что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія его волю, онъ грозилъ гнѣвомъ своимъ не только мнѣ, но и моей матери, — и что только это одно послѣднее обстоятельство, только боязнь за мать, за новыя непріятности, копорыя мы могли навлечь на нее, заставила мѣня покориться необходимости. Словомъ, опираясь на великодушное предложеніе старика, копорое Марія сама слышала отъ него, и по копорому она могла понять, какъ далекъ бы онъ былъ отъ того, чтобы одобрялъ любовь нашу, я заранѣе придумывалъ тысячу лжей, — и ни одна изъ нихъ не казалась мнѣ ни безчестной, ни низкой, по-тому что я приготавливался обманывать только женщину... Благодаря обстоятельству, случившемуся нечаянно, но

шакъ кспаши, я могъ наконецъ смѣ-
лѣ встрѣшиться съ Маріей.

Одинъ взглядъ на нее далъ мнѣ по-
няшь, что она все еще по прежнему лю-
бишь меня, что сердце ея ни сколько
не измѣнилось. Ея блѣдное, опшѣненное
груспью лице высказывало безъ словъ,
какъ много она спрадала; ея, все еще ла-
сковый, все еще полный любви, взоръ
какъ будто хотѣлъ спросить: Валері-
янъ, что значашъ твои поступки? На-
прасно ждала она и искала отвѣта:
чувспвуя несправедливосшь мою, созна-
ваясь наконецъ, что я виновашъ передъ
ней, я не смѣлъ ни говорить съ ней, ни
глядѣшь на нее; и еслибъ Марія сама
сказала хоть одно слово о томъ, что
лежало на душѣ у меня, я не знаю, хо-
рошо ли бы я выдержалъ роль, къ ко-
шорой гошовился. Но ни въ первое сви-
даніе наше, ни послѣ, когда моя машь
перѣехала въ домъ ко мнѣ и Марія жи-

ла со мной опять подъ одной кровлей, она не хотѣла говорить мнѣ о прошедшемъ. Я былъ благодаренъ ей за эту скромность, избавлявшую меня опъ всѣхъ объясненій, опъ всякой лжи; но, право, я желалъ иногда, чтобы она больше была похожа на другихъ женщинъ, которыхъ я зналъ послѣ нея. Одна жаркая сцена въ подобномъ случаѣ, облегчивъ мое сердце, доставивъ мнѣ минувное торжество надъ мной жертвѣ, оскорбленной моимъ обманомъ, — можетъ быть кончила бы все для нея, изгладила бы о ней послѣднее сожалѣнiе. Тихая, молчаливая скорбь Маріи встала за себя глубже, вѣрнее, продолжительнѣе. Не смотря на всю мою свѣтскую философію, не смотря на то, что я ужъ не боялся услышать опъ Маріи всѣхъ несносныхъ жалобъ обманутой женщины, я не могъ видѣть ее безъ тайнаго угрызенія. Я убѣждалъ ее присунуться, старался не встрѣчаться съ ней по цѣлымъ днямъ. Она скоро избавила меня и опъ этого шруда,

оставивъ домъ нашъ.... Чѣмъ же запла-
шилъ я ей за это новое доказательство
разборчивости ея чувствъ и вмѣстѣ съ
тѣмъ, можетъ быть, невыносимости
ея собственныхъ спрдацій? Одной хо-
лодной радостью эгоиста, который спа-
витъ выше всего только свое спокой-
ствіе и ни сколько не заботится о томъ,
какой цѣной платитъ за него другіе.
Переставъ видѣть Марію, я пересталъ
и думать о ней. Все непріятныя впе-
чатлѣнія, которыхъ она была виною,
забылись мной очень скоро; и когда на-
конецъ я праздновалъ свадьбу мою съ
Анастасіей, когда и пышность, и блескъ,
и цѣлая вереница предположеній мелька-
ли и въ глазахъ и въ головѣ у меня, я
опять былъ доволенъ тѣмъ, что по-
ступилъ въ этомъ случаѣ, какъ человекъ
благоразумный, а не какъ чужакъ, кото-
рый готовъ бросить миллионъ для того
только, чтобы опередить слезу бѣдной дѣ-
вушки.... Но слезы Маріи, докторъ, пали
проклятіемъ на жизнь мою!...

Привыкнувъ играшь моими чувспвами, привыкнувъ судишь о многихъ вещахъ слишкомъ легко и поверхноспно, я смощрѣлъ и на супружеспво, больше какъ на коммерческій договоръ, чѣмъ на вѣчный, неразрывный союзъ двухъ сущеспвъ. По этому я увлекся только наружнымъ блескомъ Анаспасіи, а не внутренними ея достоинспвами, и не далъ себѣ труда разсмощрѣть глубже и внимательнѣе всѣхъ качеспвъ женщины, которая должна была сдѣлаться подругой моей на цѣлую жизнь. Мнѣ казалось, что ея бойкіе, бѣглые разговоры о пустякахъ ужъ доспапочно выказываютъ умъ ея; что одни пріятные таланты, которыми она обладаетъ, вполне могутъ ручаться за удовольспвія семейной жизни нашей, за разнообразіе нашихъ одинокихъ бесѣдъ; что наконецъ самая ея молодость общается и кропосптъ, и покорность волю моей. Но когда она изъ свѣтской, очаровательной дѣвушки превратилась въ жену мою, когда я уви-

дѣлъ ее не на сценѣ театра, а за кулисами, я ужаснулся пустоты и бездушія эпои женщины. Сдѣлавъ навикъ болташь о томъ и о семъ, она не имѣла привычки ни о чемъ размышлять. Слишкомъ рано сжившись съ свѣтомъ, она скучала внѣ сферы его, и спановилась въ пупикъ, если только разговоръ отклонялся отъ нарядовъ, отъ баловъ, отъ пошлыхъ всеневныхъ новостей. Самые таланты ея и кое какія познанія почти не служили ей ни къ чему. Они были больше затвержены наизусть, чѣмъ изучены и обдуманы, были для нея только средствомъ блеснуть въ обществѣ, а не пріятнымъ занятіемъ ума и души. Короче, я ошибся во всемъ, что ожидалъ въ ней найти, — даже въ самомъ ея характерѣ, слишкомъ испорченномъ невнимательностью и послабленіемъ больного отца и, почти безумной, любовью матери.

Сначала я еще надѣялся исправить

недостатки Анастасии и придать больше основательности ее поспулкамъ и сужденіямъ; но это была надежда напрасная. Не привыкнувъ слышать противоположія ошъ шѣхъ, кшо управлялъ ей съ младенчества, она рѣшительно не хотѣла слышать его ошъ меня. Я думалъ что могу подѣисновать на нее моими совѣтами, моими убѣжденіями; но она, какъ капризное дитя, не внимала ни разсудку, ни истинѣ, не убѣждалась никакими доказательствами, какъ бы ясны они ни были. Ея непоколебимое упрямство выводило меня изъ терпѣнія. Чашо, ошъ разности мнѣній нашихъ, копорыхъ не возможно было согласишь никакъ, у насъ выходили ссоры изъ бездѣлицы, и самыя жаркія сцены тамъ, гдѣ дѣло шло о чемъ нибудь поважнѣе. Наконецъ я увидѣлъ, что всѣ спаранія перевоспитавъ жену мою будущъ спаранія потерявныя, что она вышла замужъ не съ шѣмъ, чтобы покоряшся чужой вошъ, но напрошивъ желая имѣшь еще

больше свободы и способовъ выполнятъ волю собственную. Всего несноснѣе, всего оскорбительнѣе было для меня, что при каждой новой ссорѣ нашей, при каждомъ малѣйшемъ прошиворѣчїи какому нибудь ея желанїю, иногда до крайности безразсудному, она напоминала мнѣ о своемъ богатствѣ и о тѣхъ преимуществахъ, которыми, по ея мнѣнїю, оно давало ей надо мной по крайней мѣрѣ до того времени, пока я не получу отцовскаго имѣнїя. Эти упреки опбили у меня послѣднюю охоту быть мужемъ-наставникомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ доказали мнѣ, что я не могу пользоваться даже и коммерческими выгодами моего супружества, безъ непрїятностей слишкомъ горькихъ и унижительныхъ.

Послѣ свадьбы моей, я, по многимъ обспоянтельствамъ, долженъ былъ оставишь, на время, службу и поселишься въ Москвѣ. Больше я сдѣламъ это для моей матери, которую пригласилъ жить съ собою. Любя ее, зная какъ много она сама меня

любилъ, я хотѣлъ хоть нѣсколько дней въ ея жизни усладить моими попеченіями, надѣялся, въ кругу моего семейства, засавить ее забыть всѣ прежнія собственныя непріятности. Но мое несчастное супружество не принесло ей ничего, кромѣ непріятностей новыхъ. Анастасія была такая же дурная дочь, какъ и жена. Бѣдная моя мать видѣла все невниманіе къ себѣ въпреную и своеправной своей невѣстки, видѣла безпрепятствныя ссоры наши и несогласія, и терзалась ими, можетъ быть, больше меня самого. Умѣя переносить горести собственныя, она не умѣла перенести ихъ за меня. Ея лучшее, единственнное желаніе: насладиться, какъ думала она, на закапъ дней хопя моимъ счастьемъ,— не исполнилось; это нанесло послѣдній, рѣшительный ударъ ея слабому здоровью. Жизнь, не поддерживаемая больше никакой надеждой, никакой опрадой, стала для нея бременемъ тяжкимъ и ненужнымъ. Осташокъ силъ ея быстро

испощился, — и я наконецъ закрылъ ей глаза, доставивъ только по утѣшенію, что по крайней мѣрѣ въ послѣднія минуты ея былъ вѣрнъ сыновнему долгу. Съ тѣхъ поръ домъ мой сдѣлался для меня еще несноснѣе. Не имѣя больше никакой надобности подвергать себя тягоспному принужденію, я проводилъ цѣлые дни у моихъ знакомыхъ, цѣлыя ночи въ Англійскомъ клубѣ, для шого только, чпобы не быть вмѣстѣ съ женой моею. Мы разошлись на разныя половинны, выдались только въ чужихъ домахъ и не опдавали другъ другу никакого опчета въ нашихъ поступкахъ. Такой образъ жизни, давъ намъ полную свободу дѣйствовать каждому по своей воли, чего Анаспасія, по видимому, желала давно, упишилъ нѣсколько домашнія наши бури, — и если насъ всё еще не лзя было поспавишь въ образецъ супружескаго счастья, то по крайней мѣрѣ мы сдѣлались образцомъ супруговъ самаго лучшаго тона.

Но въ то время, когда я старался всеми способами бѣгать изъ моего дома, другой человекъ началъ слишкомъ часто посѣщать его, и избавлялъ Анастасію отъ скуки одиночества, если только она сама не была въ гостяхъ. Это былъ одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ, котораго она привыкла видѣть почти каждый день у отца своего и съ которымъ обращалась на самой коронкой ногъ. Довольный своимъ новымъ образомъ жизни и тѣмъ спокойствіемъ, какимъ наконецъ я пользовался; ничего не желая, кромѣ отдыха отъ всѣхъ непріятныхъ ощущеній, перенесенныхъ мною въ послѣдніе два года, я мало заботился о томъ, съ кѣмъ и какъ проводилъ свое время жена моя. Даже и тогда, еслибъ мнѣ спали извѣсны учащенныя посѣщенія ея двоюроднаго брата, я не обратилъ бы на нихъ большаго вниманія, потому что зная его прежнія отношенія къ Анастасіи, я до тѣхъ поръ вовсе не считалъ ихъ предосудительными. Но до

меня начали доходить слухи очень невыгодные для жены моей и слишком оскорбительные для меня самого. Тѣ изъ моихъ знакомыхъ, которые любили меня, говорили съ сожалѣніемъ, что связь эта, худо прикрытая маской родства, становится ужь черезъ чуръ явной. Другіе намекали объ этомъ спорной, шулками, насмѣшками. Чтобы прекратить разомъ злословіе, которому я все еще не довѣрялъ вполне, и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы не вывести какой нибудь глупой и гласной исторіи, можетъ быть изъ пущяковъ, я рѣшился переѣхать на все лето въ подмосковную отца моего, а между тѣмъ написать къ нему, чтобы онъ снова искалъ мнѣ мѣста въ Петербургѣ. И прекрасное время года и самое расположеніе моего духа, сдѣлавшееся съ нѣкотораго времени унылымъ и мрачнымъ, соопредѣлявали моему намѣренію прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ. Я даже думалъ, что уединенная жизнь можетъ сдѣлать благо-

пворное вліяніє на характеръ Анастасіи, заспавивъ ее глубже вникнуть въ самую себя. Когда я отккрылъ ей причину, побуждающую меня къ этому опъѣзду, она согласилась со мной во всемъ скорѣе и охопнѣе, чѣмъ могъ ожидать я; и когда мы наконецъ переселились въ новое жилище наше, она очень великодушно переносила свое одиночество, принимая изрѣдка только шѣхъ особъ, копорыхъ самъ я позволялъ ей приглашать. Это еще больше увѣрило меня въ ея невинности и утвердило въ томъ, что она можетъ исправиться. Правда, что имѣя слишкомъ мало разсѣянїя, не находя никакого другаго общества, кромѣ меня, она, какъ будто опъ скуки, опъ нечего дѣлать, начала чаще возобновлять прежнїя ссоры наши; но въ такихъ случаяхъ я имѣлъ полную свободу, оставивъ ее одну, бродить цѣлый день по полямъ, или даже дни на два уѣхать въ городъ, ни сколько не опасаясь, что безъ меня можетъ ее навѣстить какой нибудь незванный и не-

жданый гость. Такъ я и дѣлалъ, надѣясь, какъ я ужь сказалъ, что совершенное уединеніе будетъ для нея лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ капризовъ. И въ самомъ дѣлѣ, каждый разъ, когда я возвращался послѣ моего опусушенія, она, казалось, встрѣчала меня съ удовольствіемъ, была рада мнѣ, была ласкова;—но проходила какая нибудь недѣля, и новая ссора опять разлучала насъ на нѣсколько дней.

Однажды, замѣтивъ слишкомъ явное желаніе Анастасіи придраться ко мнѣ безъ всякой причины и вывести меня изъ терпѣнія, Богъ знаетъ для чего, я потчасъ же прервалъ сцену, между нами начавшуюся, и, по обыкновенію, сказалъ, что я ѣду въ Москву; что она можетъ написать со мной письма къ своимъ знакомымъ, и потомъ бранилась, съ чепырмя спѣнами, сколько ей будетъ угодно. Ославивъ ее, я въ самомъ дѣлѣ хопѣлъ въ пу же минупу

уѣхашь, но несносный жаръ принудилъ меня оспахься до вечера. Въ полдень ко мнѣ вошла горничная жены моей. «Если вы не поѣдете прежде вечера,» сказала она, «Ея Сіяпельство пошлетъ въ городъ нарочнаго, попому чпо ей надобно написашь шуда объ одномъ важномъ дѣлѣ, и скорѣй получишь отвѣщъ.» Полагая, чпо эпо важное дѣло соспоишъ въ просьбѣ о присылкѣ какой нибудь новой шляпы или пому подобной бездѣлки, я сказалъ, чпо могушъ послашь разомъ хопь прехъ человекъ. Черезъ нѣсколько минушъ я видѣлъ какъ лакей Анаспасіи помчался на прекрасной Англійской лошади, на копорой онъ провожалъ ее во время прогулокъ. Привыкнувъ къ такимъ разсылкамъ за всякимъ вздоромъ въ Москву, я смопрѣлъ на эпо какъ на вещь очень обыкновенную, и зная, чпо на всѣ мои предспавленія въ эпомъ случаѣ мнѣ отвѣчали бы: «лошадь моя» — я только, съ горькой усмѣшкой, пожалѣлъ о бѣдномъ живошномъ, копорое гнали

безъ милосердія въ самый сильный Іюльскій зной.

Не смотря на то, что я не видалъ Анастасіи въ продолженіи цѣлаго дня, я никакъ не хотѣлъ перемѣнять моего намѣренія и, передъ вечеромъ, велѣлъ ужь для себя запрягать лошадей, какъ вдругъ меня остановило опять одно неожиданное происшествіе.

Мнѣ прибѣжали сказаць, что двѣ монахини, отправленныя съ книгой для сбора на монастырь, проѣзжая не далеко отъ моей деревни, едва не упонули на рѣчкѣ, въ которой вода поднялась отъ недавно выпавшихъ сильныхъ дождей. Кучеръ ихъ не умѣлъ поспѣть на наспоящій бродъ; быстрина воды опрокинула ихъ повозку, но, къ счастью, люди, работавшіе на сѣнокосѣ, успѣли подать имъ помощь. Все это рассказали мнѣ, какъ водится, съ нѣкоторыми прибавленіями, съ увеличеніемъ опасности, ко-

порой онъ подвергались, и я самъ поспѣшилъ на крестьянскій дворъ, куда ихъ перевезли. Одна изъ сесперъ, поспаръе, въ самомъ дѣлѣ была не слишкомъ въ хорошемъ состояніи; другая, моложе, по видимому, не претерпѣвшая ничего, кромѣ испуга, помогала ей... Можете предсавить себѣ мое изумленіе, когда въ эпой, другой сеспръ, я узналъ Марію!... Я съ ужасомъ опспупилъ назадъ; по ней судорожно пробъжала дрожь, будто при взглядѣ на какое нибудь ядовитое живошное.

Черезъ минупу однакожь все ея вниманіе снова обрапилось къ ея несчастной подругѣ. Съ помощію ея спараній и кое какихъ средствъ, копорья были со мной, больная скоро пришла въ себя. Она не чувспвовала никакихъ сильныхъ припадковъ, и для совершеннаго выздорвленія, ей, повидимому, была нужна одна спокойно проведенная ночь. Когда опасность миновалась, я не смѣлъ боль-

ше оскорблять Марію моимъ присудствіемъ; но я велѣлъ сказать, не хвлясь ли монахини, вмѣсто крестьянской избы, занявъ комнату въ одномъ изъ флигелей моего дома. Нездоровая сестра была очень довольна этимъ предложеніемъ, и Марія, заботясь о ея спокойствіи, можетъ быть больше собственнаго, согласилась исполнить ея желаніе,

Не знаю что чувствовала она, когда, изъ пышной кельи, судьба привела ее опять въ то мѣсто, гдѣ, можетъ быть спасться, она испытала много ощущеній слишкомъ горестныхъ; не знаю какое впечатлѣніе сдѣлала на нее встрѣча со мной, но я во весь топъ вечеръ былъ похожъ на убійцу, кошорому явилась гнѣнь жершвы, имъ погубленной. До сихъ поръ я не зналъ куда скрылась Марія и какое убѣжище она избрала себѣ. Я могъ еще думать, что она забыла меня, утѣшилась, нашла опять счастье въ жизни. Теперь

я видѣлъ ея монашескую одежду, видѣлъ, что, въ лучшихъ, цвѣтущихъ лѣпахъ своихъ, она отказалась опъ всѣхъ радостей міра... Не служило ли это доказательствомъ, что любовь ко мнѣ оправдала жизнь ея навсегда, что полюбивъ меня однажды, она не хотѣла искать никакой другой любви. И я опвергъ это сердце, такъ постоянно мнѣ преданное, промѣнялъ его на бездушную куклу, разперзалъ, по внушенію глупой суешности и пустаго щеславія, которыми не принесли мнѣ ничего, кромѣ самыхъ горькихъ плодовъ!... Я проклиналъ себя за ея и мои несчастія, и — когда ужъ она была потеряна для меня невозвратно — я бы опдалъ половину жизни моей за то только, чтобы поговорить съ ней полчаса, чтобы вымолилъ ея прощеніе, чтобы сказать ей, что я самъ спрадаю, можетъ быть больше ее. Я чувствовалъ какъ безразсуденъ былъ бы такой поступокъ, я не думалъ и не имѣлъ намѣренія привести его въ испол-

неніе; но, мечтая о Маріи, зная, что она пакъ близко опъ меня, я не имѣлъ силъ опорваться опъ мѣспа, въ копоромъ была она, и съ минушы на минушу опсро-чиваль мой опъѣздъ.

Было ужъ поздно, когда, опсправивъ мою коляску, копорой надобно было сдѣлапъ довольно дурной и далекій объѣздъ, я пошелъ черезъ садъ, прямо къ пому мѣспу, гдѣ она должна была меня дождапъся. Тихая, лѣпняя ночь была прекрасна; воздухъ былъ упоишелень. Она напомнила мнѣ другую пакую же ночь, напомнила счастливое время первой любви моей. Тяжкая груспъ налегла на мою душу; я опяпъ оспановился и сълъ на скамью. Воспоминаніе развивало передо мной прошедшее,—мнѣ все больше и больше было жаль его... И по временамъ кровь моя закипала огнемъ, вся прежняя спраспъ къ Маріи вспыхивала въ моемъ сердць.

Вдругъ мнѣ послышался легкій шелестъ шаговъ и невдалекѣ опъ меня кшо-шо промелькнулъ въ черномъ.... Долго не вѣрилъ, я себѣ, долго думалъ, что сумракъ ночи и воображеніе меня обманываютъ: это была Марія въ ея праурной одеждѣ. Она прошла мимо, не замѣпивъ меня, и скрылась въ концѣ аллеи.... Тамъ, позади сада, было кладбище, тамъ покоился прахъ моей матери: я понялъ, что она спѣшилъ туда, что въ тишинѣ ночи она хочеть молишься на гробъ своей благодѣтельницы. Этопъ поступокъ еще глубже поразилъ меня, еще больше возвысилъ Марію въ моихъ глазахъ, еще живѣе напомнилъ мнѣ всё, что я заспавилъ ее перенеспъ.... Чудно было состояніе души моей въ ту мину-пу: не смѣя ни оспановипъ ее, ни преслѣдовапъ, я не хотѣлъ однакожь оспавипъ аллеи, черезъ которую она должна была возвращапъся. Случай гово-рипъ съ Маріей представилъ мнѣ самъ собой, желаніе излпщъ передъ ней раз-

перзанную мою душу овладѣло мной снова, — но я самъ спросилъ этого желанія...

Между тѣмъ, какъ эта борьба пропиво-положныхъ мыслей и чувствъ удерживала меня въ нерѣшимости: бѣжать ли мнѣ прочь или ждать возврата Маріи, я замѣнилъ еще двухъ человѣкъ, вошедшихъ въ садъ. Одинъ изъ нихъ, сколько я могъ разсмотрѣть въ темнотѣ, былъ мужчина, закутанный въ плащъ; другая, судя по бѣлому плащю, была женщина. Они прокрадывались къ дому тихо и оспорожно. Сначала я не могъ понять что это значить; потомъ въ головѣ моей мелькнула мысль, оледенившая меня.... Я началъ слѣдить ихъ, не спускалъ ихъ съ глазъ, и видѣлъ какъ они исчезли въ темной впадинѣ двери, ведущей на маленькую лѣстницу. Черезъ минуточку послѣ, на гардинахъ оконъ Анаспасиинной комнашы, при свѣтѣ ночной лампы, оприазилась тѣнь человѣка,

вошедшаго.... къ ней Всё спало ясно для меня, подозрѣнія мои обратились въ увѣренность: эпо былъ двоюродный братецъ Анаспасіи, проводница—была ея горничная....

Не спранно ли, докпоръ: случай привелъ Марію въ домъ ко кнѣ какъ будто нарочно съ тѣмъ, чшобы обнаружить передо мной всю низость женщины, на кошорую я промѣнялъ ее, чшобы вполне открыть мнѣ все мое ослѣпленіе! Бѣшенство, жажда мести, ненависть къ эпой презрѣнной женщиной овладѣли душой моей, и безъ того слишкомъ сильно взволнованной; разумъ оставилъ меня совершенно. Я бросился въ комнату Анаспасіи. Горничная стояла на лѣспницѣ часовымъ, но узнавъ меня, она не смѣла пронуться съ мѣста, не смѣла произнести ни одного крика, — и я, внезапно ворвавшись въ дверь, окаменилъ двухъ преступниковъ моимъ появленіемъ....

Соблазнитель Анастасіи опомнился первый, и бросился на меня желая опкрыть себя пущь. Онъ былъ вооруженъ; но я былъ сильнѣе его, я былъ въ испуленіи. Я схватилъ, обезоружилъ его и... Вы слышали оспальное, вы знаете, что я убійца моей жены.... Да, я убилъ ее въ эту минупу самозабвенія, въ ту минупу, докшоръ, когда она, озлобленная какъ Фурія, вмѣсто того, чтобы разкаяваться въ поступкѣ своемъ и молишь меня о прощеніи, помогала со мной бороться моему прошивнику.... Наглець, шакъ предапельски вкравшійся въ домъ мой, скрылся въ самое спрашное мгновеніе этой ужасной сцены.

Но я и не думалъ о немъ; я не помнилъ, не понималъ хорошенько ничего, что я дѣлалъ. Знаю только, что я опять очутился въ саду, что какая-то непреодолимая сила влекла меня шуда, гдѣ я надѣялся еще найши Марію. Не шребуйте опъ меня никакого удовлетвори-

пельнаго опчета въ томъ, для чего я спѣшилъ къ ней, для чего я хопѣлъ еще ее видѣть: не знаю что сказать вамъ. Это былъ взрывъ всѣхъ чувствъ и спрашей, помившихъ меня въ попь вечеръ; это была проснувшаяся любовь къ Маріи, обрадованная вдругъ своей спрашной свободой, не слушавшая наконецъ ничего, кромъ самой себя; это было опчаяніе чловѣка, заклеившаго себя тяжкимъ пресупленіемъ, но все еще надѣющагося найти участіе въ томъ сердцѣ, которое нѣкогда его любило; это было какое-то безуміе, — можетъ быть, начинающійся присупъ болѣзни, опъ кошорой вы меня избавили.

Погруженная въ задумчивость, Марія сидѣла еще на подножіи камня, покрывающаго могилу моей матери, когда я вдругъ предсталъ передъ ней. Мосбыстрое, внезапное появленіе испугало ее. Она вскрикнула, приподнялась съ

своего мѣста, — но я не далъ ей времени ни уйти, ни опомниться.

— Марія, Марія!—сказалъ я удерживая ее, не убѣгайте отъ меня, выслушайте меня ради самаго Бога!... Я виноватъ передъ вами, Марія, но я оплакиваю вину мою, я слишкомъ жестоко наказанъ за нея... Изъ жалости, изъ состраданія не презирайте, не гоните прочь отъ себя человека, который еще несчастнѣе васъ!...

Она смотрѣла на меня какъ на сумасшедшаго.

— Князь Валлеріанъ, что съ вами? сказала она. Удалились, оставьте меня. Я давно простила васъ; но не напоминайте мнѣ прошедшаго, не оскорбляйте моего сана и одежды. Помните, что я принадлежу Богу, и что сами вы не принадлежите себѣ.

— О нѣтъ, теперь я свободенъ! вскрикнулъ я съ какой-то дикой радостью. Я промѣнялъ тебя, моя Марія, на женщину низкую, на чудовище. Она перезала меня, безчестила имя мое, предавала его посмѣянію. Само небо привело тебя сюда, чтобы открыть все коварство ея, показать мнѣ весь мой позоръ, — и я омылъ этошъ позоръ ея кровью! Я оппмстилъ ей за обоихъ насъ, за преждевременную смерть моей матери, за все зло, которое она мнѣ сдѣлала. Да, Марія, у тебя нѣтъ больше недостойной соперницы: я купилъ мою свободу ея смертью и могу теперь посвящать тебе всю жизнь мою! Уйдемъ же, уберемъ отсюда, Марія, скроемся отъ людей, которые засадили меня такъ предательски послушиться съ тобой!... Они опять оппнимутъ тебя у меня; они станутъ гнать меня, должны будутъ преслѣдовать какъ убійцу.... тогда какъ я хотѣлъ только наказатъ жену преступную....

Не знаю что говорилъ я еще. Слова мои были безсвязны, мысли пугались. Но я помню, что Марія, взглянувъшись приспальнѣе въ одежду мою, понявъ наконецъ въ какомъ спрашномъ пресупленіи обвиняю я себя, — убѣжала съ крикомъ ужаса.... Я оспался въ какомъ-то оцѣпененіи, одинъ, среди кресповъ и могилъ.

Спрашно видѣть запахивающее море послѣ бури, оспавившей на немъ разрушительные слѣды свои; но еще спрашнее заглянуть во глубину собственной души, послѣ гибельной бури спраспей. На воспокъ бѣлѣла заря. Свѣжій, упреній воздухъ вѣялъ мнѣ въ лице; кровь моя проспывала, спраспи запахивали, способность мыслишь мало по малу возвращилась ко мнѣ, — поступокъ мой предспавился мнѣ наконецъ во всемъ своемъ ужасѣ. Я не смѣлъ ужь больше думать, что я совершилъ только справедливое наказаніе: я видѣлъ, что мщеніе мое пе-

решло въ границы челоуѣчества, видѣлъ, что я извергъ, убійца женщины, которая была соединена со мной узами священными! И страхъ Божій, и грозный голосъ совѣсти, и невыносимая, мучительная попка раскаянія громко опозвались въ моей душѣ. Въ изнеможеніи, я упалъ передъ надгробнымъ памятникомъ моей матери,—и мнѣ казалось, что прахъ ея содрогається опть моего присутствія.... Не вдалькѣ возвышался храмъ; я обрапилъ къ нему взоръ, хотѣлъ молишься, — и мнѣ казалось, что святыня меня отвергаетъ.

У меня недоспанеть ни силъ, ни словъ изобразить вамъ все, что я тогда чувствовалъ; не доспанеть силъ говорить и о тѣхъ сценахъ, которыя ждали меня въ моемъ домѣ.... Эти подробности еще больше бы разперзали мою душу и возмутили бы вашу... Разумѣется, что я не хотѣлъ скры-

вапъ моего поспупка опть правосудія, и самъ предалъ себя въ его руки....

Больной умолкъ и закрылъ глаза опть изнеможенія, кошорое произвелъ въ немъ эпопъ разсказъ.

— Га! сказалъ онъ по минушиномъ молчаніи, я хотѣлъ хоть сколько нибудь оправдать себя передъ вами и передъ самимъ собой, разсказавъ вамъ всѣ обшпоятельспва моей жизни; а напрошивъ шеперь вижу, что они еще больше меня обвиняютъ. Въспо одной я погубилъ двухъ женщинъ, и погубилъ однимъ момъ легкомысліемъ.

.

Я молчалъ и думалъ о шомъ, какъ чудны пупи Провиденія, и какъ чудно самъ я сдѣлался слѣпымъ орудіемъ Его воли, подавъ совѣтъ Маріи оспавлять опть времени до времени спѣны монаспыря. Больной прервалъ мои размышленія.

— Не можете ли вы, докторъ, сказать онъ, собрать какихъ нибудь свѣдѣній о Маріи? Я желалъ бы знать, точно ли она меня просила и какое впечатлѣніе произвела на нее послѣдняя встрѣча со мной. Если Религія дѣйствительно возвратила ей спокойствіе, котораго я ее лишилъ, если безумный поступокъ мой не сдѣлалъ на нее никакого пагубнаго вліянія, я самъ былъ бы спокоинъе. Только это одно можетъ еще принести мнѣ нѣкоторую опраду въ настоящемъ моемъ положеніи.

Въ послѣднее время я очень часто навѣщалъ Марію. Двѣ или три поѣздки, сдѣланныя ею по моему предписанію, принесли ей маленькую пользу. Здоровье ея нѣсколько поправилось; но случай, которій вы теперь знаете, убилъ ее совершенно. И я и другіе приписывали это разстройство непріятному приключенію, случившемуся съ ней при переправѣ черезъ рѣчку. Теперь мнѣ было

ясно все, и я могъ бы дать больному самый удовлетворительный отвѣтъ о томъ, что хотѣлъ онъ знать; но я не считалъ этого за нужное. Въ упрежденіе ему, я обѣщала однакожь выполнить его волю.

ВИЗИТЬ ТРЕТІЙ.

ПАЛАТЫ.

На другое утро, когда я, просто безъ всякой просьбы, по одной обязанности медика, собирался идти къ Маріи, кошорой положеніе съ каждымъ днемъ спановилось опчаяннѣе, мнѣ принесли номеръ Вѣдомостей. Перелисывая его во время завтрака, я прочиталъ въ немъ слѣдующую публикацію, обратившую на себя все мое вниманіе.

« Если особа, на которую, при рожденіи ея, надѣтъ золотой крестъ, медальономъ, съ надписью: *М. Д. Г. N. 179....* года и проч. находится въ живыхъ, то ее просить явиться въ *** переулокъ, въ домъ подъ No. **, для открытія ей важной шайны, касающейся до нея. Каждое извѣстіе объ этой особѣ опъшѣхъ, которые ее знаютъ и принимаютъ въ ней какое либо участіе, будетъ принято съ живѣйшей благодарностью. »

Я вспомнилъ, что эти самыя липперы, этотъ самый годъ, это число были вырѣзаны на крестъ, который носила Марія и о которомъ сама она говорила. Не теряя ни минуты, я взялъ мою шляпу и отправился въ назначенное мѣсто.

Это былъ небольшой, вѣпхій домикъ, стоящій на углу узкаго переулка. Меня встрѣшилъ довольно пожилой человекъ,

повидимому, старый, заслуженный лакей знашнаго барина. Эпо я топчасъ по-нялъ, во первыхъ, по его плашью, а во впорыхъ попому, что онъ грубо спросилъ меня, что мнѣ надобно. Но едва я успѣлъ сказать причину моего прихода, лице его прояснилось, тонъ перемѣнился и онъ ласково попросилъ меня идти за собой.

Черезъ узенькую калипку мы прошли на обширный дворъ, принадлежащій къ огромному каменному дому. Онъ ввелъ меня на лѣспницу эпого дома, и пошомъ прямо, безъ всякаго доклада во внутреннія комнаты. Онъ были убраны великолѣпно, но пусты и безмолвны, какъ могила. Огромныя зеркала были завѣшаны, всѣ богатые убранства носили на себѣ печальныя эмблемы праура. Люди, копорыхъ мы встрѣчали, были также всѣ въ черномъ. Они ходили тихо, или лучше сказать мелькали какъ тѣни, боясь произвесить самый малѣйшій

шорохъ. — Кто занимаетъ эпопъ домъ? — спросилъ я моего проводника съ невольнымъ ужасомъ. Онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ, и молча продолжалъ идти впередъ до пѣхъ поръ, пока наконецъ отворилъ передо мной дверь кабинета.

Тамъ сидѣлъ спарикъ съ мрачнымъ, угрюмымъ лицомъ, съ рѣдкими сѣдыми волосами на головѣ. Вкругъ него царствовала та же роскошь, какъ и въ другихъ комнатахъ. Самый прауръ былъ выгнанъ отсюда, какъ вещь слишкомъ печальная; но пѣмъ больше блескъ этого кабинета составлялъ рѣзкую противоположность съ мрачнымъ его обитателемъ. Кромѣ грусти, на сухомъ и желтомъ лицѣ его выражались слѣды болѣзни и изнеможенія. Ноги его были закушаны въ фланель и покоились на мягкой подушкѣ.

Въ ту минуту, когда проводникъ мой подошелъ къ нему и сказалъ ему тихо

нѣсколько словъ, въ померкшемъ взорѣ его блеснулъ огонь радости и надежды. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ приблизиться.

— Такъ вы знаете особу, о копорой опубликовано? спросилъ онъ съ замѣшнымъ волненіемъ, когда мы оспались одни. — Но гдѣ же сама она? что можете вы сообщить мнѣ о ней?...

— Ничего утѣшительнаго, сказалъ я: она больна, и больна безъ всякой надежды.

Эти слова поразили его какъ громомъ; онъ съ ужасомъ опшашнулся къ спинкѣ дивана, на копоромъ сидѣлъ.

— Больна! безъ всякой надежды! повторилъ онъ;—о нѣтъ, это невозможно!... Столько несчастій вдругъ.... Нѣтъ, я не вѣрю этому! Можетъ быть она въ самомъ дѣлѣ больна, но почему вы знаете, что она безъ надежды?...

— Я ея докпоръ.

— Вы докпоръ ея! вы ес лечите и вы говорите, чпо нѣтъ никакихъ средствъ ей помочь!... Господи, Господи, просни меня!... Нѣтъ, докпоръ, вы поможете ей, вы спасете ее!... Да, вы должны спасти ее изъ жалости къ ней, изъ состраданія ко мнѣ, за мои деньги, кошорья заплачу я вамъ!... Вы должны возврашпть мнѣ мою бѣдную, отверженную Марію, въ шу минушу, когда она нашла наконецъ своего опца.... Вы не захошпте убишь меня вмѣстѣ съ ней...

— Для чего же вы отвергли ее, когда она шакъ дорога вамъ? воскликнулъ я невольно, увлекаясь любопытствомъ и учаспіемъ.

— О, я былъ много виноватъ передъ ней! Но для эпого - шо вы и должны спасти ее, чшобы дать мнѣ возможность загладишь мою вину... Можешъ

быть я сдѣлалъ ей много зла, — но вы сжалились надо мной, когда узнаете состояніе души моей, когда узнаете всѣ мои бѣдствія...

Спарикъ былъ сильно взволнованъ. Сердце его переполнилось горесшью; онъ, казалось, въ эту минуу гововъ былъ исповѣдывахся каждому, и шѣмъ больше еще мнѣ, котораго хощѣлъ онъ заставишь употребить всѣ спаранія для спасенія Маріи.

— Да, я виноватъ передъ Маріей, я грѣшникъ!... Я испортилъ несчастную мать ея изъ ея семейства; увезъ ея, скрывалъ отъ людей, боясь преслѣдованія ея родственниковъ. Я обещалъ на ней жениться — и обманулъ ея. Разспроенныя дѣла и фамильныя обстоятельство заставили меня вступишь въ другой союзъ. Я такъ это отъ бѣдной, обольщенной жертвы моей до послѣдней минуу, и только въ то время, когда ужъ все было кон-

чено, увѣдомилъ ее, что связь наша разорвана навсегда. Эша вѣспь была смертельнымъ ударомъ для несчастной. Марія оспалась сиропой. Я не хотѣлъ видѣть этого ребенка; чувспвовалъ, что каждый взглядъ на него будетъ для меня не выносимъ, — и первымъ моимъ спараніемъ было скрыть, удалишь ее опъ себя какъ можно скорѣе и дальше. Мой повѣренный въ дѣлахъ вызвался опсправить ее къ одной своей родспвенницѣ. Обрадованный эшимъ, я далъ порядочную сумму денегъ на ея содержаніе и обѣщаль плашишь за нее каждый годъ съ шѣмъ, чтообы ее воспитывали.... Но я не исполнилъ и этого! Здоровье мое было и тогда ужь распроено. Я уѣхаль за границу лечишь и не сдѣмалъ никакихъ распорженій на счешъ пансіона Маріи, полагая, что пока для нея будетъ достапочно и того, что оставилъ я на первый разъ. Марія оспалась на чужихъ рукахъ, совершенно забытая, брошенная мной.... Когда я возвратился,

моего повѣреннаго въ дѣлахъ здѣсь ужъ небыло; мнѣ никто не напоминалъ о Маріи, никто не претовалъ опть меня для нее денегъ, и, повѣрите-ли, я былъ радъ этому! Я думалъ, что Марія или умерла или приспѣрена такъ, что помощь моя больше не нужна ея воспитателямъ. Я не хопѣлъ даже освѣдомляться о ней, не спарался узнавать куда она дѣлась; я считалъ ее существомъ лишнимъ для меня, не нужнымъ, птягоспнымъ, потому что тогда у меня было семейство, была другая дочь... Но теперь, докторъ, теперь... Вы слышали спрашное происшествіе, что мужъ убилъ за невѣрность жену свою?... Эта несчастная, эта претупная женщина была — дочь моя! дочь, на которую изливался вся любовь моя, все мои попеченія. Жена моя, любившая Анастасію до безумія, не перенесла ея ужасной смерти, — и вопть я остался одинъ, съ моей дряхлостью, съ моими болѣзнями, съ несносной поскою одиночества!... Возвратите же мнѣ дру-

гую дочь мою, спасите мнѣ мою Марію!...
 О, возьмите, возьмите всё, что у меня
 есть, все мое богатство, все имѣніе,
 только спасите мнѣ мою Марію!...

Говоря эти слова, старикъ вынималъ
 изъ ящика свертки золота и бросалъ
 ихъ на столъ. Слезы сверкали въ его
 глазахъ, голосъ прерывался, оспшки
 съдыхъ волосъ шептались на его голо-
 вѣ. Онъ былъ жалокъ; но что могъ я
 для него сдѣлать, когда надъ нимъ опя-
 тѣла рука судьбы!...

— Мнѣ ничего не нужно, Графъ,— ска-
 залъ я. Но если вы хотите видѣть дочь
 вашу, я не совѣтую терять времени
 Возвратившись опъ нея, мы еще погово-
 римъ о ея болѣзни и вмѣстѣ подумаемъ,
 какія мѣры принять намъ.

Онъ сжалъ мою руку.

— Да, да, вѣдь она здѣсь, она близко

опсюда, — сказалъ онъ; я сей часъ же, сію же минушу хочу видѣть ее. Я возвращу ей здоровье моею любовью, моими ласками, скорѣе всѣхъ вашихъ лѣкарствъ.

Онъ зазвонилъ изъ всей силы, и какъ можно скорѣй велѣлъ запрягать карету. Черезъ нѣсколько минушь она была гошова. Не иначе, какъ съ большимъ прудомъ и при помощи двухъ лакеевъ, онъ впащился въ нее; но онъ, казалось, забылъ всѣ собственныя болѣзни; онъ гошовъ былъ ѣхать къ Маріи, копя-бъ эпо스포ило ему жизни. Дорогой, онъ сдѣлался задумчивъ и молчаливъ: онъ какъ будто предполагалъ, что ему придется увидѣть Марію въ жилищѣ, ни сколько не соопвѣтственномъ тому, въ какомъ бы онъ желалъ ее найти; онъ какъ будто боялся, что я опять напомню ему о ея опічаянномъ положеніи, — и не смѣлъ мнѣ больше дѣлать никакихъ разспросовъ ни на счетъ ея здоровья ни на счетъ ея благосостоянія.

Когда карета остановилась у монастырских воротъ, онъ горестно по-смотрѣлъ на меня.

— Она здѣсь?—сказалъ онъ.... Такъ она не можетъ принадлежать мнѣ, если и выздоровѣетъ!. Но все таки я хочу видѣть ее скорѣй, скорѣй....

Меня знали въ монастырѣ, и потому я безпрепятственно, безъ остановокъ, безъ разспросовъ провелъ его въ ту часть зданія, гдѣ были кельи сестеръ. Въ коридорѣ мы почувствовали запахъ ладона. Спарикъ опять посмотрѣлъ на меня, какъ бы спрашивая, что это значитъ. Я самъ содрогнулся, и молча шелъ впереди, убѣгая его взоровъ. Намъ встрѣтились двѣ или три монахини.—Можно ли видѣть сестру Маріянну?—спросилъ я. Онъ остановились и указали на дверь ея кельи. Мы вошли. Марія лежала еще на своей постели, но глаза ея были закрыты, руки скрещены на груди. Въ

головахъ ея горѣла свѣча, передъ свѣчей,
на налоѣ, одна изъ сестеръ читала
псалтырь.... Старый Графъ Н. нашелъ
только бездушный трупъ своей дочери....

ПЕРВЫЙ УРОКЪ

ЛЮБВИ И СЛАВЫ.

ВОЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ.

ПЕРВЫЙ УРОКЪ

ЛЮБВИ И СЛАВЫ.

Ничто такъ сильно не врѣзывается въ память и ничто такъ на долго не остаётся въ ней, какъ первое впечатлѣніе какого бы то ни было чувства. Скажите мнѣ, господа, забудеть ли кто изъ васъ до конца жизни первую вашу радость, первую любовь, первый страхъ?... Что касается до меня, я ни-

когда не забуду перваго моего сраженія, первой любви, или по крайней мѣрѣ первой мечпы о томъ, что я влюбленъ и любимъ; — даже не забуду и той радостной минушы, когда я въ первый разъ надѣлъ офицерскій мундиръ. Послѣ, я былъ, можешь спашься, въ тридцати сраженіяхъ, былъ, по привычкѣ военныхъ людей, разъ двадцать влюбленъ, и вѣрно, во все время службы моей, нѣсколько тысячъ разъ надѣвалъ мой мундиръ; но ни эпопъ нарядъ, ни страхъ смерти, ни всѣ прелести славы и любви не заспавляли ужь такъ сильно препепашь мое сердце. Эполешы мои приглядѣлись мнѣ; къ свиспу пуль я прислушался; слава война казалась мнѣ ничѣмъ другимъ, какъ пороховымъ дымомъ; любовь минушной прихотью сердца. Мнѣ жаль только, что двѣ послѣднія вещи разочаровали меня слишкомъ скоро. Вопъ какъ это случилось:

Я былъ очень молоденькимъ и доволь-

но красивымъ мальчикомъ, когда, въ началѣ 1814 года, меня выпустили изъ Корпуса прапорщикомъ въ *** гренадерскій полкъ. Мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ, и я былъ, говорю, довольно красивъ собой, т. е. такъ красивъ, какъ можешь быть восемнадцати лѣтній мальчикъ, высокій ростомъ, довольно спортивный, хотя и не совсемъ еще сложившійся, съ большими свѣтлыми, голубыми глазами, съ румянымъ, свѣжимъ цвѣтомъ лица. Я могъ бы еще сказать: съ бѣлокурыми локонами,—но локоны мои въ то время были осприжены подъ гребенку, и это, разумѣется, не прибавляло мнѣ красоты. Не смотря однакожь на то, когда я приспегнулъ на плеча эполеты, ясные какъ жарь, перешагнулъ новенькимъ шарфомъ свой тонкій спанъ и накрылъ киверомъ, съ офицерской кокардой, мою плохо осприженную голову, мнѣ казалось, что лучше меня нѣтъ человека, если не въ цѣломъ свѣтѣ, то по крайней мѣрѣ въ цѣломъ Пестербургѣ. Въ тогдѣ

день, когда мнѣ должно было явиться въ Главный Штабъ, морозъ былъ лихой, но я и не подумалъ надѣсть шинель: можно ли было рѣшиться скрыть опъ глазъ другихъ всѣ мои блестящія украшенія, копорья дѣлали такой чудный эффектъ въ собсшвенныхъ моихъ глазахъ. Я пошелъ пѣшкомъ, въ одномъ мундирчикѣ; молодая кровь и чувство самодовольствія грѣли меня пуше лѣшняго солнца.

Изъ Штаба я прошелъ еще на Невскій проспектъ. Я останавливался передъ окнами каждаго магазина, но не для того, чшобы любоваться какими нибудь привлекательными вещицами, въ нихъ выспавленными, — скорѣй я думалъ, что изъ этихъ оконъ спанушь смопрѣшь на меня самого, какъ на вещь чрезвычайно привлекательную. Сверхъ того мнѣ пріятно было видѣть, какъ въ этихъ зеркальныхъ спеклахъ отражались: по свѣпмый эполетъ мой, по блестящій эфесъ моей шпаги, по серебряныя ки-

спи моего шарфа. Если я смотрѣлъ на людей, проходящихъ мимо меня, по смотрѣлъ для того только, чтобы увѣрился: спряпятъ ли на меня эти люди. Когда часовой въ первый разъ опдалъ мнѣ честь, мнѣ казалось, что я выросъ на цѣлый аршинъ. Гордо поднявъ голову вверхъ, я нарочно прохаживался мимо военныхъ пословъ. Если на меня взглядывалъ мужчина, я какъ будто не замѣчалъ этого вниманія, а между тѣмъ былъ очень доволенъ въ душѣ; если взглядывало хорошенькое личико женщины, я былъ еще довольнѣе, начиналъ охорашиваться, и думалъ «а га!»... Право, первый день офицерскаго мундира можно сравнить съ первымъ днемъ брака, — даже, если хопите, можно повесить это сравненіе еще дальше: что мундиръ надоѣдаетъ и что его очень хочется наконецъ замѣнить шлафрокомъ, — это я испыталъ по себѣ; что жена также надоѣдаетъ, какъ мундиръ, — это я слыхалъ отъ моихъ товарищей, хопя самъ и не былъ женатъ.

Не много однакожь мнѣ удалось сдѣлать такихъ пріятныхъ прогулокъ. Въ арміи были нужны офицеры, и меня поспѣшь же опсправили въ полкъ, который я долженъ былъ найти ужъ по пу спорону Рейна.

Я ѣхалъ скоро; я былъ молодъ, и пошому, проскакавъ черезъ всю Германію, я не успѣлъ сдѣлать ни ученыхъ, ни поэтическихъ наблюдений. Я замѣтилъ только, что выѣхавъ изъ Пепербурга по зимнему пути, дней черезъ десять я встрѣтился съ весною, а еще черезъ десять съ такимъ лѣпомъ, которое, у насъ на Сѣверѣ, не испортило бы и въ Іюнь. Разцвѣщающая Саксонія показалась мнѣ однимъ прелестнымъ садомъ, украшеннымъ, вмѣсто бесѣдокъ и пивильоновъ, красивыми городами. Въ самомъ дѣлѣ я проѣхалъ по ней такъ скоро, какъ будто прошелся по Лѣпному саду. Почти совершенно разцвѣтшіе берега Рейна успѣли плѣнить, очаровать меня своими

живописными видами, только на минуточку. Предметы такъ быстро смѣнялись передо мной, что я не успевалъ еще налюбоваться однимъ, какъ ужъ другой представлялся моимъ взорамъ. Знаете ли, опть чего я такъ поспѣшно лепеталъ къ моему полку? Меня влекли двѣ самыя могучія силы, какія только могутъ двигать человека: казенная надобность и собственная воля.

Случалось ли вамъ бываешь въ кругу молодыхъ Офицеровъ, когда имъ вдругъ объявляешь походъ и предрекуешь *кампанію*? Если нѣтъ, то вы никогда не будете въ силахъ представить себѣ, какое, чудное дѣйствіе производить на нихъ это магическое слово: *кампанія*, и какъ эпошъ молодой народъ начинаешь бѣсноваться опть этого слова!... Да, они почно бѣснуются, приходящъ въ восторгъ, въ изступленіе. Скачущъ, бѣгающъ изъ одного эскадрона, изъ одного батальона въ другой; обнимающъ, поз-

дравляюшъ другъ друга, вспрыскиваюшъ шампанскимъ будущіе лавры свои и своихъ поварницей. «Ура!» восклицаютъ они, и, не видя еще передъ собою враговъ, начинаютъ рубить закупоренныя бутылки. После, когда я былъ ужъ старый солдатъ, я видалъ нѣсколько разъ такую потѣху и всегда смѣялся въ душѣ надъ ранними храбрецами. «Посмотримъ, господа, думалъ я, такъ ли смѣло будете вы врубаться въ непріятельскую пѣхоту, какъ въ рядъ этихъ бутылокъ, и такъ ли будете свѣшмы и шоржешвенины ваши лица, когда вы услышите визгъ перваго ядра, пролетѣвшаго надъ вашею головою.» Но все это думалъ я, повпоряю оныиъ, ужъ сдѣлавшись старымъ солдатомъ; а въ то время, когда меня выпустили изъ Корпуса, я самъ былъ храбръ, какъ охотникъ, отъ котораго медвѣдь еще за версху. Слава союзныхъ войскъ, опгрянувшая во всѣхъ концахъ извѣснаго міра, оглушала меня, кружила мою голову чѹшь не до обморо-

ка. Сверхъ серебряной кокарды, я хоплъ прилъпишь еще къ моему новому офицерскому киверу хопъ одинъ лучъ, хопъ половинку луча эпой славы, — и когда мнѣ удалось попасъ прямо въ дѣйствующую армію, я не вѣрилъ моему счастью. Я заранѣе воображалъ, какъ возвращусь я на родину въ рядахъ воиновъ— побѣдителей, какъ буду рассказывать я моимъ роднымъ и знакомымъ о *нашихъ* подвигахъ, объ опасностяхъ, копорымъ мы подвергались. Я даже мечпалъ самъ, собспвенной моей особой, надѣлашь пьму славныхъ дѣлъ, преодолѣшь тысячу смерпей и опасностей. Придерживаясь пословицы: « плохой попъ солдашь, копорый не надѣется бышь генераломъ, » я далеко мѣшилъ. Я надѣялся ни больше, ни меньше, первый взлезъ на укрѣпленія Парижа и попомъ взяшь въ плѣнь самага Императора Французовъ. Къ моему несчастію, войска наши были ужъ черезчуръ далеко: имъ оставалось сдѣлашь только одинъ шагъ, чшобы все

кончипь, и я до смерти боялся прѣхатъ къ шапочному разбору. Эта-то боязнь опоздашь заставляла меня спѣшишь пуще казенной надобности, и не давала мнѣ времени обращатъ мое вниманіе ни на живописные виды, ни на красивые города, ни на что, кромѣ будущей моей славы, копорую я безпрестанно видѣль вдали. Я лептѣль прямо къ ней, не переводя духа.

Виноватъ однакожь: на пуши моемъ опъ Вислы до Рейна встрѣчались мнѣ иногда и шакія вещицы, на копорыя я, восемнадцати лѣтній герой, засмапривался съ большимъ любопытствомъ. Это были хорошенькія служаночки Нѣмецкихъ шракшировъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что эти скромныя, привлекашельныя Нѣмочки довольно ласковы къ людямъ военнымъ, что въ ту эпоху онѣ были особенно ласковы къ Русскимъ, какъ къ своимъ избавишелямъ. Но когда я проѣзжалъ черезъ Германію въ первый разъ, я былъ такой же новичокъ въ любви, какъ и въ

войнѣ, если еще не хуже. Не видавъ войны, я по крайней мѣрѣ ея не боялся; а каждый скромный взглядъ, каждый нѣсколько холодный отвѣтъ дѣвушки приводилъ меня въ спрашную робость, заспавлялъ считаць ее неприспунѣе 24 пушечной бапарей. Восхищаясь личиками хорошенькихъ *Гретхенъ* и *Лотхенъ*, ихъ голубыми глазками, ихъ нѣжнымъ цвѣпомъ лица, даже самымъ ихъ нарядомъ, напоминающимъ миленькихъ героинь *Августа Лафоншена*, я смопрѣлъ на нихъ, какъ на существа гораздо высшія своего званія, и, видя ихъ скромную, Нѣмецкую молчаливость, рѣшипельно заключалъ, что на покореніе сердца каждой такой дѣвушки попребно по крайней мѣрѣ полгода времени, да и по человѣку, копорый зналъ бы ихъ природный языкъ, какъ самъ Шиллеръ. А я, на бѣду мою, едва умѣлъ сказаць очень плохимъ, исковерканнымъ нарѣчіемъ *bringen sie mir Kaffe*. Иногда однакожь, покраснѣвъ до ушей, я осмѣливался пригласиць милую прислужницу,

приносившую мнѣ кофе, раздѣлишь со мной скудный мой завтракъ; но услышавъ въ отвѣтъ, послѣ самаго скромнаго книксеня: «ich danke Ihnen gehorsamst», или, что еще хуже, коропкое и опривисное: «ich danke for die Ehre», я ужь не рѣшался повпорять приглашенія. Искать какого нибудь другаго привѣщствія, но, не находя его, кусалъ губы съ досады; молча клалъ деньги на поднось, молча получалъ сдачу и молча уѣзжалъ далѣе, размышляя о томъ, какъ былъ бы счастливъ человекъ, удаспоившійся любви копорой нибудь изъ эпихъ нимфъ—въ фаршучкѣ и корсепѣ.

Такъ ѣхалъ я, и шакъ наконецъ приѣхалъ къ полку, какъ разъ наканунѣ дѣла подъ Р***. «Слава Богу! подумалъ я, услышавъ, что Наполеонъ еще живъ и свободенъ,—я не совсѣмъ опоздалъ.»

Полкъ нашъ споялъ на бивакахъ. Во-схищенный мыслію, что и я наконецъ могу

назвапсья наспоящимъ воиномъ, попому чпо, пакъ же какъ спарый солдапъ, буду лежашъ у бивачнаго огня и закуривашъ имъ мою трубку, я весело пошелъ являпсья къ полковому командиру. Полкомъ въ то время командовалъ спарый маіоръ. «Гдѣ же нашъ Полковникъ?» спросилъ я Полковаго адьюпанта, когда онъ приказывалъ проводипъ меня въ ропу.—У насъ нѣтъ Полковника съ Лейбцигскаго сраженія, опвѣчалъ адьюпантъ.—«А Подполковника развѣ пакже нѣтъ?»—Былъ одинъ, да убишъ прешьяго дня, — сказалъ адьюпантъ хладнокровно и съ нѣкопорьми разспановками, попому чпо въ то же самое время онъ опдавалъ приказанія въсповымъ и ординарцамъ.——Нашъ полкъ счаспливъ на эшо — прибавилъ онъ: нѣтъ сраженія, въ копоромъ бы мы не оставили двухъ или прехъ офицеровъ.

Опъ эшихъ словъ сердце мое, до пѣхъ поръ спокойное, какъ-шо чудно забилосъ,

пакъ, какъ бы я слушалъ какую нибудь спрашную сказку, опъ копорой волосы гошovy были сшапъ дыбомъ на моей головѣ. Невольное любопытство, начившее смѣшиваться съ темнымъ безпокойствомъ, влекло меня еще говорить съ Адьюпанпомъ; но онъ, какъ нарочно, остановился на самомъ занимательномъ для меня мѣстѣ, — на томъ, гдѣ, какъ казалось мнѣ, заключалось пророчество о моей собственной участи.... Адьюпанпу некогда было больше полковать со мной.

Проходя по линіи нашихъ шалашей къ моей ротѣ, я замѣтилъ на высотахъ, противуположныхъ нашей позиціи, еще курени бивакъ, копорые дымилась, какъ собки, выпянушыя въ длинную, безпрерывную цѣпь. «Это наши же биваки?» спросилъ я гренадера, меня проводившаго. — Непрительскіе, Ваше Благородіе, отвѣчалъ онъ. — Я невольно остановился. Эта близость непрителя, ко-

порой впрочемъ я долженъ былъ ожидать, зная, что полкъ нашъ находился въ авангардѣ, меня поразила. Нѣсколько минувъ взоръ мой былъ прикованъ къ ихъ линіи. Мнѣ было любопытно сморѣть на самый дымъ, закуренный людьми, угрожавшими мнѣ смертью. На вершинѣ одного холма, выдавашагося изъ линіи ближе къ намъ, я могъ даже различить, проливъ вечерней зари, черныя пѣни часовыхъ, расхаживающихъ взадъ и впередъ. Мнѣ казалось, что они берегутъ укрѣпленіе и прохаживаются вокругъ орудій. Сморѣвъ глазами распояніе, я очень хорошо разчелъ, что мнѣ споймо только на двѣсти шаговъ подашься впередъ для того, чтобы съ меня снесло голову рикошетомъ ядра или черепомъ гранаты. « Вы вѣрно не ходите въ эти кусы за грибами? » спросилъ я, указывая пуда и желая пошутить съ гренадеромъ на военный манеръ. — Вчера мы рубили пупъ хворостъ на шалаши, — отвѣчалъ гренадеръ. « Эге!

Спало , у эшихъ господъ на пригоркѣ
нѣтъ пушекъ?» — ЕСТЬ, Ваше Благо-
родіе. Они было и вздумали поугасть насъ,
да увидѣли , что поуспу прапашъ
порохъ: человекъ съ пяшокъ переколо-
пили, а намъ все не помѣшали рабо-
шашъ. — « Чорпъ возьми, подумалъ я,
видно эши люди сдѣлали къ ядрамъ ма-
ленькую привычку.»

Капитанъ мой былъ спарый, заслу-
женный воинъ, насквозь прокопченный
порохомъ, высокій роспомъ, съ смуг-
лымъ лицомъ и съ Георгіевскимъ кре-
спомъ въ пеплицѣ. Исполинскіе размѣры
его пѣла и воинственнаго фізіогномія
сдѣлали на меня такое впечатлѣніе, въ
первую минуту свиданія съ нимъ, что
я и теперь какъ будто гляжу на него.
Но не смотря на свою суровую наруж-
ность, эшотъ человекъ имѣлъ пре-
красное сердце, — настоящее военное сердце:
храброе, благородное, доброе. Теперь его
нѣтъ на свѣтѣ. Міръ праху его!...

Когда онъ вспалъ принять меня, я долженъ былъ вскинуть голову вверхъ, чтобы сморгнуть ему въ лицо. Выслушавъ мое форменное привѣспвіе, онъ какъ будто изъ снисхожденія нагнулся ко мнѣ. «Вы сами желали въ дѣйствующую армію?» спросилъ онъ такимъ голосомъ, копорый, не смотря на все стараніе Капитана смягчить его, заставилъ бы пряспись спекла, если бы онъ были въ шалашѣ. — Да, я просилъ этого, какъ милости, отвѣчалъ я съ маленькой гордостью и желая придать себѣ больше вѣсу. — «Вы славный молодой человекъ, сказалъ Капитанъ, улыбувшись и потрепавъ меня по плечу; намъ нужны такіе товарищи.» Это привѣспвіе больше походило на то, какимъ учитель хочеть пошшишь школьника чѣмъ на привѣспвіе наспоющее; но оно такъ шло къ виду, къ лѣпамъ, къ креспу Капитана, что я не могъ имъ обидѣться. Я только думалъ, глядя на него «Если въ дѣлѣ я всегда буду вмѣспѣ съ

моимъ Капитаномъ, по ужь вѣрно онъ скорѣе возьмешъ въ плѣнъ Наполеона, чѣмъ я.» Эпопъ человекъ, казалось, былъ созданъ на то, чшобы командовать и идти впереди.

Капитанъ пригласилъ меня напишья его походнаго чаю. У него было еще пять или шесть офицеровъ нашего полка, и мы усѣлись передъ огнемъ, пошому что вечеръ былъ сыръ и прохладенъ. Я былъ новичекъ между моими товарищами, и опъ шого немножко дичился ихъ. Я помнилъ, что въ Корпусъ любили шупишь надъ новичками; предполагалъ, что, можешъ бышь, и здѣсь вздумаютъ меня попробовать, и вовсе не хопѣлъ на первомъ шагу попашъ въ исторію, которая, по моему мнѣнію, непременно должна была послѣдовать за первой колкой шупкой, обращенной на меня. Я ужь думалъ, какъ бы я спалъ опвѣчашъ и какъ бы горячо принялъ, со-

образно моему новому званію, каждую дерзоспъ. Но опасенія мои кончились однѣми мечтами: опъ того ли, что частая встрѣча съ опасностями дѣла-етъ людей больше спепенными и дружелюбными; опъ того ли, что я въ самомъ дѣлѣ попалъ въ кругъ добрыхъ поварищей, а не школьниковъ, — только ни одинъ изъ нихъ, въ цѣлый вечеръ, и не подумалъ уколотъ мое, еще слишкомъ кадетское просподушіе и неопыт-носпъ ни язвительнымъ словомъ, ни на-смѣшливымъ взглядомъ. Правда, они были веселы: они много смѣялись, припоми-ная — по военные проказы свои, по чье нибудь крипическое и вмѣспъ забавное положеніе въ помъ или другомъ мѣспъ, въ помъ или другомъ дѣлѣ; но ихъ смѣхъ опзывался одной чистой весе-лоспью, безъ примѣси желчи, ихъ шу-пки были забавны, безъ обиды другому И это, замѣтите, опличительная черта Русскихъ офицеровъ: Французы, подъ непріятельскими пушками, часто рѣ-

жушся другъ съ другомъ, Русскіе—поль-
ко смѣются.

Земляки мои спрашивали меня о родинѣ, копорую они оставили такъ давно и копорую я видѣлъ еще такъ не давно. Можеть бытъ и это придавало ужь мнѣ нѣкопорую цѣну въ ихъ глазахъ. Вкругъ бивачнаго огня знакомства составляющія также поспѣшно, какъ изжаривается на немъ солдапскій бишопъ. Черезъ полчаса я ужь словно въкъ жилъ съ моими поварищами, и за ихъ военные рассказы щедро расплачивался рассказами о Россіи и Петербургѣ. Выкуривъ двѣ или три трубки и набивая четвертую, я очень храбро спросилъ моего Капитана. «А что, Капитанъ, скоро ли можемъ мы ожидать сраженія?» — Даже въ самую эту минушу, если вамъ угодно,—опвѣчалъ Капитанъ: непріятель такъ близко отъ насъ, что ему очень не долго пожаловать къ намъ въ гости, — Капитанъ не успѣлъ еще

договорить эгихъ словъ, какъ вдругъ раздался громъ барабана.... Я вздрогнулъ.... «Эпо заря,» сказалъ Капишанъ, приспально взглянувъ на меня. — А камрадъ (*) вѣрно подумалъ, что ужъ эпо превога, подхватилъ другой офицеръ, засмѣявшись и ударивъ меня по плечу.—«Нѣпъ, опвѣчалъ я, спараясь какъ можно скорѣе оправиться опъ моего минушнаго испуга, я полько подумалъ, что меня ошпрафуюпъ кашей за то, что я опоздалъ къ зарѣ.» Эпопъ шушочный оборопъ, очень кспапи напомнившій, что я еще слишкомъ не давно изъ Корпуса, славно защишилъ меня опъ насмѣшекъ. Всъ расхохопались, и на меня ужъ смопрѣли, какъ на ропнаго оспряка.

Однакожъ фальшивый испугъ мой былъ какъ бы нѣкопорымъ предчувспвиемъ.

(*) Въ компанію 1812 года, эпо слово вошло въ большое употребленіе между нашими офицерами и солдатами.

Мы еще сидѣли у Капитана и весело разговаривали, когда получили приказъ: въ полночь сняться съ бивакъ и бышь гошовыми къ движенію. «Ага, сказалъ Капитанъ, это значить, что пора къ буркамъ; часикъ соснушь, а попомъ и за дѣло. Господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ своей роты, въ 11 часовъ чшобы всѣ люди были ужъ на ногахъ. Вы, Г. Поручикъ, сдайте одинъ изъ вашихъ взводовъ Г-ну (онъ указалъ на меня); однакожь посмоприпе и сами за его командой: онъ еще слишкомъ не опытенъ. Спокойной ночи, господа.» Всѣ разошлись, въ самомъ дѣлѣ довольно спокойно и съ швердымъ намѣреніемъ спать. Я былъ встревоженъ и заранѣе чувшвовалъ, что глаза мои не сомкнушся.

Никто еще не зналъ, куда поидемъ мы; но всѣ были увѣрены, что на встрѣчу къ Французамъ, а не прочь опъ нихъ. Людямъ было спрого приказано осмопръшь замки и кремни. Мысль о томъ,

что, можетъ быть, не дальше, какъ завтра я превращусь въ безчувственный трупъ, жала мнѣ сердце. Я утѣшалъ себя всѣми философскими доводами, какими только можно утѣшаться въ подобномъ случаѣ: я говорилъ себѣ, что опредѣленія нигдѣ не избѣгнешь, что смерть същестъ точно также въ поспелѣ, какъ и въ сраженіи; повсюду двадцать разъ пословицу: «кому быть повѣшеннымъ, погнѣ не утѣнешь»; но съ тѣмъ вмѣстѣ я думалъ опять, что еслибъ не было Бородинскаго или Лейпцигскаго сраженія, то вѣрно столько тысячъ людей не погибло бы въ одинъ день. Я воображалъ, какъ около меня будутъ лежать груды раненыхъ и мерпвыхъ; какъ, спасся можетъ, самъ я буду валяться съ опорванной рукой или ногой, съ разбитымъ членами... Холодный потъ просупалъ по мнѣ, лихорадочная дрожь пробѣгала по моему тѣлу. И между тѣмъ другіе, вокругъ меня, спали глубокимъ, какъ будто какимъ-то

предсмертнымъ сномъ. После я самъ испыталъ, что никогда такъ крѣпко не спится, какъ передъ сраженіемъ. Можешь быть, опъ того, что не лзя же безпрестанно думать объ одной смерти,—а думать о чемъ нибудь другомъ въ такую минушу не хочется. Полководцы не входятъ въ эту категорію: они дальше опъ личной опасности, чѣмъ проспой солдатъ, и ближе къ суешамъ міра, п. е. къ поржеству побѣды, или спыду пораженія;—имъ не лзя не бодрспвовашь.

Въ эту ночь я, и не бывъ полководцемъ, не могъ однакожь заснуть. Впечатлѣнія, испытываемыя мной опъ ожиданія битвы, были для меня слишкомъ новы; срокъ нашего отдыха былъ слишкомъ коротокъ для того, чтообы всѣ эти впечатлѣнія успѣли пройши по моимъ чувспвамъ и мыслямъ. Я былъ погруженъ не въ сонъ, а въ какой-то тяжкій, прерывистый бредъ, когда лагерь нашъ пробудился.

Въ полночь мы выспроились, спараясь дѣлать какъ можно меньше шуму. Полковой командиръ проѣхалъ передъ нашими рядами. Намъ пихо скомандовали: «Съ права по шести, маршь,» — и мы въ глубокомъ молчаніи пошли вольнымъ шагомъ, оставивъ наши бивачные огни на произволь въпра. Намъ спало извѣстно, что корпусу нашему велѣно напасть на Р***, и что мы обходимъ непріятельскую позицію, копорая была слишкомъ крѣпка пропивъ насъ. Тишина и паниспвенность, съ копорыми шли мы, посреди глубокой ночи, придавала нашему походу что-то грознопоржественное. Передъ разсвѣпомъ насъ остановили: казаки наши опкрыли непріятели. Видно было, что Французы замѣпили наше движеніе и не хотѣли намъ дать напасть на себя въ распахъ.

Когда разсвѣло, передъ нами опкрылась карпина чудесная. На обширной равнинѣ, поверхность копорой кое гдѣ

поднималась не большими возвышеніями, и, мѣстами, была покрыта кустарникомъ, показался Р*** съ своими гопическими церквами и башнями, съ своими аспидными и черепичными кровлями, отражающими блескъ первыхъ лучей восходящаго солнца. Ближе къ намъ, по равнинѣ, шянулись, спроились, и мѣстами, спояли квадрапами, будпо соспавленными изъ одной массы, Французскія коллоны. Справа и слѣва подвигались къ намъ наши войска. Земля гудѣла опъ колесъ арпиллеріи и опъ попоша кавалерійскихъ полковъ: словно глухой, опдаленный рокопъ земляпрясенія перекапывался подъ ней. И всѣ эпи коллоны, оперенныя шпыками; всѣ эпи красивыя кавалерійскіе полки, сверкающіе пиками; всѣ эпи массы людей, и наши и непріятельскія, двигались будпо по одной воли, по одной едиоодушнот мьсли: всѣ они сближались къ одному ценпру. Я никакъ не могъ увѣришь себя, чпобы эпа живая, велико-

лѣпная картина, рисующаяся на свѣпломъ, безоблачномъ небѣ, въ понкихъ, прозрачныхъ парахъ весеняго упра, могла запяпнапсья кровью. Я смопрѣлъ на движеніе войскъ, какъ на красивый парадъ. Мнѣ казалось, что въ шакое ясное упро люди не могупть думапть ни о чемъ, кромѣ жизни и наслажденія...

Вдругъ, въ куспахъ, впереди нашей цѣпи вспыхнулъ дымокъ,—въ одномъ, въ другомъ, въ прерпьемъ мѣспѣ... Я шогда шолько понялъ, чшó это значипть, когда гулъ выспрѣловъ покапился дробью. Это были Французскіе спрѣлки. Забравшись въ кустарникъ, они опкрыли огонь, не дождавшись нашего нападенія.

Надобно было выслапть спрѣлковъ съ нашей спороны. Кликнули охопниковъ. Я вышелъ. Не скажу, чшобы въ эту минушу я слишкомъ искрено желалъ пошастъ въ спрѣлки, но самолюбіе заглу-

шало всѣ другія чувства мои и насильно толкало меня впередъ. Мнѣ казалось, что я долженъ умереть опъ спыда, если не опкликнусь на эпошъ зовъ. «Оспаньшесь, сказалъ мнѣ дружески Капитанъ; вы еще слишкомъ новы для эпого дѣла.» — Я умѣю спрѣляшь въ цѣль, Капитанъ, сказалъ я довольно рѣшительно. — «Очень вѣрю; но кромѣ умѣнья спрѣляшь, шупъ еще нужна маленькая ловкость и опышность. Вы можете погибнуть сами безъ всякой необходимости, и можете погубить людей, ввѣренныхъ вамъ.» Я оспался, очень довольный собой, и, мнѣ кажется, еще больше довольный моимъ Капитаномъ. Черезъ нѣсколько минушъ по всей линіи загорѣлся сильный ружейный огонь. Эпо была только прелюдія къ грозной симфоніи, копорую собирались разыгрывать пушки.

Французы скоро были выбиты изъ куспарника сильнымъ напискомъ нашихъ

войскъ Не смотря на то, они не хопѣли уступитъ даромъ ни одного шагу земли. Казалось, они старались удержи-вать насъ для того только, чпобы дать время—или подойти какимъ ни-будь своимъ резервамъ, или по крайней мѣрѣ привестъ въ лучшее оборонитель-ное соспояніе городъ и нѣкопорыя вы-сопы, къ нему прилегающія. И надобно отдать справедливость, что солдаты Наполеона дрались чорповски хорошо. Пока мы стояли на мѣстѣ, все проспранство, на которомъ завязался бой, было открыто передъ нами, какъ на ла-дони. Я видѣлъ и слышалъ, какъ эпошь бой съ каждой минутой разгорался силь-нѣе; какъ къ часнымъ перекашамъ ру-жейныхъ выстрѣловъ приспалъ нако-нецъ хоръ легкихъ орудій, выдвинутыхъ впередъ съ той и другой стороны; какъ картечь начала каситъ людей, сло-вно соломѹ. Спрашно было смотрѣть, какъ люди убываютъ, исчезаютъ въ ря-дахъ, какъ на мѣсто ихъ спановящся

другіе — и опяпъ исчезающъ. Люпоспъ смерпи возраспала по м'бр' жерпв' ея, безпреспанно прибывающихъ. Скоро однакожъ все поле сраженія задернулось густой зав'сой дыма, и шолько по временамъ, когда в'шперъ разрывалъ ее и разносилъ облаками, изъ-подъ нихъ кое гд' просв'чивались часпи карпины. Французскіе солдапы опспупали медленно, хладнокровно, шагъ за шагомъ; ихъ конная аршиллерія репировалось, опспр'вливаясь черезъ орудіе, какъ на маневрахъ. Мы спояли вн' выпр'ловъ непріятельскихъ. Только изр'дка какое нибудь опчаянное ядро грозило намъ своимъ свиспомъ, но и шупъ насъ спасала высота м'сипа и куспарникъ: оно падало, не долетая до насъ и, какъ будшо раздраженное ш'мъ, чшо не сд'лало намъ никакого вреда, сердшо буравило землю, вырывало съ корнемъ кусты и швыряло въ насъ ихъ обломками. Наконецъ выпр'блы прим'пно сд'лались р'же; Французы спали опспупапъ посп'шн'е, и намъ скоман-

давали идти впередъ, для прикрытія нашей передовой линіи, которая безпре-
спанно опъ насъ удалялась. Тупъ ужъ
я не могъ больше ничего видѣть, кро-
мъ того, что происходило собственно
вкругъ меня. Изъ зрѣтеля я сдѣлался
самъ дѣйствующимъ лицомъ.

Мы шли скорымъ шагомъ по трупамъ убитыхъ, между раненыхъ и умирающихъ. Картина смерти, которую до
тѣхъ поръ я видѣлъ только издалека и
объ ужасахъ которой могъ прежде
только воображать, представилась мнѣ
со всеми своими страшными подробно-
стями, — и представилась гораздо ужа-
снѣе, чѣмъ могъ я вообразить когда ни-
будь. Эти холодныя, обезображенныя
лица, на которыхъ сохранялся еще оп-
печатакъ смертной тоски; эти опор-
ванные, окровавленные члены, такъ не
давно еще здоровые, полные силъ, на-
водили на меня опчаяніе. Эти жалобные
крики спрдаальцевъ разрывали пополамъ

мое сердце. И между пѣмъ мы все шли впередъ не внимая крикамъ раненыхъ, не забошясь о ихъ спраданіяхъ; наше дѣло было сражаться, а не помогать имъ;— для этого сзади насъ были другіе люди. Полковой командиръ безпре-спанно приказывалъ намъ прибавлять шагъ.

— Полковникъ,—сказалъ мой Капипанъ, когда Полковой командиръ подѣхалъ къ намъ,—вы напрасно спѣшите. Мы всегда можемъ посиѣть во время, если будетъ въ насъ надобность; а теперь прикажите лучше укоротить шагъ.

« Это для чего? спросилъ онъ. Не хотите ли вы меня учить, Капипанъ? »

— Пѣшь; а считаю не лишнимъ замѣнить, что эта высота противъ насъ, которая такъ подозрительно загромождена людьми и еще, чортъ знаетъ, какимъ скарбомъ, вовсе мнѣ не вра-

випись. Мнѣ кажется, Французы нарочно подводящъ насъ подъ нее.

«Успраха всегда глаза велики, сказалъ Маіоръ, командовавшій нашимъ полкомъ, съ презрительною улыбкою. Я до сихъ поръ вижу только, что намъ спыдно будещъ опспавашъ опъ другихъ. Прибавъ шагу! повпорилъ онъ опашъ. Смѣлѣй! хорошенько равняшся!»

— Посмотримъ, какъ то мы будемъ равняшся черезъ десятъ минутъ, — проворчалъ Капитанъ сквозъ зубы.

Командиръ нашего полка былъ молодой офицеръ, получившій свой чинъ переходомъ изъ гвардіи. Не имѣя опытноспи спараго воина и вмѣспѣ желая показашъ, что ему нѣшъ надобноспи ни въ чьихъ совѣтахъ, онъ съ пренебреженіемъ посмопрѣлъ на Капитана и гордо повъхалъ прочъ; но не успѣлъ онъ довѣхашъ до другаго фланга полка, не успѣли мы

пройди еще двадцати шаговъ , какъ вдругъ на высотѣ, о которой говорилъ Капишанъ, за клубилось цѣлое облако дыму, и ядро съ свисомъ пронеслось надъ нашими головами; за этимъ облакомъ поднялось другое, за первымъ выстрѣломъ грянулъ второй, прешій... На высотѣ въ самомъ дѣлѣ построилась батарея, которая, надевъ на себя наши гуспыя колоны, открыла огонь. Ядра и гранаты посыпались на насъ градомъ. Насъ оспановили. Мы не смѣли пронуться ни взадъ ни впередъ, и между тѣмъ насъ било черепьями гранатъ, било ядрами, било воздухомъ эпихъ ядеръ. Полковникъ нашъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Онъ поперялся, не зная, что дѣлать, но онъ былъ впереди и старался ободрять насъ.

Не знаю положенія ужаснѣе того, въ какомъ мы тогда находились. Человѣкъ можешь взглянуть на опасность лицомъ къ лицу, но онъ можешь смѣло

посмотрѣшь ей въ глаза только одну минушу, — попомъ онъ долженъ или бѣжать опъ нее, или лезть ей на встрѣчу. Дѣшельность физическая и надежда или *просто спастись* или *преодолеть и спастись* для него тогда необходимы. Опъ того-то ничего нѣтъ спрашиве для солдата, какъ споять подъ ядрами безъ всякаго дѣйствія. Видѣшь опасность и не смѣшь ни приблизится къ ней, ни уйи опъ нее; видѣшь смерть поварищей и не имѣшь возможности ни предохранить себя, ни опмспить за нихъ — ужасно!... Люди наши, такъ недавно еще бодрые и веселые, оробѣли, пришли въ уныніе, и съ недовѣрчивостью, съ шайнымъ ропотомъ поглядывали на своего командира. Я въ душѣ шворилъ молитву и съ каждой минушой ждалъ конца. Мнѣ кажется, я былъ тогда очень похожъ на молодую лошадь, которую обспрѣдываютъ: всѣ члены мои трепетали, я не зналъ, что дѣлашь мнѣ, куда мнѣ дѣвашься, гдѣ искать спасенія. Орудія гре-

мѣли противъ насъ все свирѣѣе и чаще; чугунный градъ, копорый мепали они съ безпреспанно возрастающею люшосью, съ каждой минушой спановилъ для насъ губишельнѣе. Онъ вырѣзываетъ широкія борозды въ нашихъ коллонахъ; цѣлые ряды людей валлись опъ него, какъ былинки опъ урагана. Наконецъ, когда меня обдало кровью и мозгомъ убишаго подлѣ меня челоувка, мнѣ чуть чуть не сдѣмалось дурно. Однакожь я кое какъ перемагъ себя, и съ груспной усмѣшкой обрапился къ моему Капипану, копорый подслелъ ко мнѣ въ эту минушу: «Какъ вы думаеше, Капипанъ, спросилъ я шихо и опирая себѣ лице, много ли насъ оспанешся, если мы постоиимъ здѣсь еше чепверть часа?» — Всѣ оспанушся, кому не опре- дѣлено умерешъ, — опвѣчалъ онъ.

Къ счасшю, Генераль, командовавший нашимъ опрядомъ, скоро замѣшилъ наше невыгодное положеніе. Къ намъ

прискакалъ адьюпантъ. Намъ приказано было сбѣжать немножко впередъ, въ лощину, копорая могла насъ прикрышь опъ убійственнаго огня; попомъ пой же лощиной идти на бапарею и взять ее. Съ крикомъ радости бросились мы къ мѣсту нашего спасенія.

Съ чепверть часа мы спояли спокойно. На правомъ флангѣ у насъ грянула канонада нашей аршилеріи, начавшей обспрѣливать непріятельскую бапарею; земля застонала опъ грознаго спора орудій. Не дѣлая другъ другу большаго вреда, они только перебранивались между собой, дразнили другъ друга, взаимно выманивали выспрѣлы. Наконецъ одна, хорошо брошенная чиненка, взорвала у Французовъ пороховой ящикъ. Это было для насъ сигналомъ къ приступу.

На приступъ былъ назначенъ одинъ бошальонъ; два другіе покамѣстѣ должны были только прикрывать его и

служить ему подкрѣпленіемъ, въ случаѣ надобности. Спрашный жребій выдержавъ первый огонь палъ на насъ. За полчаса назадъ былъ убитъ батальонный командиръ нашъ. Капитанъ мой, какъ старшій по немъ, заступилъ его мѣсто,—и чуть ли это сдѣлалось не къ лучшему, потому что никто изъ насъ не пошелъ бы такъ смѣло за прежнимъ начальникомъ, какъ пошли мы за новымъ. Его испытанная храбрость, его опытность, самая его осанка и голосъ — все увлекало за нимъ, все вселяло къ нему довѣренность. Право, командиромъ надобно родиться, точно такъ же, какъ надобно родиться поэтомъ.

Когда мы двинулись къ батарее, она вдругъ смолкла и переспала опвѣчавъ на выстрѣлы нашихъ орудій. Какъ чудовище, завидѣвъ приближающагося врага, она припихла и припанлась: она ждала насъ ближе къ себѣ, чтобы потомъ разразить однимъ ударомъ. И эпошь

припворный сонъ дракона, гоповаго изрыгнуть смерть изъ своихъ челюстей, былъ спрашенъ, какъ пишина моря передъ бурей. Мы знали, что эша буря должна будетъ разразиться на насъ, но мы приближались къ ней. пвердымъ и ровнымъ шагомъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, мы шли, а не спояли, какъ прежде. Лица нашихъ гренадеровъ были блѣдны, но холодны и безчувственны, какъ лица мраморныхъ статуй.

— Ребята, — говорилъ Капитанъ, который велъ насъ, — когда подъ Бородинымъ одинъ изъ Французскихъ полковъ шелъ на нашу батарею, Князь Баграціонъ захопалъ ему и закричалъ: «браво!» Такъ молодецки шелъ эшопъ полкъ подъ картечью. Пусть теперь Французы лобуются нами. Неужто мы, Русскіе, больше боимся смерти и не умѣемъ пройти такъ, какъ они? — Эши слова, сказанныя очень кспати, удивительно какъ подстрекнули мужество нашихъ солдатъ.

Каждый изъ нихъ видѣлъ въ себѣ актера спрашной, кровавой драммы, на которую обращены глаза цѣлаго корпуса; каждый спарался выполнить свою роль сколько возможно лучше, и гордо озирался вокругъ,

Не смотря на то, когда мы спали выходить изъ лощины и приблизились къ батареѣ на карпечный выспрѣлъ, намъ велѣли надвинуть кивера на глаза: жерла пушекъ, наведенныхъ прямо на насъ, слишкомъ грозно зіяли сквозь понкій, синевашый дымокъ, еще плавающій надъ батареей; подлѣ каждой пушки споялъ человекъ съ фишилемъ, сыплющимъ искры. Эта картина могла заставить запрепачать самаго безспрашнаго. Когда взоры наши были заслонены отъ нее, намъ спало какъ-то легче и свободнѣе идти впередъ. Черезъ минупу однакожъ невольное любопытство заставило меня опять приподнять глаза и — въ то же мгновеніе я закрылъ

ихъ и опшашнулся: передъ нами вспыхнулъ цѣлый Везувій дыму, огня, молніи; вмѣспѣ съ эшимъ взрывомъ раздался оглушительный громъ и прескъ, за копорымъ слѣдовали вопль и споны.... Передо мной, за мной, подлѣ меня все было мертво, убито, изуродавано,—но я былъ еще живъ. Я чувствоваль это пошому, что, посреди споновъ и воплей, я могъ еще разслышашъ громовой голосъ моего Капитана. Крикнувъ « ура! » онъ первый бросился на бапарею, и все, что только оспалось у насъ живаго, все, что могло еще бѣжашъ, понеслось за нимъ съ громкимъ крикомъ. Я самъ кричалъ, какъ безумный и махаль саблей во все стороны. Въ насъ еще спрѣляли; но удары были ужъ слабѣе и не шакъ убійственны. Кажется, быспропа нашего нападенія смѣшала канонеровъ, и густой дымъ мѣшаль имъ дѣйствовашъ. Черезъ пять минутъ орудія совсѣмъ смолкли;—мы были на бапаревъ.... Больше я ничего не помню. Ошъ чрезмѣрна-

го напряженія силъ и жестокаго внутренняго волненія, кровь хлынула у меня носомъ; — я упалъ безъ чувствъ подлѣ первой пушки, копорую взяли мы, опбивъ прочь людей, ее защищавшихъ.

« Вы славно дрались для перваго раза » сказалъ мнѣ Капитанъ, когда я пришелъ въ себя. Чпо я кричалъ, эпо я могъ припомнишь по шому, чпо я охрипъ; чпо я рубилъ, или лучше сказать, махалъ моей саблей, — эпо я также могъ чувспивовашъ по шому, чпо мнѣ было больно руку. Сабля моя была въ крови. Кого я ранилъ или убилъ — эшого я не знаю. Мнѣ дали немного водки, и черезъ полчаса я могъ спояшь на ногахъ. Я былъ цѣлъ и не вредимъ, только киверъ мой былъ проспрѣленъ пулею. Подлѣ меня дѣлали операцію нашему Поручику, копорому каршечь раздробила ногу. Я содрогнулся и спѣшилъ уйши прочь.

Сцена бипвы оподвинулась далеко

впередъ. Поперявъ свою главную бапарею, оспановившую на нѣсколько времени успѣхъ нашъ, Французы были впишнупы въ городское предмѣстіе. Мѣстами наша легкая кавалерія преслѣдовала еще репирующіеся опряды. Внутри города ревѣли орудія и надъ нимъ клубился дымъ. Не знаю, какъ дрались шамъ: мы опдыхали; для насъ было довольно и того, что мы сдѣлали. Знаю только, что войска наши ворвались въ городъ со всѣхъ споронъ, какъ весною врывающа въ озеро попоки ручьевъ. Въ полдень городъ былъ ужъ совершенно опченъ; мы вошли въ него побѣдипелями.

Я считалъ себя однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ эпого торжества. Мнѣ казалось, что у меня написано на лбу: «онъ бралъ бапарею и прокладывалъ дорогу сюда.» Я гордо поправлялъ мой проспрѣленный киверъ и съ самодовольнымъ видомъ посмапиривалъ на жителей. Торжество наше было пѣмъ

полнѣе, что жилили, не слишкомъ преданные Наполеону, принимали насъ, какъ гостей. Мы разположились славно отдохнуть на спокойныхъ и изобильныхъ кварширахъ.

Вамъ, я думаю, извѣстно, какъ спрого было приказано въ союзныхъ арміяхъ не дѣлать никакого вреда Французскому народу. Но не смотря на эпошъ приказъ и спрогошъ дисциплины, не смотря на самое радушіе жителей, въ городѣ, который былъ взятъ съ бою, не могло обойтись безъ маленькихъ безпорядковъ и насилія. Пользуясь смяпеніемъ, не совсѣмъ еще утихшимъ, нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ разсыпались по домамъ и спѣшили, какъ говорится, половить въ мупной водѣ рыбы. Входя въ домъ, назначенный для моей кваршеры, я услышалъ крики и плачь; это были женскіе голоса, просящіе поощады, по помощи. Въ одной изъ отданныхъ комнашь, куда я бросился на

эпопъ шумъ, спарикъ, съдой какъ лунь, съ длинными, развѣвающимися по плечамъ волосами, и двѣ молоденькія, прелесныя дѣвушки, — всѣ чуть живыя опъ спрахъ, сполпились въ углу. Передъ ними споялъ гренадеръ въ самомъ грозномъ положеніи и гошовый ударилъ занесеннымъ прикладомъ ружья перваго, кпо бы вздумалъ пронуся съ мѣспа. Между шѣмъ другой гренадеръ забиралъ лучшія вещи въ комнапъ и раскальвалъ шпыкомъ какую-то шкапулку. Увидѣвъ меня, женщины не знали, замолчатъ ли имъ, или кричатъ еще громче. Спарикъ оспавался все въ шомъ же положеніи: набожно сложивъ руки и безмолвно успремивъ взоръ въ небеса; солдапамъ, казалось, очень не хопѣлось разспатѣся съ своей добычей; они косо и грубо посмапривали на меня. Два ловкіе удара фукшелемъ живо привели ихъ въ повиновеніе. «Вонъ, бездѣльники! крикнулъ я, если сей часъ же не хопите быпъ разспрѣляны.» Грабиспели удалились, не

сказавъ ни слова; спарикъ упалъ на колѣни и благодарилъ Бога; дѣвушки бросились къ моимъ ногамъ. Я былъ веселъ вдвойнѣ: какъ побѣдитель и избавитель *красоты и невинности*.

Спарикъ, хозяинъ моей квартиры, былъ заживочный фабрикантъ. Одна изъ дѣвушекъ, красивая, живая, огненная брѳонешка, была дочь его; другая томная, исполненная нѣги, привлекательная какъ весенній цвѣпокъ, блондиночка,—его племянница. Всѣ они приняли меня, какъ роднаго, всѣ благодарили меня опъ чистаго сердца. Но всего больше была прїятна мнѣ, увлекала, радовала, восхищала меня благодарность блондиночки Леонпины. Она говорила, что опца ея шеперь нѣшъ въ городѣ; что услышавъ о приближеніи нашихъ войскъ, она боялась оспаться одна въ домѣ и, собравъ всѣ свои лучшія вещи, прибѣжала съ ними къ дядѣ; что здѣсь наконецъ я спасъ маленькое ея имущество,

вырвавъ изъ рукъ наглецовъ шкапулку, въ которой оно находилось. Эпи слова Леонпина говорила такимъ сладкимъ, серебрянымъ голоскомъ, чю онъ заставлялъ препепать мое сердце, какъ спруну, настроенную съ нимъ въ одинъ тонъ. Ея взоры, успремленные на меня, говорили еще больше.

Черезъ часъ я былъ на моей квартерѣ, какъ давнишній знакомецъ. Спарикъ подчивалъ меня лучшимъ виномъ своего погреба; Бапильда, дочь его, подала мнѣ кофе; Леонпина почпи не оставляла меня. Мнѣ опвели особую комнапу; но я не хопѣлъ шуда идпи и просилъ моихъ хозяевъ обѣдать вмѣстѣ со мной. Я вышелъ полько, чпобъ очиспишь съ себя грязь и пыль, немножко принарядишь къ обѣду и блеснушь передъ моими хорошенькими хозяйками новенькими эполешами, шщательо сбереженными въ моемъ ранцѣ. Ласковый спарикъ не зналъ какъ угоспишь меня; дѣвушки, казалось,

вовсе не стягопились моимъ присутствіемъ, а напрошивъ были очень довольны имъ. «Еслибъ мы знали, что все Русскіе такъ добры и любезны, говорили онъ, мы бы ни сколько ихъ не боялись.»

Обѣдъ былъ шуменъ и весель. По Французки я могъ обьяснятся гораздо свободнѣе, чѣмъ по Нѣмецки; сокъ винограда съ Эпернейскихъ высотъ еще больше развязалъ мнѣ языкъ. Я шушилъ съ моими хозяйками и увѣрялъ ихъ, что онъ очень похожи на двухъ моихъ сссперъ, осшавшихся въ Россіи. Онъ съ радостью принимали меня въ братья на все время, пока я пробуду у нихъ. Эпи вздоры чрезвычайно меня занимали. Спаріку между шѣмъ я рассказывалъ, какъ мы дрались, какъ я бралъ бапарею, какъ проспръблили мнѣ киверъ; Башильда слушала меня съ большимъ любопытствомъ, Леонтина съ такимъ спрахомъ и съ такимъ учаспіемъ, какъ будто она все еще боялась за мою жизнь.

Послѣ обѣда, когда хозяинъ мой пошелъ опкупоривать завѣшную бупылку десертнаго вина, а Бапильда побѣжала за кашпанами, мы съ Леонкиной опять оспались одни. « Мнѣ нечемъ васъ подчивать, сказала она; я сама здѣсь въ госпяхъ. Возмите, по крайней мѣрѣ, эпошъ букетъ въ знакъ моей благодарности и въ знакъ памяти обо мнѣ. » Она подала мнѣ букетъ левкоевъ. Я схватилъ его съ восхищеніемъ и поднесъ къ губамъ. Леонкина скромно опустила глаза. Послышался шорохъ тяжелыхъ шаговъ спарика ея дяди. Дѣвушка бросила на меня быспрый, значительный взглядъ. Я проворно спрячалъ букетъ на груди, подъ мундиромъ, — и она улыбнулась, какъ бы давая мнѣ чувсповать, что я ее понялъ. Я прочиталъ въ ея взорахъ, что эпошъ букетъ былъ данъ мнѣ, какъ залогъ чувспва, больше пылкаго, чѣмъ благодарность. Мнѣ казалось, что и она очень хорошо читаетъ въ моихъ глазахъ что-то такое, чего я еще не успѣлъ и не смѣлъ ей сказать

Вдругъ свѣпное личико Леонпины по-мрачилось облакомъ груспи. «Мнѣ надобно идпи домой и провѣдашь, чпò шамъ дѣлаешся,» сказала она, посмопрѣвъ на меня печально.—А далеко ли вашъ домъ?— «Довольно далеко, и я не знаю.... Я, право, боюсь идпи одна....» Я вызвался проводить ея. Казалось, она полько эшого и ожидала, попому чпо лице ея опять прояснилось.

Дорòгой мы мало говорили, но слишкомъ много смопрѣли другъ на друга. Я хопѣлъ сказашь Леонпинѣ, чпо я безъ ума опъ нея, хопѣлъ наговорипъ ей тысячу нѣжноспей — и не сказалъ ни одной. Она, казалось, ждала опъ меня именно шого, чпо я хопѣлъ говорипъ, и шоже была молчалива и разсѣянна. Такъ мы приблизились къ ея дому. «Дальше вамъ не лзя идпи, сказала она. Я не хочу, чпобы домашніе мои видѣли васъ со мной и сказали, чпо я принимаю Русскаго офицера....» Эпи слова ужаснули меня

шакъ, какъ будто я вовсе не предвидѣлъ, что мнѣ рано или поздно должно будетъ распашься съ моею спутницей. — Гдѣ же, какъ, когда мы увидимся? — спросилъ я въ отчаяніи. — «А развѣ вы хотѣли бы видѣть меня?» Я тогда не умѣлъ еще клясться ни черпями, ни бомбами; но я увѣрялъ ее со всею пылкостью, со всѣмъ чистосердечіемъ моего возраста, что я просто умру, если ее не увижу. «Въ самомъ дѣлѣ?» спрашивала Леонтина, какъ бы желая помучить меня подолѣе и насладиться моимъ мученіемъ. «Ужо, въ десятъ часовъ, сказала она наконецъ, приходите въ эту бесѣдку изъ акацій, копорую вы видите за рѣшеткой; калишка будетъ не заперта.» Все это проговорила она скоро, почти шопотомъ, не поднимая на меня глазъ, и попомъ — порхнула, какъ пшичка.

Боже мой! сколько сладостныхъ чувствъ испыталъ я въ этотъ день, слѣдовавшій за такимъ грознымъ уп-

ромъ!... Я спасся отъ смерти, которая была на вершокъ отъ меня; я торжествовалъ побѣду въ завоеванномъ городѣ; я покорилъ сердце дѣвушки, меня обворожившей! Мечты обо всемъ эпозомъ, особливо мечты о блаженствѣ, которое меня ожидало, уносили меня въ седьмое небо. Я былъ не въ состояніи ни осматривать достопамятностей города, ни думать о чемънибудь другомъ. Я хотѣлъ быть одинъ, хотѣлъ только мечтать о Леонтинѣ. Не желая уходить далеко отъ нея, я вошелъ въ первый попавшійся мнѣ прачиръ и, чтобы сократить какънибудь время, оснавшееся до минутой свиданія, велѣлъ подать себѣ вина. Этимъ я могъ еще кое какъ заняться.

Наконецъ желанная минута наступила. Съ сердцемъ, гошовымъ выпрыгнувъ отъ неперпнїя, съ неизъяснимо сладоспнымъ препепомъ во всемъ сущеснвѣ моемъ, опсорожно пробирался я, сквозь сумракъ вечера, къ дому Леонтины. Ужъ

я былъ въ той улицѣ, гдѣ жила она, ужъ приближался къ рѣшешкѣ, за копорой спояла бесѣдка, мнѣ указанная, — какъ вдругъ вдали грянулъ пушечный выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ, словно гулъ испанскаго водопада, покапился глухой, непрерывный ревъ орудій. Я осполбенѣлъ. Невольно выдернувъ мою саблю, я споялъ, еще на одномъ мѣспѣ, не зная, чего долженъ ожидать я и куда долженъ идти, когда по улицѣ промчалось нѣсколько Казаковъ съ крикомъ: «непріятель! непріятель!» Меня обдало холодомъ. Огонь, кипѣвшій въ жилахъ моихъ, превратился въ ледъ; эти крики, какъ вихрь, развѣяли всѣ мои надежды, всѣ золотыя мечты мои. Въмѣсто Леонтины я бросился къ моей рощѣ. Тревога раздалась по всему городу.

На дворѣ спановилось темно. На улицахъ сдѣлалось страшное смятеніе. Всѣ войска наши, бывшіе въ городѣ, спремались на зовъ барабана, къ однимъ изъ городскихыхъ ворошъ, къ копорымъ съ другой

спороны, изъ предмѣспія бѣжали дрѣгнувшіе и смятые наши передовые посты. Напрасно старались остановить бѣгущихъ. Они впоргались въ воропа, какъ быспрый попокъ лавы, сбивали, увлекали за собой все, что имъ встрѣчалось. «Здѣсь самъ Имперапоръ, самъ Наполеонъ, кричали они, и съ нимъ вся его артилерія и цѣлые легіоны полковъ!» Въ самомъ дѣлѣ, огромныя массы непріятельскихъ коллонъ приближались къ намъ шумно и быспро, какъ буря. Генераль С... думалъ еще защищать воропа. «Стой! кричалъ онъ; орудій сюда!» Около него начала собираться толпа; но другая, многочисленнѣйшая, толпа увлекла ее за собой. Всѣ усилія были тщешны. Насъ опрокинули превосходствомъ числа, и погнали вонъ изъ города. Это была наспоющая адская ночь. Сумапоха нашего отступленія, быспрый, шумный наспрь непріятели, съ крикомъ впоргнувшася въ городъ; крикъ и вопль испуганныхъ жителей,

дѣшей, женщинъ, не знавшихъ, чѣмъ кончился эта пошѣха и что съ ними будетъ—все это сливалось въ какой-то одинъ ужасный, продолжительный звукъ, очень похожій, какъ казалось мнѣ, на стenanія ада,—и похожій шѣмъ больше, что вся эта каршина страха, гибели, опчаянія, по временамъ освѣщалась только багровымъ опблескомъ выпрѣловъ. Мы бѣжали, сами не зная куда. Мы искали спасенія, — и всякую минушу боялись напшкнуться на какой нибудь Французскій опрядъ. Насъ гнали городомъ, преслѣдовали за городомъ. Наконецъ шемноша и топкая дорога спасли насъ. Французская кавалерія, сидѣвшая у насъ на плечахъ, поперяла нашъ слѣдъ. Топопъ ея переспалъ слышатся; — но мы все еще продолжали бѣжать. Намъ надобно было уйпи верспъ за 20, чтобы совершенно обезопасить себя.

Мракъ ночи еще больше увеличился опъ густыхъ плучъ и проливнаго дожда,

вдругъ хлынувшего ручьями. Мы шли, промочённые до костей и едва вышаскивая ноги изъ грязи. Когда явная опасность миновала и мы пошли не много пища, силы мои начали испощаться. Безсонница прошедшей ночи, труды этого дня и наконецъ вино, выпитое мной, — все это изнурило меня, опягчало мою голову какой-то полудремотой. Случалось ли вамъ спать на ходу? Случалось ли по крайней мѣрѣ, ѣхавши нѣсколько ночей на почтовыхъ, задремать въ вашей тряской шельгѣ, и, вдругъ пробудившись опъ перваго шолчка, оставаться на нѣсколько минутъ въ томъ полусонномъ и полубодрсвенномъ состоянн, когда глаза ваши, открывшись, не могутъ еще предсавить вамъ предметовъ, васъ окружающихъ, въ насоящемъ ихъ видѣ; когда лѣса, мимо которыхъ проѣзжаете вы, кажутся вамъ какими-то чудными, фантастическими замками, былинки лѣсами; словомъ, когда еще мечта сливается для васъ съ существ-

венностью и вы сами не знаете: спите вы, или нѣтъ? Таковъ былъ мой сонъ на походѣ. Всѣ происшествія того дня смутно сливались въ умъ моемъ, искажались, перемѣшивались, представлялись мнѣ въ чудныхъ, не ясныхъ образахъ, и едва глаза мои начинали смыкаться плотнѣе — я спотыкался, вздрагивалъ, чувствовалъ, что мнѣ надобно идти. Черезъ минуточку я опять забывался, но между тѣмъ ноги мои все двигались впередъ по какому то инстинкту, словно машина, не зависящая отъ моей воли. Наконецъ мы остановились, — и вопль я, такъ недавно еще гордившійся лавровымъ листкомъ вѣнка, сорваннаго нами, такъ недавно думавшій опдыхать на эпихъ лаврахъ и мирсахъ любви, долженъ былъ ночевать въ топкомъ болотѣ, снизу — по колѣна въ грязи, сверху — пробишій насквозь дождемъ!...

Черезъ три дня мы опять заняли Р***. Первымъ дѣломъ моимъ было узнать о

моей Леонпинѣ. Я отправился прямо къ ней въ домъ; — ее памъ не было. Бѣгу на прежнюю мою квартеру, — Леонпины нѣтъ и памъ. Вспрѣчаюсь съ Бапильдой, начинаю ее разспрашивать, — дѣвушка улыбаешся и не отвѣчаетъ мнѣ. Наконецъ мои просьбы, мои ласки сдѣлали ее опкровеннѣе. «Леонпины нѣтъ въ городѣ, сказала Бапильда, зачинаясь. Она... она... ее увезъ кирасирскій офицеръ Имперапорской гвардіи...» — Увезъ прошивъ воли, похипилъ! — вскричалъ я. «О нѣтъ, она сама съ нимъ уѣхала. Не смотря на свой скромный видъ, Леонпина большая въпреница.» Эти слова оглушили меня пуще пушечнаго выстрѣла. — Такъ вопъ прочностъ побѣды и женской любви! — подумалъ я, сложивъ руки и устремивъ на Бапильду изумленный взоръ.

Я оспался на прежней моей квартерѣ. По прежнему объдалъ вмѣстѣ съ моими хозяевами (мнѣ нужно было раз-

съяніе),—и Бапильда была по прежнему рада мнѣ, хопя на эпопѣ разѣ мнѣ и не удалось избавишь ее ни опѣ какой опасности. Мы долго говорили съ ней. Я жаловался на Леоншину; Бапильда утѣшала меня. Во весь вечеръ она была со мной чрезвычайно мила и ласкова, и наконецъ сказала: «Если вы нынче же не переспанете думать о вашей вѣпреницѣ, я буду сердита на васъ.»

Я видѣлъ, что ей очень хопѣлось изгладить изъ моей памяти Леоншину и заняшь ея мѣсто въ моемъ сердцѣ... Я былъ опяшь побѣдипелемъ въ завоеванномъ городѣ; любовь опяшь улыбалась мнѣ,—но и побѣда и любовь ужъ попережали для меня свою первобышнюю прелесть. Я сдѣлался опышнѣе: я ужъ понималъ погда, что Французы могутъ еще разѣ выгнашь насъ изъ города и заспавишь ночевать въ грязи; понималъ, что и новая красавица, моя почно также какъ прежняя, можетъ промѣняшь меня на

перваго встрѣшившагося ей кирасирскаго офицера.

Разумѣется, вмѣстѣ съ эшимъ я понималъ и то, что мундиръ Францускихъ кирасировъ сполько же красивъ, какъ мой, если еще не красивѣе.

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ТАВЕРНА.

ФАНТАЗИЯ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТАВЕРНА.

Имя поэта осыпается благословеніями; но
жизнь его предана проклятію.

Alfred de Vigny.

ЗАМПІЕРИ.

Вопъ, Доменико, учись какъ наживатьъ
И славу и богатство... .

ДОМЕНИКО.

Не деньги добывать, а совершенство,
Природу, почность, жизнь.... О, много, много
Нѣтъ времени и думашъ о богатствѣ....

Кукольникъ (*Джуліо Мости*).

Я былъ еще очень молодъ (говорилъ
одинъ спарикъ, мой знакомецъ), когда
искра любви ко всему высокому и пре-
красному заронила въ мою душу. Съ

какимъ внушренимъ , неизъяснимымъ волненіемъ чипалъ и перечипывалъ, бывало, я любимую мою книгу изъ всей маленькой моей библіопеки: Плупарха Для Юношесства, изданнаго Пепромъ Бланшаромъ. Помню, какъ, пробъгая жизнеописанія Александра и Цесаря, я дивился тогда эпою безграничной власпи челоуька, копорая однимъ словомъ своимъ двигала милліоны другихъ людей и однимъ взмахомъ меча мъжевала вселенную по своему произволу. Помню, какъ благоговълъ я передъ семью мудрецами Греческими, этими семью звъздами древности, лучи копорыхъ не погасли ни въ попопъ вѣковъ, ни въ грозныхъ переворопахъ міра; но испиннымъ, но самымъ живымъ для меня наслажденіемъ было чипашъ и перечипывашъ жизнеописанія великихъ художниковъ. Всъ заваеашели, (не смощря на порпшепы, приложенные къ ихъ жизнеописаніямъ, на копорыхъ они были изображены людьми самыми обыкновенными, и гдѣ весь геній ихъ выра-

жался только въ сморщенномъ лбѣ и огромномъ носѣ,) всѣ завоеватели представлялись мнѣ страшными исполинами, съ глазами бросающими молнію, съ руками обогранными кровью. Я содрогался, когда воображеніе мое, воспламененное исторіей пожаровъ и битвъ, начинало рисовать передо мной эпическія грозныя призраки,—и мое удивленіе къ великимъ завоевателямъ превращалось въ страхъ, смѣшанный съ жалостью къ побитымъ и къ побѣжденнымъ. Напрошивъ, всѣ мудрецы Греческіе, всѣ законодатели Афинскіе, всѣ философы древніе казались мнѣ очень сходными въ своихъ порпорахъ того же изданія, такъ что каждаго изъ нихъ воображалъ я не иначе, какъ старикомъ съ плѣшивой головой, съ длинною бородою и еще — Богъ знаетъ по чему — съ очками на носу. Всѣхъ ихъ какъ будто видѣлъ я склонившимся на свои желтые, пергаментныя книги, — и при мысли объ этой чудной, однообразной коллекціи, которую во-

ображеніе мое часто собирало въ кружокъ и заспавляло чипапъ свои писанія на такомъ языкѣ, изъ котораго я понималъ одно только слово: *киріе элей сонъ*, напверженное мнѣ гнусавымъ голосомъ клирошанина Греческаго монастыря, — благоговѣніе мое къ древней мудрости превращалось или въ зѣвошу, или въ смѣхъ.... Такова молодость! — Но при мысли о художникахъ никогда не приходило мнѣ ни въ умъ, ни въ воображеніе ничего спрашнаго, ничего скучнаго, ничего смѣшнаго. Лице каждаго великаго поэта, славнаго живописца, искусстваго ваятеля, опличнаго музыканта сіяло въ глазахъ моихъ какимъ-то свѣпомъ божеспвеннымъ, какъ символомъ огня, похищеннаго съ небесъ Прометеемъ, огня, который западая въ душу художника, помипъ ее жаждой созданія и ставипъ, человека, обладающаго такою душой ближе прочихъ людей къ Творцу своему. Такъ думалъ я — хопя эпа идея и не такъ еще

ясно развивалась тогда въ головѣ моей какъ пеперь я рассказываю — о людяхъ, заключающихъ въ себѣ силу творческую;—и думалъ послѣ того, что Рафаель, Сервантесъ, Моцартъ — были образцы совершенства красоты человеческой. Даже Поупе (я спускаюсь вдругъ сверху внизъ), горбатый и уродливый, казался мнѣ очень милымъ, красивымъ мальчикомъ. Шекспира тогда еще плохо понимали; Гетте, Байрона, Шиллера и другихъ новѣйшихъ писателей въ то время не было и въ поминѣ, и потому я ихъ не воображалъ никакъ. Да не въ томъ и дѣло.

И такъ я спрассно любилъ всѣхъ поэтовъ и всѣхъ художниковъ, и зналъ наизусть названія всѣхъ гениальныхъ произведеній. Правда, что эпитимъ только знаніемъ и ограничивались всѣ мои тогдашнія свѣденія въ изящныхъ искусствахъ; правда и то, что я былъ не въ состояніи понимать красоту созданій

высокихъ, и былъ бы не въ силахъ опредѣлить, чѣмъ Рафаелево преображеніе превосходитъ картины Лебрюня, чѣмъ божественная комедія Данте превышаетъ сапирры Попе; но это ни сколько ни мѣшало мнѣ приходиться въ восторгъ оцѣ каждый стиховъ, копорые мнѣ случалось читать, и восхищаться каждой картиной, копорую мнѣ случалось видѣть. Поэзію и живопись я любилъ преимущественно передъ другими искусствами, и говоровъ былъ опказаться оцѣ всѣхъ забавъ, свойственныхъ лѣтцамъ моимъ, говоровъ былъ пожертвовать своимъ праздничнымъ платьемъ, лишь бы только увидѣть творца хоть одной поэмы или картины.

Однажды, когда я стоялъ передъ эстампомъ, выгравированнымъ съ картины одного изъ извѣснѣйшихъ живописцевъ, а въ рукахъ держалъ томъ стиховъ, ко мнѣ вошелъ отецъ мой. Я былъ погруженъ въ какія-то чудныя

мысли, не совсѣмъ ясныя для меня самого; кажется, что мнѣ хопѣлось вдругъ и постигнуть тайну искусства и опредѣлить въ моихъ, еще слишкомъ шапкихъ понятіяхъ, что такое вдохновеніе. То и другое было для меня — въроянно такъ же, какъ и для всякаго другаго — довольно затруднительно; и вся трудность этой задачи выражалась на ребяческомъ лицѣ моемъ. Отецъ мой засмѣялся; его смѣхъ вывелъ меня изъ задумчивости.

— О чемъ ты думаешь передъ этой карпиной и съ этой огромной книгой въ рукахъ? — спросилъ онъ.

« Я думаю о пѣхъ, отвѣчалъ я, кто писалъ эпическую карпину и кто писалъ эпическую книгу.... Эпические люди должны быть люди необыкновенные; и отъ того-то мнѣ очень хочется взглянуть на нихъ. Покажите мнѣ какого нибудь поэта, живописца, музыканта — кого хотите, все

равно, но поэта не такого, который только умѣетъ писать стихи (я начиналъ ужъ понимать и тогда различіе между стихотворствомъ и поэзіей), живописца не копировщика, музыканта не разыгрывальщика нотъ, — нѣтъ, я хочу видѣть сочинителей. »

— Живописцевъ теперь нѣтъ у насъ, — сказалъ мнѣ отецъ; ихъ всѣхъ отправили въ Римъ доучиваться. Композиторы наши разѣхались по Европѣ давать концерты и сочинять оперы. Но сочинителей книгъ я могу показать тебѣ, сколько хочешь. Въ эдикъ людяхъ рѣдко бываетъ недоспапокъ.

« Покажите, покажите! вскричалъ я, захлопавъ руками отъ радости. Чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ лучше. Я вѣрно съ перваго взгляда опличу того, который превышаетъ другихъ дарованіемъ. »

— Увидимъ, — замѣпилъ добрый старикъ съ какимъ-то шайнштвеннымъ вы-

раженіемъ. Онъ любилъ научать меня практически, и, казалось, заранѣе восхищался урокомъ, копорый хоптъль мнѣ дасть. — Завпра упромъ, прибавилъ онъ, будь гоповъ иди со мной.

Не помню, какая бы ночь казалась мнѣ длиннѣе той, копорая наступила послѣ обѣщанія, даннаго мнѣ опцомъ моимъ; не помню, какого бы дня ожидалъ я съ такимъ неперпѣніемъ, какъ того, въ копорый должно было исполниться это обѣщаніе. Съ тѣхъ поръ узналъ я двѣ самыя несносныя вещи: ожиданіе и бессонницу. Къ упру однакожь успалось одолѣла меня; глаза мои сомкнулись, — но и во снѣ я брѣдилъ писателями. Я видѣлъ тысячи людей, сидящихъ за письменными столами и пишушихъ, видѣлъ кипы бумаги, перья, чернилицы. Какая-то непреодолимая сила влекла меня самого писать. Я положилъ листъ бумаги, взялъ перо; но едва начертилъ я нѣсколько спрокъ, какъ вдругъ множесп-

во голосовъ — крикливыхъ и грозныхъ, смѣшныхъ и насмѣшливыхъ раздалось вокругъ меня. Воспряя, очиненныя перья начали вонзаться въ меня, попоки чернилъ полились на мою голову. Я кричалъ, какъ будто меня кололъ кпо булавками, и проснулся, захлебываясь въ чернильной рѣкѣ. Эпопъ сонъ не предвѣщаль мнѣ добра на липературномъ поприщѣ; но не смопря на шо, желаніе мое — видѣть писашемей не оспыло во мнѣ. Скоро, какъ вы увидите сами, я даже во все гошовъ былъ забытъ эпопъ сонъ съ его зловѣщимъ пророчесшвомъ.

Но за шо никогда не забуду я ни малѣйшей подробности изъ всего, что было со мной, изъ всего, что видѣлъ и слышалъ я въ шопъ доспопамятный день на яву. Будто пеперь гляжу, какъ надѣлъ я свою голубую казимировую курточку съ шремя рядами свѣшлыхъ пуговиць — нарядъ невинности и просподушія! — Какъ, прищомадивъ и зачесавъ на

одну спорону мои русые волосы, я поправлялъ передъ зеркаломъ свой бапи-сповый, опложной воропничекъ; какъ опецъ мой дожидался меня совсѣмъ одѣ-шый: въ длинномъ коричневомъ сюршукѣ, сшипомъ по Англійскому покрою, въ измяпой, квакерской шляпѣ на головѣ, съ полсшой, суковапой проспью въ рукахъ. Помню и то, какъ пошли мы съ нимъ, въ прекрасное лѣпнее упро, по прекрасному городу (я забылъ вамъ сказаць, или лучше я не успѣлъ вамъ сказаць, что мы жили въ большомъ городѣ); какъ проходили улицы, на одной половинѣ копорыхъ лежала еще черная пѣнь опъ огромныхъ домовъ; бульвары, гдѣ между зеленью липъ мелькали разноцвѣпныя шляпки и шляпы, фраки и плашья, серпуки и шали; площади, гдѣ шолпился народъ, гдѣ капились и скрещивались, скапывались и разкапывались карепы, коляски, дрожки. И надъ всѣми эпими улицами, бульварами, площадями вилося въ высо-

щъ необозримое облако пыли и сливалось съ небомъ и съ солнцемъ;—и мнѣ было весело, какъ молоденькому мальчику, которъй только что начинаеть жить, надѣеся сдѣлаться художникомъ и любится на прекрасный Божій міръ, представляющій столько прекрасныхъ предметовъ для рѣзца, для пера, для кисти...

Наконецъ мы пришли въ самое средоточіе города и остановились передъ зданіемъ проспекта, но величественной наружности. «Здѣсь увидимъ мы ихъ,» сказалъ отецъ мой, отворяя дверь. Онъ ввелъ меня въ огромную залу, и я изумился зрѣлища, которое мнѣ представилось.

Сѣны этой залы были украшены, отъ пола до потолка, портретами всѣхъ знаменитыхъ писателей цѣлаго міра, начиная отъ Гомера до Хераскова, отъ Кальдерона до Аблессимова, отъ Сервантеса до Федора Эмина, включительно. На длин-

ныхъ сполахъ, посавленныхъ около спѣнь, лежали всѣ новыя книги, кипы журналовъ и газетъ, брошюры крипикъ и аншикрипикъ, и кое-гдѣ валялись листки диссерпацій. Но всего любопытнѣе было общество, наполняющее эту залу. Тутъ были люди ученые и неученые, редакторы газетъ и журналовъ, издатели Альманаховъ. Тутъ были книгопродавцы, желающіе купить новое сочиненіе; типографщики, желающіе его напечатать; переплетчики, желающіе его переплести; крипики, желающіе его разкриковать, и наконецъ толпа людей, желающая его прочесть. Это была какая-то паверна въ родѣ кофейной Прокопа, но въ объемѣ обширнѣйшемъ; это былъ цѣлый литературный міръ, собранный въ одинъ фокусъ, и припомъ литературный міръ со всѣми его прозаическими принадлежностями, со всѣми ступенями, черезъ копорыя должна пройти мысль автора опъ его головы до глазъ читателя.

Когда мы вошли въ залу, тамъ каждый особенный классъ людей занимался своимъ особеннымъ дѣломъ. Редакторы газетъ выписывали статьи изъ другихъ газетъ для своихъ изданій. Криптики сидѣли молча и косились другъ на друга, какъ закоснѣлые враги, потому что всѣ они были различныхъ мнѣній и разныхъ парсій. Книгопродавцы зѣвали и по временамъ жаловались на плохую продажу книгъ. Типографщики дѣлали складчину и собирались посылать въ Парижъ за новыми липерами. Люди, которые пришли читать, въ самомъ дѣлѣ были заняты книгами, или лучше сказать книгой, потому что всѣ они читали экземпляры одного и того же сочиненія. Это было сочиненіе самое новое, послѣднее, которое вышло, и припомъ сочиненіе, надѣлавшее много шуму еще прежде своего выхода. Но не смотря на то, и оно, по видимому, ужъ начинало терять свою занимательность, начинало казаться всѣмъ

вещью старой: пипографщикамъ попому чшо оно было ужъ напечатано; книгопродавцамъ попому, чшо оно было ужъ продано; крищикамъ попому, чшо рецензія на него была ужъ написана; чипашелямъ попому, чшо они его ужъ дочитывали (оставался одинъ чешвертый томъ). Всѣ эти люди начинали сучашь, всѣ они хотѣли новостей еще больше новыхъ. Разговоры ихъ были корочки и опривиспы; въ шавернѣ было больше пишины, чѣмъ шуму, больше бездѣйствія, чѣмъ дѣятельно-сти. Опъ того, можешь спашься, чшо въ ней не было еще ни одного лица, которе могло бы сосредопочить на себѣ вниманіе эпого сборища, которе могло бы заставить зашевеличься вдругъ: и перья крищиковъ, и карманы книгопродавцевъ, и спанки пипографщиковъ; — въ ней не было еще ни одного поэта и сочинителя, ни одного изъ пѣхъ людей, которыхъ я желалъ видѣть съ шакимъ неперпѣніемъ.

Вдругъ раздался спукъ подъѣхавшей къ крыльцу кареты. Двери съ шумомъ разшворились, и въ комнату вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, средней полщины, средняго роста. Ему всѣ начали кланяться; имя его повсюрилось отъ одного конца залы до другаго. Я замѣшилъ, что это самое имя было выспавлено на оберткѣ книги, копорую всѣ читали; понялъ, что это поэтъ человекъ былъ, ни больше ни меньше, какъ пворецъ ея, — и вздрогнулъ отъ удовольствія, отъ какого-то невольнаго спраха, отъ какого-то глубокаго уваженія. Я сморѣлъ на него во всѣ глаза.

Онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ и припомъ съ чрезвычайнымъ вкусомъ и разборчивостью. На рукахъ его были богатые перстни, на шеѣ галспухъ, искусно повязанный. Его лице, довольно пріятное, если не свѣпилось лучами вдохновенія, какъ воображалъ я, по по крайней мѣрѣ сіяло веселостью и ка-

кимъ-то внутреннимъ самодовольствіемъ. Во взорахъ его выражалась гордость, которая ясно давала чувствовать, что онъ выше другихъ людей. Какъ хопьлось мнѣ, чтобы эти взоры обратились на меня, чтобы эптошь человекъ, обладающій даромъ созданія, подошелъ ко мнѣ, поговорилъ со мной и—желаніе ребяческое!—прочелъ на лицѣ моемъ признаки будущаго таланта. Я выпягивался, поднимался на носки маленькихъ башмаковъ моихъ, поправлялъ мой воротничекъ и мои волосы — напрасно!... Человекъ, на котораго я смотрѣлъ съ такимъ любопытствомъ, не обращалъ на меня никакого вниманія. Да и до меня-ли было ему: его окружали друзья и приверженцы, окружали книгопродавцы, окружали чипапели. Наконецъ толпа, собравшаяся вокругъ него, до того увеличилась, что скрыла его совершенно опъ глазъ моихъ. Я могъ только слышать его голосъ.

— Что вы теперь пишете? — спрашивали его всѣ вдругъ.

Онъ опвѣчалъ, что началъ новое сочиненіе въ томъ же родѣ, въ которомъ прежде писалъ.

— Это вѣрно будетъ верхъ искусства! — закричали друзья и приверженцы.

— Мы заплашимъ за него тысячи, — сказали книгопродавцы.

— Мы напечатаемъ его на веленовой бумагѣ, — сказали типографщики.

— Мы переплемъ его въ красный сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ, — подхватили переплешчики.

— Мы спанемъ его чипапъ съ восхищеніемъ, — прибавили любители чшенія.

« Я стараюсь, сколько возможно, угодить общему вкусу публики, продолжалъ писатель, и надѣюсь доспичь моеѣ цели. Послѣ обѣда я прочту нѣ-

сколько опривковъ изъ моего сочиненія. »

Онъ вышелъ изъ толпы, съ лицомъ еще больше свѣплымъ, съ видомъ еще больше важнымъ, и началъ прохаживаться по комнапъ, разговаривая по съ пѣмъ, по съ другимъ. Одни покупали у него манускриптъ заранѣе, другіе просили опривковъ для своихъ періодическиххъ изданій, претпн говорили ему, что они будутъ переводить его новое сочиненіе на всѣ Европейскіе языки, четвертые до небесъ превозносили его талантъ,—словомъ: его оглушали похвалами, перзали просьбами, мучили разсужденіями, душили привѣспвіями; и однакожь онъ, казалось, привыкъ къ эптому. Онъ отвѣчалъ каждому и на все; онъ общалъ, опривковъ сколько угодно; онъ весело разсуждалъ о своихъ сочиненіяхъ; онъ принималъ похвалы, какъ дань, справедливо ему принадлежащую, и даже иногда хвалилъ самъ себя. Онъ величался,

какъ Царь въ обществѣ, которое его окружало.... Не могу изъяснить, съ какимъ чувствомъ, съ какимъ прелепомъ сердца смотрѣлъ я на эту сцену, какъ казался мнѣ и счастливъ и вмѣстѣ великъ человекъ, на котораго было обращено столько взоровъ, на котораго сыпалось столько похвалъ! Я ничего не хотѣлъ въ ту минуту, кромѣ того, чтобы быть на его мѣстѣ.

— Доволенъ ли ты наконецъ, что видишь писателя? — спросилъ меня отецъ мой.

«Очень доволенъ, отвѣчалъ я; и шѣмъ больше доволенъ, что вижу писателя славнаго, вѣроятно перваго изъ всѣхъ писателей современныхъ.»

— Вотъ еще другой, сказалъ мнѣ отецъ, показывая въ дальнѣйшій уголъ комнаты.

Тамъ сидѣлъ человѣкъ, копорый вошелъ за полчаса назадъ, и вошелъ, замѣченный очень не многими. Его не встрѣпили шумными восклицаніями ; подлѣ его не было ни друзей, ни приверженцевъ; да и мудрено было бы ему привлечь къ себѣ кого нибудь: нарядъ его былъ опрѣшенъ, но слишкомъ проспъ, и скорый могъ казаться вывѣской недоспапка, чѣмъ скромности; онъ былъ моложе того человѣка, копорый обращалъ на себя вниманіе всѣхъ, но лице его не цвѣло улыбкой веселья: оно было блѣдно, и слѣды глубокой думы лежали на немъ; его взоры не сіяли самодовольствіемъ, но въ нихъ горѣлъ какой-то огонь внутренняго безпокойства, по видимому, безпреспанно его терзающаго, — и эти взоры были успремлены на изображенія вѣковыхъ геніевъ міра, — и, погруженный въ задумчивость, онъ, казалось, не замѣчалъ своего одиночества, не заботился о томъ, что вокругъ него происходишь.

Онъ вошелъ, не сдѣлавъ шуму своимъ появленіемъ; онъ сидѣлъ одинъ, — и къ нему не подходила толпа; онъ не говорилъ ничего о своихъ занятіяхъ, — и ни-кто не любопытствовалъ знать о нихъ. Я смотрѣлъ на него совсѣмъ не такъ какъ на писателя славнаго; онъ казался мнѣ ничтоженъ и малъ; я не завидовалъ его участи.

Одинъ отецъ мой обратился къ нему съ вопросомъ. Я полагаю, что это изъ учтивости, изъ жалости, — не изъ чего больше.

— Я слышалъ, что вы кончили вашъ трудъ, — сказалъ онъ.

Молодой человекъ отвѣчалъ утвердительно; однакожь никто не провозгласилъ, что этошъ трудъ долженъ быть превосходенъ, никто не вызывался купить его, никто не желалъ прочесть его. Только два человека

подошли къ нему: какой то бѣдный издашпель альманаха, копорый хопѣль попросилъ у него спашью, да спарый содержашпель всѣми оставленной пипографіи, копорый хопѣль напечаташпель его сочиненіе на самой скверной бумагѣ и самыми скверными липерами. Но и эти господа удалились опѣ него съ кислыми лицами и съ улыбкой презрѣнія, когда сочинилъ самъ опозвался очень скромно о прудѣ своемъ.

— Вошѣ несчастный человекъ!—подумалъ я.—Всѣ видяшѣ, всѣ поспигаюшѣ его ничтожеспво; даже самъ онѣ сознается въ немѣ. Пусть же онѣ смопришѣ на эти поршпрешы, съ копорыми ему веселѣе, чѣмѣ съ живыми людьми, пошому что они по крайней мѣрѣ не призираюшѣ его. Пусть терзается эшимѣ вѣчнымъ безпокойспвомѣ, копорое такѣ ярко горитѣ въ его глазахѣ. Я спану лучше смопрѣшѣ на другаго;—эшо, право, гораздо занимашельнѣе.

Накрывали роскошный столъ. Кумиръ паверны, писатель прославленный, долженъ былъ занять первое мѣсто за эшимъ столомъ. Съ нимъ оспались обѣдашь только друзья самые искренніе, почищатели его паланпа самые ревностные, книгопродавцы самые богатые, содержатели типографій самыхъ роскошныхъ; редакторы журналовъ только шѣхъ, въ которыхъ отдавали полную похвалу его дарованію; издатели альманаховъ только пакихъ, гдѣ, въ обзорніяхъ словесности, первое мѣсто занимали его сочиненія; словомъ, съ нимъ оспалось общество избранное. Имъ подавали и блюда столько же опборныя, какъ и сами они, вина столько же свѣшмыя и кипучія, какъ разговоръ ихъ. Искры веселыхъ шутокъ и оспрыхъ словъ смѣшивались съ искрами шампанскаго.... И опять похвалы, — но похвалы, еще больше возторженныя прежнихъ похвалъ; и опять привѣтствія, — но привѣтствія, еще больше лестныя прежнихъ привѣтствій, —

посыпались на знамениаго президента этого общества. Каждый, кто только умѣлъ хоть немного писать стихи, хвалилъ его или въ мадригалѣ, или въ экспромптѣ, или въ акроспихѣ (тогда эпошъ родъ сочиненій былъ въ спрашной модѣ); каждый, кто только умѣлъ хоть не много пѣшь, запрягивалъ застольную пѣсню въ честь ему. Это былъ обѣдъ наспоющій Англійскій, холостой, шумный, липературный обѣдъ. Тутъ все было живо и весело; шупъ все пѣло и чипало свои стихи, попому что пѣшь и писать стихи умѣлъ почти каждый изъ собесѣдниковъ. Только когда дошла очередь до книгопродавцевъ, они опспунили опъ общаго порядка. Но эши люди знали, какъ имъ поправипься.

— Мы не умѣемъ пѣшь, не умѣемъ писать ни мадригаловъ, ни экспромповъ ни акроспиховъ, ни даже стиховъ на новъй годъ, — сказали они. Но и безъ

эпихъ блестящихъ паланповъ можно опдашь справедливостъ дарованію, вещами, еще больше блестящими....

Попомъ всѣ въ одинъ голосъ прибавили:

«Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца!
Берите злата, злата, злата....»

И съ послѣдними словами груды золота, которое они гошovy были дашь за новое, еще неконченное произведеніе знаменитаго авшора, посыпались изъ кошельковъ ихъ на споль. «Браво! браво!» закричали собесѣдники. Это похвала самая существенная и полномъсная.» Звонъ червонцевъ сливался съ этими криками и съ звономъ спакановъ, изъ которыхъ начали пипшь шоспы въ честь каждого сочиненія знаменитаго чловѣка. Пламенный лучъ яснаго лѣшняго солнца, про-

ходя сквозь огромные, чистые стекла окна, освѣщаль эпю живую, шумную, веселую картину. Онъ падалъ прямо на сполъ, и дробясь тысячью яркихъ цвѣповъ въ алмазныхъ граняхъ хрусталя, и горя въ пурпурѣ и янпарѣ вина, придавалъ еще больше блеска и самому поржеспву и шому человеку, въ честь котораго оно совершалось. Я воображалъ, что его увѣнчиваютъ въ Капитоліи; думалъ, что это лучи его собственной славы горятъ надъ нимъ. Окруженный эшимъ блескомъ, упоенный эпою славою, онъ, казалось, воспламенился пѣмъ чувствомъ, которое вспыхивая по временамъ въ душѣ поэта или художника, заставляеть его отдавать справедливостъ самому себѣ. Какъ будто жаждая новыхъ похвалъ, или желая доказать, что не напрасно получалъ похвалы, уже слышанныя, онъ доспалъ изъ портфеля опривки, которые обѣщаль прочитавъ. Въ минушу все смолкло. Въмѣсто шумнаго веселья настала мертвая тишина; любо-

пышество изобразилось на всѣхъ лицахъ, и вопль началось чпеніе....

Между тѣмъ, во все время этого роскошнаго пиршества, другой писатель - бѣднякъ, всѣми забытый, всѣми оставленный, казался мнѣ еще больше ничтоженъ и жалокъ, чѣмъ прежде. Онъ постоянно оставался въ опдаленномъ, въ самомъ темномъ углу комнаты. Туда подали ему умеренный обѣдъ его, потому что за дорогой ему нечемъ было бы разплашиться. Ему не подавали ни роскошныхъ блюдъ, ни роскошныхъ винъ; ему не дали даже свѣпленькаго мѣспечка въ передней части комнаты, потому что вся эта часть была занята другимъ человекомъ, съ извѣстностью слишкомъ огромной, съ приверженцами слишкомъ многочисленными. Онъ, казалось, былъ осужденъ оставаться во мракѣ, вмѣстѣ съ своими твореніями. Правда, что нашлись наконецъ люди, которые захотѣли раздѣлить съ нимъ и умеренный обѣдъ его

и эпопѣ мракъ, — но все его общество состояло только изъ двухъ, прехъ бѣдныхъ артистовъ, да изъ одного или двухъ крипиковъ. Правда и то, что беседа ихъ оживлялась разговоромъ об искусствахъ, и какой то тихой веселостью; но какъ можно было сравнить эпю веселость съ той, которая царствовала въ шумномъ кругу другихъ собесѣдниковъ. Въ темномъ углу и за бѣднымъ столомъ, она смѣшивалась съ задумчивостью и съ какимъ-то грустнымъ взглядомъ на жизнь, на роскошномъ пире—цвѣла всею прелестью жизни. Иногда однакожъ и въ эпю маленькомъ, скромномъ обществѣ раздавался довольно громкій смѣхъ. Онъ слышался именно въ тѣ минуты, когда писателю знаменитому читали какой нибудь панигирикъ, въ которомъ сравнивали его вдругъ и съ Гомеромъ и съ Виргиліемъ и съ Анакреономъ. И эпопѣ смѣхъ былъ такъ естественъ, вырывался такъ опъ души, какъ будто все эти жаркія по-

хвалы, всѣ эпі высокія сравненія казались въ то время такъже смѣшны, какъ нынче кажутся намъ нѣкопорыя сравненія съ Байрономъ и Валперъ Скопшомъ. Впрочемъ насмѣшники не обращали большаго вниманія на веселый пиръ, шумѣвшій вокругъ ихъ, и ояпъ углублялись въ свой разговоръ, въ самихъ себя.

Только когда началось чтеніе новаго сочиненія, котораго, какъ говорили журналы, « скоро должно было обрадовать неперпѣливую публику своимъ появленіемъ, » писатель, сидѣвшій въ темномъ углу, началъ прислушиваться къ нему вмѣстѣ съ другими, и потомъ незамѣпно вмѣшался въ полпу, окружающую чпеца. черезъ нѣсколько минутъ на лицѣ его изобразилась презрительная улыбка, во взорахъ вспыхнуло негодованіе. « Не хорошо, сказалъ онъ, прервавъ чтеніе на какомъ-то мѣстѣ, которое я не совсѣмъ понималъ; не хорошо, и именно вотъ почему.... » Онъ хотѣлъ, было, доказывать,

но его никто не хотѣлъ слушать. «Клевета! зависть!» закричали множество голосовъ и, разумѣется, заглушили одинъ голосъ. Не смотря на то, онъ однакожь еще нѣсколько разъ покушался дѣлать свои замѣчанія; но крики: «зависть! зависть!» опять заглушали его. Онъ удалился, вѣроятно не слишкомъ довольный своей участью.

Послѣ того никто не прерывалъ чтенія, никто не осмѣливался дѣлать критическихъ замѣчаній. Но въ самую шумную минуту, когда оно кончилось, два или три пріятели которыхъ и во время обѣда и во время чтенія, сидѣли ближе къ знаменитому человеку, и опѣ того вѣроятно слышали лучше другихъ, дружно крикнули: «браво!» Толпа подхватила; громкія рукоплесканія слились съ этими криками и проводили порпоржествующаго чтеца до кареты. Онъ сѣлъ въ нее. Четверка красивыхъ коней быстро его помчала, и

я видѣлъ въ окно, какъ, въ концѣ улицы, онъ догналъ своего.... соперника.... крипика (не знаю, какъ почтѣе назвать этого человѣка), смиренно тащившагося пѣшкомъ. Онъ поровнялся съ нимъ и, какъ бы въ опмщеніе, или лучше въ насмѣшку, закрылъ его чернымъ облакомъ пыли, поднимающимся изъ-подъ колесъ....

Возвращаясь домой, мы шли опять пѣми же улицами, пѣми же бульварами, пѣми же площадями; но я ужъ не смотрѣлъ ни на людей, ни на ихъ наряды, ни на ихъ экипажи. Я безпрестанно пвердилъ о славѣ писателя знаменишаго, и хопѣлъ, во чпобъ шо ни спало, сдѣлапся самымъ ревностнымъ его подражателемъ, не зная еще тогда несчастной участи подражателей самого Валтеръ-Скоппа. Отецъ мой смѣлся, и я не зналъ, надъ чѣмъ онъ смѣется: надъ моими ли воспоргами, или надъ пѣмъ, чшо приводило меня въ воспоргъ. Когда я его начиналъ спраши-

вашь, онъ опвѣчалъ мнѣ только, что
это я узнаю со временемъ...

=

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени послѣ, когда понятія мои больше развернулись и умъ сдѣлался самоспопелельнѣе; когда, вмѣсто синенькой курочки, я ужь носилъ черный фракъ и примѣривалъ, къ лицу ли мнѣ будутъ очки, онъ заставилъ меня взглянуть на литературный мѣръ съ другой почки, показалъ мнѣ новую сторону эпого мѣра. Вмѣсто шумной залы, гдѣ смѣшивались голоса и поэповъ, и публицисповъ, и криптиковъ, гдѣ дѣйспвовали и парспии, и приспраспие, и коммерческіе разчешы, гдѣ мнѣнія чужія могли взять иногда верхъ надъ мнѣніями собспвенными,—онъ ввелъ меня въ тихій, уединенный кабинетъ, куда не доходило ничто изъ шѣхъ

низкихъ, вещественныхъ отношеній, въ которыхъ закованъ эпопѣй бѣдный литературный міръ, какъ чистый духъ человека закованъ въ грязную плоть свою. Тамъ каждый писатель являлся на судъ современниковъ и пошомспва не въ блестящихъ журнальныхъ похвалъ и не въ пущихъ журнальныхъ ругательствъ, но въ наспоющемъ видѣ своемъ, съ однимъ собственнымъ голосомъ, съ одними собственными красками и недоспапками. Тамъ не было самихъ людей, — были только ихъ творенія; тамъ не лзя было слышать ни чужихъ полковъ, ни шума литературной ярмарки, — можно было только читать и мыслить.

Отецъ мой далъ мнѣ двѣ книги и заставилъ меня это сдѣлать.

Въ одной изъ этихъ книгъ было больше простоты и естественности, чѣмъ изысканнаго остроумія; больше прекрасныхъ, глубокихъ мыслей, чѣмъ кудрявыхъ фразъ; больше истинныхъ чувствъ,

чѣмъ холодной ироніи. Она не могла опуманишь довърчиваго чипапеля пышными возгласами, не могла обманушь его просподушія грубымъ блескомъ ложныхъ красопъ. Но чѣмъ больше я чипалъ ее, шѣмъ больше находилъ въ ней красопъ тонкихъ и испинныхъ, шѣмъ больше увлекался поій изящноспью искусства, кошорая доступна только для ума образованнаго. Эпо была поэзія, отбросившая всѣ побрякушки, кошорыми маняптъ толпу, пренебрегшая всѣми украшеніями моды;—но она согрѣвала сердце, возвышала душу, какъ возвышаетъ ее долгій, задумчивый взглядъ, усспремленный, въ часъ лѣпней ночи, на ясное звѣздное небо. Эпо была поэзія простая, но испинная, чистая, не запятнанная ничѣмъ земнымъ.

Въ другой книгѣ было все на оборопъ. Тамъ проспота замѣнялась изысканноспью; поэзія мыслей пышноспью и кудреватоспью словъ; чувспво-спо насмѣшкой, по смѣхомъ, по припвор-

нымъ воплемъ спраспей. Въ ней было не много красотъ высокихъ и истинныхъ, но за то она бросалась въ глаза блеспками вычурнаго оспроумія. Въ ней было мало изящности вкуса, но много пошлой сапиры, много всеневныхъ оспропъ, много рѣзкихъ двусмысленностей—эпихъ вещей, за копорья умъ не посвященный въ тайны искусства, хватается гораздо охотнѣе, чѣмъ за какую нибудь понкую черту, носящую на себѣ печать паланта больше разборчиваго. Въ ней было все грубо, испершо, спаро,—но было именно то, чему глупцы смѣялись ужь тысячу разъ, чему удивлялись тысячу разъ—и ради опячь смѣяпсья и удивляпсья и нынче и завпра... Это было искусство, униженное разчетомъ на пребованіе большинспва гологовъ; это была поэзія безъ вдохновенія; но она привлекала къ себѣ чернь умственнаго міра, попому что ее прикрыли лоскупьями современности и сшили ей модное плашье изъ заглавныхъ буквъ.

Долго читалъ я объ эти книги, долго сравнивалъ — и горше былъ не въришь себѣ: творцемъ первой изъ нихъ былъ поэтъ человекъ, на котораго въ шумномъ либеральномъ кругу никто не хотѣлъ обратитъ вниманія; творцемъ второй — поэтъ на котораго сыпались и похвалы, и рукоплесканія, и деньги....

— Что же это значитъ? — спросилъ я.

« Это значитъ сказалъ мнѣ отецъ, что люди не всегда хвалятъ то, что достойно похвалы, и часто воздаютъ честь тому, что не стоить чести. Это значитъ, что крики либеральныхъ друзей и приверженцевъ заставили и меня, слишкомъ простодушно, принявъ пустую извѣстность за славу, справедливо заслуженную, между тѣмъ какъ никто не поддержанный, никто не оцененный талантъ показался мнѣ ничтожествомъ. Это значитъ наконецъ, что поэтъ, кто служилъ толпѣ, не за-

бопясь объ искусствѣ, иногда гораздо скорѣе и легче заслуживаешь рукописанія, чѣмъ поэтъ, кшо служишь искусству не забопясь, о полтъ.

Собственныя чувства убѣждали меня въ справедливости словъ опца моего; но я все еще гошовъ былъ опспавашъ чловѣка, копорому нѣсколько времени удивлялся вмѣстѣ съ другими. Въ этомъ случаѣ я былъ очень похожъ на многихъ изъ членовъ публики: говоря правду, я и самъ хорошенько не зналъ, чему я въ немъ удивляюсь,—но мнѣ просто не хотѣлось распашьясь съ моимъ прежнимъ мнѣніемъ, мнѣ казалось святошапствомъ разбишь кумиръ, разъ ему поклонившись.

— Какъ, сказалъ я не уже-ли эпошь чловѣкъ, копорого такъ усердно хвалили друзья, копорый хвалилъ самъ себя, и копорого наконецъ, за дружескимъ обѣдомъ, сравнивали со всѣми великими по-

эпами вдругъ, — не попадешь ни въ какую коллекцію великихъ людей?

« Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ отецъ, онъ попадешь только въ коллекцію богатыхъ людей... Упопробивъ шаланшъ свой во зло, онъ позолошилъ жизнь свою, не заботясь о томъ, что́ будетъ послѣ съ его именемъ.

« Другой не унизилъ свяшаго дара для личныхъ выгодъ своихъ.

« Вѣрный своему призванію, онъ не увлекся рукоплесканіями толпы и презиралъ ея холодношью.

« Онъ не хопѣлъ измѣнять мыслей своихъ по обстоятельспвамъ и мнѣніямъ, его окружающимъ. Вѣрный поклонникъ искусства, онъ былъ преданъ только ему всей душой своей, всѣми чувспвами.

« Онъ не жегъ еиміама подлой лести сильнымъ земли, не сплеталъ приспраспныхъ похвалъ, не изрыгалъ приспраспныхъ ругашельспвъ ни изъ корысти, ни изъ взаимныхъ похвалъ, ни изъ мщенія и ненависти.

« Ошвергнувъ всѣ низкіе, недоспойные пужи, копорые, можеть спашься, скорѣй бы привели его къ извѣстности, онъ долженъ былъ боросья съ трудомъ и гореспями, долженъ былъ переносить униженіе; но онъ и пужь оспался въренъ себѣ, искусству и испинѣ.... Онъ хопѣлъ, чшобы проклятіе лучше шягошѣло на жизни его, чѣмъ на имени.»

Высказавъ все эпо, показавъ мнѣ и липературнаго временщика и поэта испиннаго въ насшоящемъ ихъ свѣшѣ, опецъ мой съ шоржеспвующимъ видомъ посмошрѣлъ на меня. — Теперь кошораго изъ двухъ выберешъ шы образцомъ себѣ?—сказалъ онъ.

Я молчалъ. Я чувствовалъ, что у меня недоспанеть силъ быть однимъ, и ни за что въ міръ не хотѣлъ быть другимъ.... Я никогда не рѣшился сдѣлаться писателемъ....

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Сиротка.	5.
Первый урокъ любви и славы.	203.
Литературная таверна.	265.

